

АЛКОГ | ВСЕРАЗЦЕВНИЕ МОРЕЙ

АЛКОГ

VESPER BOOKS
WAHLSTROM PUBLICATIONS
JERUSALEM — STOCKHOLM

МОСКВА «РАДУГА»
1991

Шмуэль Иосеф Агнон (1888—1970)

«Из-за злодея Тита я родился в Галиции, но должен был родиться в Иерусалиме».

Агнон

«Все творчество Агнона сводится к созданию моста между древней и новой еврейской словесностью».

Путеводитель по Агнону

«Ультрасовременный и ультраконсервативный, он был неприятным человеком».

Мартин Сеймур-Смит

ШМУЭЛЬ
ИОСЕФ
АГНОН
В СЕРДЦЕВИНЕ МОРЕЙ

ИСРАЭЛЬ ШАМИР
ПУТЕВОДИТЕЛЬ
ПО АГНОНУ

ПЕРЕВОД С ИВРИТА

ББК 84.5И

А23

Перевод на русский язык и комментарий И. Шамира

Редактор И. Бадалбейли

Предисловие Л. Аннинского

Оформление Э. Зарянского

В оформлении книги использованы фрагменты витражей Марка Шагала в синагоге Медицинского центра Иерусалима

Агнон, Шмуэль Иосеф

А23 В сердцеvine морей: Сборник / Пер. с иврита И. Шамира; Предисл. Л. Аннинского.— М.: Радуга, 1991.— 335 с.

Палимые нещадным южным солнцем, покрытые пылью дорог и веков, с неистовым блеском в глазах, вобравших в себя боль и радость, надежды и разочарования, любовь и веру, идут в Святую Землю пилигримы, преодолевая на своем пути моря и горы, спасаясь от ярости злых наветов и хищных зверей. В их нестройном ряду, опираясь на сучковатый посох времен, ищет свой путь и автор этой книги — выдающийся израильский писатель, лауреат Нобелевской премии Шмуэль Иосеф Агнон (1888—1970). Современник Фрейда и Джойса, Кафки и Пруста, Агнон в своем творчестве достигает небывалых высот духовности, носителями которой становятся простые люди с их вечными заботами о хлебе насущном и неутолимой мечтой о лучшей доле.

А $\frac{4703020100-231}{030(01)-91}$ КБ 34—27—1990

ББК 84.5И

© Israel Shamir, 1981

© Предисловие и оформление издательство «Радуга», 1991

ISBN 5-05-002713-6

В сердцеvine морей

и другие утешительные и занимательные

рассказы о чудесных избавлениях

на водах и на суше, записанные

Шмуэлем Иосефом Агноном

на Святом языке и пересказанные

на эдомитянском наречии

Исраэлем Шамиром,

жителем иерусалимским,

а также

Путеводитель по Агнону,

с раскрытием всех тайн

сионских мудрецов,

составленный оным **Шамиром**

СОДЕРЖАНИЕ

Л. АННИНСКИЙ. АГНОН В ВЕЧНОСТИ И В ТЕКУЩЕМ МОМЕНТЕ	8
ПРЕДИСЛОВИЕ РАББИ АЛЬКОФРИБАСА	17
ПРЕДИСЛОВИЕ ПЕРЕВОДЧИКА	18
ТРИ КОРОТКИХ РАССКАЗА ПРО ЧУДЕСНОЕ	
Почему учителя нашего мудреца р. Исраэля	23
Иссерлайна не сразу впустили в рай по кончине	
Пляска смерти	27
Клинок Добуша	32
ТРИ РАССКАЗА ПОДЛИННЕЕ ПРО СТРАНУ ИЗРАИЛЯ	
Десяния посланца из Святой Земли,	
да возведется она и отстроится	37
Прах Земли Израиля	49
Под деревом	61
ТРИ ГЛАВЫ ИЗ РОМАНА «СРЕТЕНИЕ НЕВЕСТЫ»	77
ТРИ РАССКАЗА, ЧАСТИЧНО	
ОТНОСЯЩИЕСЯ К ПРЕДЫДУЩЕМУ,	
А ЧАСТИЧНО — К ПОСЛЕДУЮЩЕМУ	
Свет Торы	129
Три сестры	132
Правые стези	133
В СЕРДЦЕВИНЕ МОРЕЙ. Роман	139
ПУТЕВОДИТЕЛЬ ПО АГНОНУ	223

АГНОН В ВЕЧНОСТИ И В ТЕКУЩЕМ МОМЕНТЕ

Что значит Агнон для человечества, уже несколько прояснено; что значит он для русскоязычного читателя, еще предстоит понять.

С точки зрения человечества его оценил, вручая премию, Нобелевский комитет: Агнона сравнили с Сервантесом. А еще его сравнили с Борхесом, который салютовал Сервантесу. В обоих вариантах имеется в виду печальный образ Рыцаря, ведомого идеалом сквозь жизнь, лежащую во зле; во втором варианте к изначальному донкихотству добавляется еще и нынешний скептицизм, сознающий бессмысленность донкихотства и, однако, сохраняющий ему верность.

Что касается литературного замысла, то у Агнона замысел таков: перед нами реконструкция души средневекового еврея (собственно, не средневекового, шире: от изгнания до алии — две тысячи лет, вся диаспора), как если этот еврей тратил себя в веках не исключительно на чтение Торы и Талмуда и на хранение допотопной веры, а и на то специфическое автопортретирование, которое в наше время называется художественным творчеством.

Конкретнее говоря, Агнон во всеоружии теперешней литературной техники воссоздает портрет еврейства, как если бы еврейство написало о себе само в ту пору, когда оно о себе не писало, и даже техники такой не было.

Решая эту задачу, Агнон стал великим еврейским писателем. «Он создал светскую литературу — современницу и сестру религиозной еврейской словесности», как формулирует Израэль Шамир, переводчик Агнона на русский язык. И добавляет, что ролью своей в становлении литературы на иврите Агнон аналогичен Пушкину, давшему России современный литературный язык.

Шамир тотчас предусмотрительно уточняет: правда, Пушкин малопереводим и к другим языкам не прививается. Продолжая аналогию, мы вправе спросить: а что даст Агнон современному нашему читателю, не озабоченному специально развитием ивритской словесности? Что нам сегодня до раздумий какого-нибудь резника из Язловиц

или ребе из Бучача, живших в позапрошлом веке и решавших: идти им в Святую Землю или оставаться в польских или молдавских краях?

И еще: как нам читать Агнона, если замечания, коими обмениваются его герои, может понять только тот, кто всю жизнь просидел в мидраше, изучая «Мишну, и Гемару, и Галаху, и Аггаду»?

Хорошо, нашелся подвижник, Израэль Шамир, засел-таки за святые и прочие книги, веря, что Агнон нужен русскому читателю, — не просто перевел избранные тексты великого старика, но написал обширнейший и увлекательный комментарий, своего рода агнониаду, «путеводитель по Аггону», создав тем самым контекст, в котором русский читатель сможет воспринять эти пряные и необычные тексты.

Хотя, строго говоря, элементы, из которых слагаются Агноновы легенды, в русской культуре известны. Точнее, известны в русской литературной традиции те элементы, из которых слагает русскую версию Агноновых легенд Шамир. Вообще же перевод — таинство. Тем более перевод оригинала, изначально ориентированного на просвечивание одних стилистических слоев сквозь другие. У Агнона сквозь местечковый говор галицийского сврея (еще не выветрившийся из русской памяти) просвечивает тысячелетний пласт талмудического мудрствования над Книгой, а сквозь мудрствование книжников просвечивает наивная вера пастухов эпохи патриархов, а сквозь веру — еще и бездна, из которой вышла вера.

Стараясь выстроить в русской речи этот сложный сказ, Шамир использует аналогичные или близко лежащие пласты русской культурной традиции.

Первое, конечно, — это библейский ритм, восходящий в русской речи к синодальному переводу Священного писания и к старославянским его вариантам, — этот ритм имеет в русском контексте колоссальную знаковую силу:

«...Сказали Хананье: видно, много дорог исходил ты. Сказал он: так оно, неблизок был мой путь. Сказали ему: где бывал? Сказал им: где был — там былшем поросло».

Лапидарное падение слов из бездны небытия в бездну бытия. Камнепад символов.

Но: «былшем поросло...» Присказка наготове. Сове-

менный русский литературный сказ произрастает на просторечии, на народной байке. И еще: сказ — не просто повествование о событиях, это непрерывная игра с «готовыми смыслами», непрерывный отсыл к традициям либо вызов традициям, это, собственно, повествование вообще не о событиях, а об исполнении некоего замысла, о подтверждении некоего ожидания. Слово в таком сказе отсвечивает ассоциациями. Иногда переводчик превышает уровень допустимости, переигрывает; например — когда привлекает к делу мы с и ю, прыгнувшую сюда из «Слова о полку Игореве». В этом есть филологическое щегольство (не мыслию же растекается по древу, как принято у профанов, — мысию, то есть векшею, белкой), однако «Слово» настолько далеко от Агнона, что словечко кажется нарочитым и искусственным.

Основной же стилевой пласт выверен и реализован с точным внутренним прицелом: перед нами речи человека простецкого, отягощенного массой магических познаний, наивного, доверчивого, суеверного и простодушно-го, верящего и в сглаз, и в порчу, и в премудрость книжников, и в приметы векового опыта. Если навернется слово о бедах, обязательно будет прибавлено: «не про нас будь сказано», ежели о покойнике, то: «мир праху его», а если о Господе, то непременно: «да святится имя Его» или что-нибудь в этом духе. Речь, конечно, получается витиеватая, петлястая, медленная и препинающаяся, зато каково соприсутствие смыслов! И Нечистый из-за каждого слова может высунуться, но, с другой стороны, и волос головы человека не упадет без воли на то Всевышнего.

Разумеется, и эта стилистика сама по себе не содержит в русской традиции ничего фатально невиданного; и она в свой час прошла через магнитное поле житий, да еще через фантасмагории, миракли, фантасмагии, жарт, если говорить о переводах и вариациях. Во всяком случае, Агнон вряд ли вызвал бы такой интерес у современного (мирового) читателя, если бы просто реконструировал средневековые жанры ради реанимации «средневековой души». И Шамир, перелагая Агнона в русскую речь, откликается, конечно, на куда более острые и современные нужды.

И находит весьма нетривиальные ответы в русской стилистике.

«Вышли они из города и положились на коней...»

Чувствуете многозначность этого «положились»: и усталость всадника, легшего на гриву, и нетерпение, которое ложится над землей стелющимся галопом... Что-то летит сквозь застой быта, какая-то сквозная песнь слышится в препинающейся простецкой речи, какая-то поэма брезжит в жизни пришибленных резников и шинкарей из Бучача и Язловиц.

Кого это напоминает?

«...А рядом с ней стояла ее родственница Фейга, вдова ребе Юдея из Стрыя, мир праху его, — был он из рода владык и богачей, много золота посылавших беднякам страны Израиля...»

А рядом с ней стояла Сарра, жена ребе Моше, внука ребе Авигдора — старосты, да будет ему земля пухом.

А рядом с ней стояла Песиль, дочь ребе Шломо Коге-на, что овдовела в то время и собралась следовать за отцом своим, чтобы принять страдания Земли Израильской...»

Разумеется, в прозе самого Агнона так же мало гоголевского, как и того, что идет от «Слова о полку Игореве». Но если реминисценции из «Слова» уведут русское ухо от Агнона, то Гоголь, как ни странно, на него наводит, помогает воспринять и понять. Почему? Потому что здесь бытийное, эпическое, героическое сращено с бытовым, профанным, комическим. Именно Гоголь сделал это сочетание неабсурдным для русского сознания. Именно Гоголь соединил божественное с «низовым», так что мы спокойно терпим соседство библейских коленоперечней (жена Моше... внучка Авигдора) с тем, что Авигдор — «староста», или даже с чем-нибудь вроде того, что вдова откусила ухо заседателю. Важно не то, что вдова сделала, а тот факт, что о сделанном ею «знают все».

Кто «все»?

Весь Бучач.

То есть в данном случае «весь Бучач» — это без сомнения весь мир. «Во всем мире не найдешь городка ближе к Бучачу, чем Язловиц...» Вы слышите! Вот чем весь мир занимается: он о Бучаче думает. Весь мир стоит в свидетельствах того, как человек в рваной одежде по имени Хананья отправляется из галицийского местечка на землю праотцев. Весь мир — вот место действия для героев Агнона, за-

вороженно идущих сквозь смуты и погромы, сквозь гнев и милости местных начальников, сквозь нищету, которая ничему не препятствует, сквозь достаток, который ничего не стоит.

Эпос мирового духа кроется в душе оборванного Хананьи точно так же, как на русской нашей почве он может быть сокрыт в душе какого-нибудь Чичикова. Это как раз и значит, что ни волос не падает с головы человека без воли Господа, хотя жизнь человека висит на волоске. Как зачарованные идут к своей цели герои Агнона. Всякий встречный может их обидеть: разбойник может ограбить, стражник посадить во узилище, разбушевавшаяся народная толпа уничтожить или спасти. И летят они, как пылинки в солнечном лучике, и чувствуют только направление луча. Все внешнее — страшно, неустойчиво, ненадежно, неверно, смертельно опасно в их жизни, зато внутри, в душе, — невероятная, нестигаемая, несдвигаемая твердость. И все — Богу, каждое словечко, каждое движение. Живет человек в каких-нибудь Понизовицах, но Понизовиц этих в упор не видит, а парит в воздухе. Бричка его — как колесница. Всякий помысел — не просто помысел, но свидетельство. Кому? Богу, что о любом его волоске думает. И эта связанность внутренней жизни идет об руку с неслышанной, сомнамбулической свободой: жизнь «сквозь все» — жизнь в воздухе...

Не здесь ли — глубинная связь с Сервантесом? Человек смотрит на ветряные мельницы, а видит великанов. Все происходит в контексте вечности, все мелочи равно значимы в напряженнейшем поле смыслов. И юмор, недобродушный юмор Агнона, в сущности, тяжел от внутренней околдованности, от перенапряжения символики. Внешняя легкость — и свинцовый заряд внутри: зачарованность, гипноз Слова, гипноз Знака, гипноз Книги. «Еврейский синдром».

Да, еврейский. Но с тем уточнением, что Аггон, по существу, раскраивает эту еврейскую душу, распластывает ее, проводя скальпельную линию между униженностью «галута» и гордостью «Израиля». Писавший на обоих еврейских языках: на идише и на иврите, Аггон вобрал в себя оба начала, ибо идиш — язык еврейского рассеяния, а иврит — язык еврейского сплочения. Аггон сопоставил

две душевные ипостаси еврейства: душу изгнанника, вечного «гостя», сидящего «на чужом пиру», и душу хозяина, возвращающегося в свой дом. Герои Агнона — на перепутье, они меж изгнанием и домом, но внутреннее решение их твердо: в противовес героям диаспоры, застенчиво выпрашивающим себе право на жизнь, они сквозь эту жизнь идут, как бы не замечая ее,— тихие одержимцы, «очарованные странники» (лесковским словом говоря),— идут исполнить Завет в Закон.

Сплетается судьба из паутинных случайностей, но человек говорит себе: закон — есть, и то, что он есть,— чудо. Человек счастлив и обретает мир в душе неожиданно и странно, в момент, когда, казалось бы, он теряет все. Он идет с саженцами на землю, которой нет; значит, она есть. Фантастика духа. Измаильтянин воюет и убивает, поэтому проигрыш войны для него — конец и родины, и судьбы, а у израильтянина «все наоборот»: идет с саженцами и верит, что земля, потерянная две тысячи лет назад, ждет его, как невеста, и что родина «которой нет», все-таки есть.

Что такое «две тысячи лет», когда герои Агнона живут вне времени! И что такое «родины нет», если ее нет «только» в координатах той или иной чужой земли! Координаты пространства неважны, вместо них есть одна значимая точка: Синай, она и есть пространство. И координаты времени неважны, ибо во времени есть только одна значимая точка: Завет, она и есть время.

Душевная организация, совершенно безумная с привычной и обыденной точки зрения. Вечность есть, а времени нет: течения времени нет; мировая история — какой-то проходной эпизод в лоне господня мира. «Из-за злодея Тита я родился в Галиции, а должен был родиться в Иерусалиме» — похоже, что эта фраза была для Агнона главной в его Нобелевской лекции; конечно, «злодей» — ритуальная маска римского полководца, давно скрывшегося в толще истории, но для Агнона это — вот сейчас; Тит — лично обездоливший его Злодей; никакой толщи истории нет; сегодняшняя страсть пылает сквозь предание.

Для Агнона события не развиваются по исторической восходящей, они равно удалены (или равно приближены)

относительно точки исходного (и конечного) смысла. О падении Масады он может говорить с такой же неугасающей болью, как о шестидневной войне, которую восьмидесятилетний старик застал на этой земле. Истории нет — есть Закон, который исполняется либо не исполняется.

Монолитность души, связанная с этой сомнамбулической концентрацией вокруг центральной точки, изумительна. Когда думаешь о том, вокруг чего собралось, создано еврейство, что за сила погнала Авраама из Месопотамии в пустыню, ради чего надо было так отрезать себя от «остального человечества», то поражает видимость простота и односложность иди: Бог един. И только! Вместо множества — единство. Ничего больше. Бог невидим, неизобразим, неохватен. Он неопределим. Просто един — и все. Константа. Неизменная. Неподвижный ориентир в скользющем бытии. Ради этого — на костры, в душегубки, во рвы расстрелов. Это — и в основе, и в результате. Е д и н.

Не мало ли? Не странно ли? Не узко ли? Что за сила таится в этом упрямом «однообразии»? Уже ведь и от ствола единобожия отпочковались две мощные ветви: христианство и мусульманство, и охватили полмира — именно потому, что вняли многообразию мира, потянулись к его изменчивости, к его новизне, выстроили ступени к ней, приняли ее. Иудаизм остался — «при стволе»: при Завете, при Договоре, при чистоте первоначального Слова. Что же, верность — самоцель?

Да, самоцель! Чем шире, многообразнее, непредсказуемее разливается Смысл по пестрому лону жизни, тем упрямее стоят жестковейные при чистоте первоначальности. Даже тогда, когда эта чистота есть просто знак. Знак верности как таковой.

Сидит тихий еврей всю жизнь над Книгой и не слышит звуков мира; мир бурлит и меняется, а Книга равна себе.

Стоит маленький герой Агнона перед миром, как Давид перед Голиафом; Голиафа терзают сомнения, а Давид сомнений не знает.

Плывет смешной Хананья через Средиземное море в Иерусалим — на платочке, но это не смешно.

Агнон не ставит своей задачей ни развлечь нас — при

всем своим юморе, ни увлечь — при всей своей убежденности. Он ставит перед нами зеркало, странное зеркало, в котором мы видим себя с фантастической точки. Но видим — себя. Я понимаю, что моя попытка смоделировать восприятие агноновских легенд есть не более чем гипотеза, к тому же возвращенная на чисто российской почве. И все-таки: представим себе, от противного, ту душу, которая смотрится в Агнона, как в перевернутое зеркало.

Что нам до Хананьи, до платочка, до «средневекового еврейства», как если бы оно вздумало написать о себе! Что нам до Синая, если мы никогда там не были и не будем! Что нам в Иерусалиме — ведь не нам уготована эта Земля-Невеста! Что нам Договор, заключенный не нами и не про нас!

Но сама магия Договора, сама твердость Закона! Мы, в непредсказуемости нашей волюшки гуляющие по земле, ненавидящие всяческую «крепость», преступающие всяческие «пределы», — разве не чувствуем, что немереная земля наша стонет стоном от нашей гульбы и души наши разрываются оттого, что нам закон — не писан?

И все мечтаем с очередным поворотом «поступательного развития» усилиться и слепить «нового человека», а потом оказывается, что человек этот новый пятнист, как и его пращур времен Каина.

А самогипноз единства? Мы, помешавшиеся на всепоимании и всеотзывчивости, всему откликающиеся и ко всему причастные, — не чувствуем ли, как мир наш ползет и распадается и «плюрализм», к которому мы кидаемся как к спасению от тоски «сплочения», слепит и путает нас многоцветьем и непредсказуемостью и разве не тоскуем мы по какой-то неведомой нам внутренней основе, любой, только бы душа была равна себе?

А история, в которую мы впряглись, как ломовые лошади! Мы, наследники той пьянящей традиции, которая, на перекрестке «Афин и Иерусалима», впервые осенила жизнь человечества как процесс, как путь — в противовес языческой античной цикличности и иудейской восточной незыблемости, — мы в полной мере познали и величие, и тяжесть этой традиции. И вот, несколько столетий кряду, втянувшись в гонку сначала «европейской истории», а затем и «мировой», надрываемся от пятилетки к пятилет-

ке, нумеруем войны и съезды, каждый очередной пленум называем историческим и все время держим перед собой некую цель, уточняя ее, отдаляя, корректируя,— а потом вдруг обнаруживаем, что все это «историческое действие» отдает самогипнозом и идем мы на самом деле то ли «не туда», то ли «по кругу». Разве не возникает и у нас смутное ощущение, что могут быть ценности и превыше Истории? И что вечность реализуется не только в гонке по «историческому пути»?

Да, есть что-то такое в смешных суеверных героях Агнона, всю жизнь читающих Книгу, написанную Бог знает когда. Есть что-то важное для нас в писаниях этого самоучки, Иосефа Шмуэля Чачкеса, родившегося в 1888 году в местечке Бучач в семье мудрого и образованного еврея, да будет ему земля пухом. Есть что-то в писаниях галичанина, австро-венгерского подданного, взошедшего в Иерусалим, а затем отъехавшего в Германию, где он оставался, пока дом его не сгорел со всеми рукописями, после чего он вторично взошел на Святую Землю и стал Агноном. Здесь нашла его в 1966 году Нобелевская премия, здесь нашла и мировая слава. Здесь он умер в 1970 году. Здесь хранится наследие его, в восьми томах изданное при жизни и еще в четырех после смерти.

К малой части этого наследия мы теперь имеем возможность приобщиться.

Л. Аннинский

ПРЕДИСЛОВИЕ РАББИ АЛЬКОФРИБАСА НАЗЪЕ

Зачем переводить Агнона на языки народов мира? Извлекут еще что-нибудь не то. Переводить на иврит — другое дело. Апокриф рассказывает о встрече Агнона и Сола Беллоу. «Переводили ли тебя на иврит?» — спросил нобелевский лауреат будущего нобелевского лауреата. «Не знаю, — ответил тот, — вообще-то переводили на двадцать языков, а на иврит — не упомяну». — «Позаботься, чтоб перевели, а то другие языки слишком быстро уходят с лица земли, лишь иврит остается».

Действительно, других живых языков, современников иврита, на земле нет, отбыли в царство мертвых и латынь, и аккадский, и древнеегипетский, и все прочие молодцы, с которыми вместе мы начинали путешествие в историю, а Библию — ничего, еще читают.

Так что зачем переводить на иностранные языки — не ясно. Да и последствия... «Написали старцы царю Талмаю (Птолемею) Тору по-гречки, и день этот был тяжек Израилю, как день, когда согрешили с золотым тельцом, ибо не переводится в Торе все требуемое... Окончили они перевод 8-го числа месяца тевета, и на три дня померк свет, и мгла застила солнце», — говорят легенды.

Ну ладно, перевел — перевел, но зачем еще и комментарии? Говорится в книге «Праздныe беседы мудрецов»: «Сочинитель один сочинил толкования на Притчи Соломоновы и на книгу Иова. Пришел к великому мужу просить одобрения на толкования свои. Одобрил тот толкования Иова, а толкования Притч не одобрил. Спросил его сочинитель: какой изъян нашел, мол, в моих толкованиях Притч? Сказал ему: Иов многострадальный — много напастей выпало ему, и напасть твоих толкований ему нипочем. Но царь Соломон — мир праху его! — всех благ удостоился, и зачем ему эта напасть?» Да простит толкователя многострадальный Агнон...

ПРЕДИСЛОВИЕ ПЕРЕВОДЧИКА

Слушай, Израиль,

Господь Бог наш, Господь один есть.

Эти слова — символ веры евреев из поколения в поколение. Мифы греков красивее их веры. Вера евреев прекраснее, чем все их сказания. Праотец всех евреев Авраам открыл идею единого Бога. Выше этого ничего не бывает, но и труднее — тоже. Человеку трудно верить в Бога, которого и увидеть нельзя, который и чудес не вершит уже многие века, который лишь — вера. Отсюда все сказания иудеев. Авраам жил в Междуречье. Он открыл для себя единого Бога, превыше звезд и Солнца. Тогда он собрал своих овец и ушел в пустынную землю на Западе, в Землю Ханаанскую. Там он жил, передавая свою веру потомкам. Эта история показалась недостаточной — расписали ее узорами: Авраам спасся из печи огненной, Авраам поразил тысячи солдат Вавилонского царя Нимрода.

Но дело, конечно, не в этом. Если бы вера в единого Бога спасала от печей — кто молился бы идолам? Мы живем в суровый век, когда избранные Израиля были переработаны на мыло в лагерях. Никто не был избавлен, никто не смог остановить чудом огненную печь крематориев Освенцима. Поэтому в наш суровый век лишь единобожие выдерживает, поэтому я возвращаюсь мыслью к Аврааму, к нашему далекому предку. Единобожие не основано на вере в явление ангелов Господних, на вере в Избавление — лишь на вере. Нам — верующим в единого Бога — и агностикам, и атеистам, и иноверцам — один путь, одна надежда. Единобожие выше всех рассказов о единобожии, даже выше Писания. Фраза в начале этой страницы — быть может, самое близкое приближение к абсолюту, какое только можно достичь, все остальное будет шагом назад.

И все же я взялся пересказать вам рассказы о чудесном избавлении. Нет, не разуверился я в Боге Иова, в Боге без избавления и спасения. Но его величие невозможно прокомментировать, невозможно даже добавить еще одну фразу к первой, чтобы не умалить ее. Нечего больше сказать о единобожии, поэтому вам предлагаются рассказы

о евреях, немножко избранном народе, который рассказывал издавна рассказы о чудесном избавлении, но верил в единого Бога, несмотря на полное отсутствие избавлений. Можно сказать, что евреи были по характеру истовыми идолопоклонниками, пока не нашли способ сэкономить на идолах. Но как относились евреи к этим легендам?

С одной стороны, на них ссылались, их цитировали, ими все объясняли. Но с другой стороны, понимали и необязательность, и произвольность таких объяснений. Например, в Бытии 24,1 говорится: «Господь благословил Авраама всем». Легенда говорит — имеется в виду женское имя Всем, то есть Господь послал Аврааму дочь по имени Всем.

Один хасид — прямо со страниц агноновского рассказа — пришел к своему учителю-праведнику и спросил его: «Рабби, ведь у Авраама была дочь Всем, как нас учит легенда. Она была, очевидно, от другой жены, не от Сарры, а значит, Авраам мог выдать ее замуж за своего сына Исаака, сына Сарры, а не посылать раба Элизера на чужбину сватать дочь идолопоклонника Исааку. Почему же он этого не сделал?» «А потому, — ответил праведник, — что он не хотел женить взавраамашнего сына на сказочной дочке».

А теперь — сказка!

ТРИ
КОРОТКИХ
РАССКАЗА
ПРО
ЧУДЕСНОЕ

ПОЧЕМУ УЧИТЕЛЯ НАШЕГО МУДРЕЦА Р. ИЗРАИЛЯ ИССЕРЛЯЙНА НЕ СРАЗУ ВПУСТИЛИ В РАЙ ПО КОНЧИНЕ

Как представился создатель «Тука жертв», учитель наш, мудрец р. Израиль, спустились по его душу шесть десятков тем ангелов-хранителей, сняли с него похоронные одежды и нарядили в почетные одеяния из чистейших облаков, дали два венца на лоб и восемь миртов в руку и сказали: «Иди и вкушай в довольстве хлеб трудов твоих», иди и вкушай в довольстве хлеб Торы, над коей трудился всю жизнь, и «пей в довольстве свое вино», пей вино, ждавшее тебя в гроздьях с шести дней Творения, пока ты трудился над Торой, подобной вину. Мигом распахнулись рубиновые врата рая, и приветствовали его: «Приди, возлюбленный, в сад и вкуси от сладких плодов».

Услыхали праведники в раю и спросили: что за шум в воротах? Это ангелы-хранители привели собрата нашего р. Израйля, возвратившего Тору изгнанникам в немецкой земле и спасшего Израиль своей мудростью. Вскочили они со своих мест и воскликнули по Писанию: «Израиль, краса моя!» — и вышли за рядом ряд встретить этого праведника и посадить его на почетном месте и послушать его проповедь, а он приготовил ее еще при жизни прочесть праведникам в раю после смерти.

Тут пришел один тощий ангел, у которого и крылья еще не оперились, встал в воротах, простер крылья поперек и не дал ангелам ввести душу мудреца в рай.

Хотели праведники его оттолкнуть. Сказали ангелы-хранители: не с руки вам толкать ангела.

Сказали ему: как решился ты удержать праведника от входа в рай? Сказал им: я из-за него места лишился и не достиг из-из него того, что надеялся достичь благодаря ему. Если кто мог другого возвысить, но не возвысил, ему самому не след возвыситься; а я не только не возвысился, а еще и умалился и лишился собственного места — и все из-за этого праведника. Дело было так: дух мой укрыт был под Престолом Всевышнего и слышал тайны горние, и тайны дольные, и разгадки таинств, и свет был в моем сердце, как свет, что витает в мире и никогда не опускается, а ангелом я еще не был, лишь огоньком, что исходит из Престола и витает над Престолом, как свечение, что витает над водами и припадает к ним. И мечтал я, когда ж прибудет моего сияния и стану ангелом. И ответили мне Небеса и сказали: когда прилепишься к душе праведника. Но то поколение сирым было, и не спускалось великой души вниз. Раз, вижу я, повскакали мои товарищи с мест и давай себя очищать и освящать и всячески готовиться. Сказал я: что это вы галдите и суетитесь? Сказали мне: женщина, что положит душу за Господа при казнях австрийских, родила сына, и ему суждено вернуть Тору народу своими суждениями и обычаями, вот и спускается большая душа вселиться в него, сейчас мы к ней прицепимся и от подвигов этого праведника сделаемся взаправдашними ангелами. Давай, пошли с нами.

Тут вскочил и я, и очистился, как ангел или серафим какой, и всяко себя освятил и несказанно обрадовался, что скоро прибудет моего сияния и стану ангелом. А он возьми и согреси. Вот я и говорю, с чего ему сидеть в раю на всем готовом для праведников, если я из-за него, из-за его греха места среди ангелов решился. А если вы мне не верите, то я и создан из того греха. Посмотрите, какое тело у меня тощее,

какие крылья чахлые, без единого перышка, хвалу Израилю написать нечем!

— Какой же завет он нарушил?

Сказал им: если р. Акива решил так, а другой мудрец решил эдак, как поступают?

Сказали ему: неужто не знаешь, что по словам р. Акивы?

Сказал им: а кто нарушил завещанное р. Акивой, что ему положено?

Сказали ему: как нарушившему завет мудрецов.

Вытащил он трактат Талмуда из-под крыла и сказал им: вот, послушайте.

Сказали ему: умер владыка — учебы нет.

Сказал им: это о ком говорится, о вершащем дела, как владыка, но внимающем поучениям мудрецов.

Сказали ему: упаси Боже, чтоб р. Израиль, учивший весь Израиль Торе и многих к учению приобщивший, и нарушил заветы мудрецов.

Сказал им: этот трактат вам докажет.

Глянули и увидели, что трактат «Срединные врата» у него в руках. Спросили у раздела «Двое держатся за покрывало»: может, держался р. Израиль за чужое покрывало и своим называл? Открыли листы рот и молвили: Боже упаси.

Спросили у раздела «Находки»: может, находку нашел и не заявил о том? Ответили листы: Боже упаси, не будет такого во Израиле.

Спросили у раздела «Залог»: может, не вернул вверенного на хранение владельцу? Ответили листы: Боже упаси.

Спросили у раздела «Золото»: может, слова р. Израиль не сдержал? Ответили листы— Боже упаси!

Как дошли до раздела «Рост», лишь затряслись листы и не молвили слова. Сказали: Боже упаси, не может быть, чтоб брат наш р. Израиль брал в неурожай меру за меру, данную в урожай. И ответили листы: Боже упаси.

Сказали: так в чем же дело?

И стал тот ангел читать по книге: «Двое идут по пустыне, и у одного в руке фляга воды, в обрез, на одного. Если оба будут пить — оба костыми лягут в пустыне, а если пьет один — то ему хватит воды дойти до поселения. Сказал бен Потира: лучше пусть оба пьют и оба умрут в пустыне, чем один увидит смерть другого. Но р. Акива сказал: лучше пусть один пьет и выживет, зачем обоим погибать без нужды? Второму же все равно смерти не миновать. Если человек поделится своей водой, то другого не спасет, только себя погубит. Кому же пить воду — тому, у кого фляга, или другому? И сказал р. Акива: люби ближнего, как самого себя, но не больше, чем самого себя. Сказано в Писании: «Пусть живет твой ближний с тобой», надо понимать — человеку собственная жизнь должна быть дороже ближнего. А поэтому — пей воду сам. Спросили его, а отнять воду тоже можно, если уж своя рубашка ближе к телу? Нельзя, сказал р. Акива, откуда тебе знать, что твоя кровь краснее его крови? Нельзя отнимать и не надо отдавать, чтоб не погубить душу».

Сказали ему: ну, а при чем здесь р. Израиль?

Сказал им: раз шли р. Израиль с товарищем по пустыне, и была у р. Израиля фляга воды в руке, в обрез, на одного, и не стал р. Израиль пить воды, а отдал флягу товарищу, а этим нарушил завет р. Акивы и согрешил.

Сказали праведники: ну может ли такое быть, чтоб умер друг наш р. Израиль и в рай не попал, рай не в рай без этого праведника. Но чтоб Небеса в лицепринятии не упрекнули, пусть чуток повременит, а потом уже и входит.

Так повременили немного с душой учителя нашего мудреца р. Израиля Иссерляйна пред райскими воротами. Тем временем вышли все праведники, что раньше не успели выйти ему навстречу, и с ликованием ввели душу мудреца в рай, и усадили на почетное место, и возвели на амвон, и сели слушать его

проповедь. И о чем речь вел — о словах р. Акивы «Блажен ты, Израиль, очищает тебя Господь от всех грехов» — даже от греха нарушения заветов рабби Акивы. А этого ангела, одни говорят, затоптали в суглоке праведники, а другие говорят, что попросил за него учитель и возвели его в ранг ангела-заступника.

ПЛЯСКА СМЕРТИ

Милые и любые в жизни,
и в смерти своей не разлучились.

2-я кн. Самуила, гл. 1

В глуши земель польских стоит городок, а на краю городка — собор Бога Израиля. У собора малый холм четыре пяди поперек, и красные как кровь кусты блестят с него. Не сыграют тут свадеб. Клики женихов у наоя не прозвучат тут. И семя Аарона — храмовые священники — не ступят на холм этот и по сей день. Почему не ступят жрецы на холм и почему не поставят венчального шатра? Сейчас расскажу вам.

В былые времена жил в городе славный купец, богач и боголюб. И у купца единственная дочь, хрупка и нежна, как солнце красна, как месяц ясна. Пришло ей время любить, и выбрал ей любезный купец мужа по сердцу своему, славного молодца, что Бога боится и Тору чтит. И поставил венчальный шатер перед большим собором, и устроил ей венчание по закону Моисея, по обычаю Израиля, в роскоши и величии, как дала ему по щедрости рука Господня. И знатную трапезу учинил богач для бедняков города, и кликнул скрипачей повеселить жениха с невестою. А для зеницы ока, для дочки единственной,

бил он челом владыке державному, чтоб дозволил ей пойти под венец в шелках, а шелка святому обществу Израиля не дозволялись, ибо с них разор и развал и деньгам перевод. Послал купец с челобитной кесарю — кесарево, а государыне — забавку. Поздравил его владыка и счастья дочери пожелал, но шелков не разрешил, чтоб другим повадно не было. И люди купца понурили головы, а все родственницы и свойственницы невесты кричали: позор, что не дал ей владыка идти в шелковых нарядах и уборах к венцу. Купец не роптал на волю властей, но по взмаху руки ясно, что не по вкусу ему державный указ. И сказал: хороша моя дочь и любезна и в затрапезе. Из-за уборов не откладывают свадьбу, а что превзошли меня — так Господу превосходство. И в ночь полной луны устроил он свадьбу с веселием и с песнями, и с дудками, и с барабанами. А дорогие шелковые наряды поменял на деньги, и деньги дал на приданое сиротам. И устроили свадьбу в роскоши и величии, с веселием, с песнями, с дудками и с барабанами, как дала купцу по щедрости рука Господа. Короче, повели жениха с невестой к венцу. Вельможные гости накинули фату на голову невесте, а поезжане обрядили жениха в белое и на голову положили земли вместо молитвенного обруча филиakterиев.

Глаз покажет слезы о сожженном пламенем Иерусалиме, а сердце пробудит к ответу напоминание о дне смерти. Короче, стоит жених под сенью венчального шатра, а подружки ведут невесту под руки. Поезжане идут ей во сретенье, близятся к ней, возвращаются вспять, и подружки трижды обводят невесту вокруг жениха. Певчий руку к уху поднес, большой палец к горлу приставил и поет, и выходит женихом из-под венца, и весь люд подхватывает хвалу. Стар и млад текут со всех улиц и закоулков посмотреть на веселье жениха и невесты. Они уже под венцом,

и тут малая тучка встает на окраине города. И возвели очи и увидели коня и всадника. И сказал дружка свату — купцу: вот послал владыка нарочного разрешить шелковые наряды. Сказал сват дружке: не может этого быть, прямо написал мне, «другим чтоб не было повадно» и «запрет остается в силе». Так что если пригонит гонец, то несет он грамоту раввина нашему жениху в час его радости. И умолк. И увидел дочь свою нежную и прелесть лика ее и сказал в сердце своем: хороша моя дочь под венцом и в затрапезе. Но по взмаху руки ясно, что не по вкусу ему державный указ. И жених взял обручальное кольцо, и надел жених кольцо на палец невесте и сказал: «Сим ты посвящена мне по Закону Моисея, по обычаю Израиля», и все честные гости воскликнули: «В добрый час!» И жених разбил хрустальный кубок в память разрушения Храма, и прочли рядную, и жены скрестили ноги в плясках. Взяли они два плетеных караваев и захолопали ими пред собой. И одна распевает: «Царю подобен суженый мой», а другая распевает: «Чиста и честна невеста красна», и все подхватывают: «В добрый час!» И невеста опустила два чистых ока в землю. Кто это скачет на коне? Как тяжелая тень скалы падает его тень меж нею и женихом.

И всадник доскакал до венчального шатра, и увидели, что это — наместник. И кинулись старцы города к нему и воскликнули: добро пожаловать, ибо в добрый час пожаловали, и земно поклонились ему, и вынесли медовых хлебов и вина и обратились к нему: яви нам сияние лика своего, пане, прими наше благословение. И мясо и рыба у нас на пиру, затем что свадьба у нас сегодня. Твой холоп выдает единственную дочь за доброго молодца, вот и он стоит перед ликом твоим, в сиянии лика твоего, пане. И узрел наместник невесту рядом с хрупким отроком и чуть не упал с коня. Ударила ее краса по сердцу, и смешались жилы его кровей. Двигом двину-

лась сабля, как пьяная закачалась на боку, застучала по стальным шпорам, шпорам на сапогах. И встrepенулся наместник, как муж от сикеры. И взмахнул наместник саблей и поразил жениха и умертвил его, а невесту схватил и увез в свой дворец.

Жених упал оземь, а грустный смех порхает на его губах. Беззвучно протянет руки увлечь невесту в пляс. Жирная и сладкая мокрота в горле. Скорчилась кожа на шее, и из шеи бежит его жизнь. Смех исчез с губ, и язык высунулся изо рта. Беззвучно устремит очи на лик невесты и невесты не увидит. Кровь стынет в глазах, и кровью он залит. Жених умер. Против большого собора лежит он мертвый. Из шеи брызжет кровь на белизну одежд, на венчальный наряд. Невесты нет — умчал ее наместник. Кричала девица, и нет ей спасителя.

Опоры шатра выпали из рук поезжан, и ужас Божий поразил остатки народа. Что делать. Бог дал, Бог взял. Не на свадебный пир пришли, на похороны. Опоры шатра выпали из рук поезжан, и поезжанам стало горько и яростно. Принесли заступ и мотыгу. И взяли труп жениха и погребли там. Где пролилась его кровь, там и похоронили — у большой синагоги. Прямо в одежде его похоронили, в свадебных одеяниях и в белом покрове, запятнанных кровью его души, и в башмаках — возбудить гнев и местью отомстить. И запятнанную кровью землю погребли с ним. И стал ему венчальный шатер могилой и брачное веселье — вечной тугой. И всю ночь ходили и плакали. И отпевали и поминали его и его невесту многие дни. Но и она недолго протянула во дворце наместника, не хотела отступить от веры в Господа Бога Израиля. И ходила в мраке и запустении от тяжкой кручины. И раз наместник поехал на охоту, а она села у окна, выходящего на город. И увидела площадь перед собором, где венчалась. И вспомнила младость, день венчания, как стояла рядом

с суженым у большого собора. Всадник на коне скачет, скачет к шатру. Дружки хлопают в ладоши и кричат: «Царю подобен суженый», а подружки хлопают караваями и кричат: «Чиста и честна невеста красна», и весь люд подхватывает: «В добрый час!» Кто это скачет на коне, как тяжелая тень скалы падает на сердце? И венчальный шатер дрожит над головою, и опоры его падают на землю. И рухнула на колени, потому что перевернулось у нее сердце. И она при смерти, а служанки говорят: вот вернулся хозяин с охоты. И не ответила им, и не глянула. Сказала: принесите мой венчальный наряд, в котором меня привезли сюда. И принесли ей венчальный наряд, в котором ее привезли во дворец. И одела ее рабыня в платье, в венчальное платье. И рвется она встать и пуститься в пляс, и возвращается наместник с охоты в одеждах, багряных от крови. И бросил дичь и кинулся к ней, а она отдала душу и умерла. И вырыл ей наместник могилу меж могил бога чужого. И пошли все его приближенные и все его рабы и понесли ее на плечах и похоронили меж могил бога чужого. И из ночи в ночь, в глухую полночь, когда дважды закричит петух и звезды сменятся в тверди, раскроется беззвучно могила меж могил бога чужого и женщина в покрывалах взойдет в ночную тень. И укроет платом лицо от страха стражей ночи и выступает в кручине своей к большому собору. И тогда восходит из могилы ее мертвый жених, здесь под шатром пролилась его кровь. И в тени ночной простирает руки, прижимает свою суженую к сердцу, и вместе пускаются в пляс мертвых. Затем не ступят храмовые священники на этом холм, и свадеб тут не празднуют и по сей день.

КЛИНОК ДОБУША

Добуш атаманом разбойников был, и в горах Карпатских его логово, и сети его раскинуты над большими дорогами. Много друзей у Добуша, а Добуш — глава другим. Встретится им путник, исповедается, да и не встанет с покаянных колен — не от клинка, прежде от страха умрет, затем, что удалы молодцы Добуша, а до Добуша им далеко. И был им Добуш атаманом. И в руке у Добуша клинок, что дал Ангел Смерти Добушу. Но с соседями мир у него, окрест Коломеи, и Коломея, и села вокруг носят дань Добушу. И так жил Добуш с соседями, и соседям вреда не чинилось во всех тех местах, где гулял Добуш со своими молодцами. И Коломея, и села вокруг приносят Добушу и его молодцам и муку, и мясо, и горох, и бобы, и мед, и масло, и сыр. И коли заколет мужик борова или состряпает баба вареников, посылают с сыном или с дочкой и мяса, и крови, и вареников Добушу и его козакам, от любого блюда чтоб отведал. И по праздникам их спустились молодцы Добуша в села крутить в танце сельских молодок, убранных в наряды, что сняли люди Добуша с погубленных и отдали тем.

И настала зима, и не принесли дани Добушу, и заголодали Добуш и его молодцы. Ничего не несут в горы, и путников нет, потому что замело пути снегом. И сидят так удалы Добуша, слюна стынет во рту, и борода, как сосулька, и в мать и в душу ругаются, и говорят, что если не вытащат материнских костей из могил разгрызть, то, как сор, падалью лягут в поле в горах Карпатских, а те и не скажут: вот молодцы Добуша. И сказали друг другу: что нам здесь сидеть и смерти ждать, нападём лучше на одно из сел, и оживим душу, и не помрем. И велел Добуш налететь в ночи на Коломею, и собрались они налететь на Коломею, и дошли до околицы, и видят — свет в каждом доме. И сказали: пошли,

скорее нападём и найдём мяса и вина, ибо сегодня — суббота у Израиля. И ворвались в Коломею.

А Коломея — как чаша полная, и евреев там много, купцы торговые, и в каждом доме свет, едят и пьют и веселятся. И увидел Добуш Коломею и воскликнул: нет на земле человека без стола да печи, лишь у нас ничего нет. И сказали молодцы Добуша: не кручинься, Добуш, сейчас налетим на город, и тогда отведаешь еврейских калачей и выпьешь много вина. Тогда набьешь себе брюхо, и рот не остановится от изобилия снеди. И сказал Добуш: на добычу, братья. И занес Добуш клинок свой над городом, а в городе был тогда рабби Арье.

И сначала налетел Добуш на дом р. Арье, потому что его дом на околице. И все домочадцы р. Арье, что были в дому у р. Арье, разбежались, спасая души свои, ибо напал на них страх Добуша, и бежали, а р. Арье стоит себе у стола и освящает субботнее вино. И сказал Добуш р. Арье: что стоишь? И не ответил р. Арье Добушу ни слова, потому что освящал вино р. Арье, а нельзя евреям слова молвить во время освящения субботы. И опустил Добуш руку на клинок, и выхватил клинок из ножен, и ударил Добуш р. Арье по руке. И плеснуло вином из бокала на меч Добуша. И не мог Добуш пошевелить клинком. И вновь и вновь пробовал Добуш, не зная, что в этот день ушла сила клинка.

И покоился клинок весь вечер субботы и весь день субботы, пока не вышли звезды и ушла суббота. А р. Арье сидел в кресле, и руки омыл, и отпил, и над хлебом благословил Дающего хлеб, и дал Добушу, и ел сам. И Добуш благословил р. Арье и ушел.

И встал Добуш после едова и после пития, и вернулся он со своими молодцами в горы, и по дороге грабили они всех встречных, затем, что удалцы люди Добуша, и в руке у Добуша клинок, что дал Ан-

гел Смерти Добушу, ни днем, ни ночью не опочит клинок. Лишь из субботы в субботу, в день седьмой, когда почил Господь, как освятится субботний вечер, покоится клинок в руке Добуша, потому что пролилось на него освященное вино, когда пришел Добуш в субботний вечер к рабби Арье, и не шелохнется клинок до исхода субботы.

ТРИ
РАССКАЗА
ПОДЛИННЕЕ
ПРО
СТРАНУ
ИЗРАИЛЯ

ДЕЯНИЯ ПОСЛАНЦА ИЗ СВЯТОЙ
ЗЕМЛИ,
ДА ВОЗВЕДЕТСЯ ОНА И ОТСТРОИТСЯ

Однажды занесло меня в один из городов земли Польской. Пришел я в город, но ни души не встретил. Шел я от улицы к улице и от торгового к торговому и вижу — все лавки закрыты. Стою я и дивлюсь, и недоумеваю, и прикидываю: ведь день еще велик, почему же все лавки заперты и затворены, почему ни ноги на торговом? Не дай Бог, наслали власти лютую кару на народ Израиля и те собрались в мидрашах и душу отстаивают в молитве, а может — со счету дней сбились и будний день за праздник сочли? Пока я так стоял, услышал я рыдания. Пошел в ту сторону и пришел в мидраш и вижу: там полно сынов Израиля, окутаны в талиты и украшены филактериями, и лица их как факелы; сами стоят в слезах на коленях и бьют себя в грудь и приговаривают: горе нам. И лишь слышат они, как слово «Иерусалим» выходит из уст проповедника, с превеликим рыданием падают они ниц, пока филактерии на голове не заблестят от слез. А вокруг ходит служка с большой кружкой для пожертвований в руке, а на ней написано: «На страну Израиля», и все бросают в нее — кто гривну серебра, а кто и золотой. И так потрясло меня это зрелище, что волосы стали дыбом, и не нашел я в себе сил спросить, что это и почему это. Подумал я, если это — смертные люди, так сказано ведь: «Удержи свой голос от рыданий» (Иеремия 31:16), а если ангелы они, то и ангелы, и серафимы гимны поют, а не

плачут. Подождал я, пока не окончат молитву. А как завершили молитву, встрепенулись они, как орлы в гнездах, и вынули книги из ковчега. И кто сидит и учит Талмуд, а кто сидит и учит Мишну, и читают они законы о святости и чистоте Храма голосом, промытым слезами, и очень я этому удивился, что все занимаются законами о святости и чистоте Храма, а не главами о вреде и ущербе, как принято у польских евреев. И даже люди, что по лицу не похоже, чтоб постигли до конца мысли учителей наших,— и те учат Закон восхищенно и радостно, так что слова выходят у них изо рта, как гимны и песнопения.

И очень полюбился мне их голос, как путнику в пустыне, что слышит птичье пение, хоть и не видит селения, но уже радуется его сердце, потому что понимает — близки дома, сады, апельсиновые рощи. И как увидел я такое рвение, так и не мог собраться с духом спросить, в чем дело. Если чеканят корону царскую и прервет кто работу чеканщиков, не на его ли голову падет вина? Тем временем спустилась ночь. Сели все в прах и вознесли горестные молитвы о Сионе, пожранном огнем, и так сидели они, объятые ужасом и страхом и дрожью великой, так что чуть с душой от горя не расставались, пока старик один не принес вина и калачей, и выпили они за то, чтобы в будущем году быть в Иерусалиме. И так шел этот старик от одного к другому, пока не дошел до меня. Налил он мне вина и дал медовый пряник и протянул руку, чтоб принять здравицу. Тут схватил я его за руку и воскликнул: клянусь, что не отпущу тебя, пока не ответишь на мой вопрос. Сказал он мне: спрашивай, сыне, спрашивай. Спросил я: почему это собрались вы в доме молитв с таким превеликим плачем? Ответил он мне: а где же собираться Израилю, если не в домах молитв? Сказал я: это ты хорошо сказал, что где, мол, Израилю и собираться, если не в доме молитв, но я-то что спрашивал? Про

рыдания ваши спрашивал. Возвел старец веки и спросил: не из этих мест будешь? Не из этих мест, ответил я. Откуда же ты, спросил он. Сказал я ему, что из Иерусалима я. Как услышал он, что я из Иерусалима, схватил он меня в объятия и закрутил по всему мидрашу, восклицая: иерусалимец с нами, иерусалимец с нами,— и усадил меня на почетное место. И все разом воскликнули: в добрый час, в добрый час. И все кинулись ко мне, и ну жать мне руку, и ну обнимать. Тут воздал я хвалу Господу, что дал голос Иакову, а руки — Исаву, потому что если бы он дал и руки Иакову, то ничего бы от меня не осталось, кроме, может, мизинца.

Сказал я им: диво дивное, это место — просто диво какое-то, пришел я в город — а там ни души, пришел в дом молитв — а в нем полно. Сказали мне: погоди, и про не такие чудеса услышишь. Сказали друг дружке: сейчас кинем жребий, кому выпадет честь принимать иерусалимца за своим столом. Сказал им тот старец: зачем бросать жребий, кто даст больше всех на бедняков страны Израиля, тот и примет его у себя. И тут же стали продавать меня с публичного торгова, как какую диковину. И один кричит: даю 18 золотых, ибо 18 — это «жизнь», если азбуку на цифирь переложить, а другой кричит: даю 26 — это имя Божье по цифири, а третий добавляет до 32 — супротив 32 путей постижений истины, а еще один увеличивает до числа «Сион» по цифирной азбуке. Вскочил тут один и говорит: ставлю, как число всех букв имени «Ерусалим». И развязал мошну, и выгащил полный вес слова «Ерусалим» по цифири. Но тут вскочил другой против его и воскликнул: как же можно забыть букву «И» в слове «Иерусалим»? Ведь эта буква «И» — как в имени ГосподИ, мИлостивый, СпасИтель, как в словах Израиль и мИр. Пропадет буква «И» — и не будет ни мира, ни милосердия, ни спасения,— не нам, не нам, а врагам Израиля такое! Вот даю я полный вес слова

«Иерусалим» по цифрам, и гость — мой. Тут же отсчитал он золотые и потянул меня за руку — купил, значит, как по обычаю: пока не сдвинет человек покупку с места — не завершена сделка. Сказал я: братец, убери руку, слава Богу, не к пиратам я попал, чтоб продавали меня с торгов, и не такой я праведник, чтоб ко мне относилось сказанное: «Продают праведника за серебро» (Амос 2:6). Если б не видал я раньше ваших слез, решил бы, что потешаетесь надо мной. Почему? Сказал я им: сколько бедолаг есть в Иерусалиме, что им и есть нечего, потому что гроша за душой нет, сколько человек от голода вспухло в Стране Живых в Сионе, сколько умерло в Иерусалиме от голода, потому что гроша нет, а евреи рассеяния не помнят о них. И если посылают посланца по городам рассеяния собирать на бедняков Страны Израиля, то сколько он порогов обобьет и сколько поклонов каждому отобьет, чтоб преисполнились жалости, но не преисполнятся, потому что благотворители эти, как камень, далеки от подаяния. А тут я пришел к вам; а вы спорите из-за меня, как опять же камень из-за праотца нашего Иакова, мир праху его. Как услышали это, горестно вздохнули о покойном праотце Иакове, мир праху его. Как услышали это, горестно вздохнули и сказали: нет ума пуще опыта, если бы понимали евреи рассеяния, то посадили бы вас в карету и золотыми червонцами осыпали б. Сказал я им: не только не уняли вы моего удивления, но лишь прибавили к нему, и клянусь я Тем, Кто воцарил имя Свое в Иерусалиме, что не тронусь с места, пока не ответите на все мои вопросы. И ответили они мне: раз ты заклил нас Тем, Кто воцарил имя Свое в Иерусалиме, разве можем мы не поступить по-твоему?

И повел речь тот старец и сказал: да будет тебе ведомо, сыне, — и выгацил табакерку из-за пазухи, постучал по крышке и открыл ее, и засунул туда двуперстие, и захватил полную щепоть табаку, и по-

нюхал, и разгладил усы, и засунул себе всю пятерню в бороду и стал разглаживать ее сверху донизу, пока не легла ровными прядками, а затем схватил себя за бороду левой рукой и воскликнул: чего мне тебе рассказывать, можешь и сам прочесть по книге! Окликнул он служку и сказал ему: беги ко мне домой, там под часами увидишь эдакую подставку, а на ней — стеклянный колпак, а под колпаком — ключик. Возьми ключик, отдай его моей жене и скажи ей от моего имени: иди, мол, в мою спальню и подыми верхнюю перину на моей кровати, а затем нижнюю перину, что под верхней периной, открой ключиком ларец, что покоится там у меня в изголовье, и вынь оттуда толстенную книгу — это и есть тот список. Только, не дай Бог, не касайся узелка, в котором увязан прах земли Израиля, а то рассыплется, а я уже старик, одной ногой в могиле, и придется мне ложиться в прах чужбины, не прикрытый прахом земли Израиля. Итак, вынь этот список и принеси его сюда в дом молитвы, чтоб прочел путник все, что записано в списке, ибо не сравниться слуху со зрением.

И сказал я: о поспешники, сыны торопливцев, кажется, что раньше, чем доведется мне услышать этот рассказ, услышу трубный звук пришествия Мессии. Вдохнул старец и сказал: дай-то Бог. Сказал я ему: «Надежда сердце томит» (Притчи 13:12), от нетерпения у меня уже чуть дух не вышел — расскажите, а нет, так я побегал. Все перепугались, перепугался и он и повел рассказ.

Знай, что испокон веков был сей град велик во Израиле и славился учением Божьего Завета и мудростью, и исполнялось в нем сказанное: «И все сыны твой ведают Господа». Даже младенец, что курицы в глаза не видал и слова «Пасха» выговорить не умел, уже знал, какое яйцо можно подавать к пасхальному столу. И если спросишь лотошника на базаре, сколько, мол, ходу до такого-то места, то тот

ответит: успеешь по пути перечесть раздел о первосвященниках в трактате «Праздники», или: хватит на раздел о рабби Ханине,— в соответствии с состоянием. И даже голодранцы, у которых и рубашки на плечах не было, и те умели разбирать по косточкам, то бишь по досточкам, «Бочку» рабби Иоханана, ибо говорит р. Иоханан в трактате «Срединные врата»: «Кто докажет мне, что раздел о бочке в Мишне написан одним мудрецом, а не двумя спорщиками — понесу за ним его одеяния в баню», только из почтения к р. Иоханану упрятали их доказательства. И от такого непрестанного учения все дни были у них как праздник. Сегодня один завершит главу из Талмуда, завтра другой — все шесть книг Мишны, и затевают они пир во славу завершённого учения. И даже в девять дней покаяния перед Девятым ава — днем разрушения Храма и падения Иерусалима, когда следует поститься, — не скрадывали они мясницкого резака, и дух мясной шел от конца и до края города, так что кручины по Иерусалиму неприметно было. А о чем кручинились в самый день Девятого ава — в день, когда дважды разрушался Святой Город? Кручинились о том, что из-за печали отвлеклись от учения. И большой мидраш был у них, и ученые мужи сидят там с Талмудами в руках. И в городе и голоса человеческого не услышишь из-за гласа Торы. Отмолились вечернюю — собираются все мужи города и учат Писание — каждый со свечой в руке (чтоб, не дай Бог, не задремать), так что свет их свечей затмевает свет месяца. А затем гордились они своим городом и говорили: сей град — совершенство красоты, нет ему равного на свете. Случай был с одним из наших горожан, что судился с евреем из другого местечка. Возвел он очи горе и сказал: Господи Боже, ведомо Тебе, что я из города N*, так что реши в мою поль-

* Укрыл посланец название города, затем что покаяться, и не обнаружил названия.

зу. И еще был случай с одним из наших горожан, что приключилось ему быть в другом городе в ночь освящения молодого месяца, отвел он взор в сторону, скривил нос и сказал: тоже мне луна, хотите увидеть луну — поезжайте в наш город. И так шло несколько лет. Деньга водилась, и дома полны Торы, но копилка рабби Меира-Чудотворца с подаяниями на бедняков Земли Израиля пуста и паутиной заросла с червонец толщиной. И Дух Божий машет одним крылом и волочит другое крыло и рыдает, и слезы падают на щелки копилок, и те покрываются ржой. И был случай со сборщиком пожертвований для Земли Израиля: послали собирать деньги из копилок и без топора открыть их не могли, а когда открыли, то ни гроша там не нашли. И не то чтобы, не дай Бог, чуждались эти сердобольные богоугодных дел, но говорили: наша страна — Земля Израиля, и наш город и есть Иерусалим, и чем разбазаривать добро на скудоумцев Святой Земли, откуда до нас ни одной важной книги еще не пришло, отстроим-ка мы лучше себе большой мидраш и украсим его чудными книгами. Сразу выбрали отборное место и приволокли больших камней с горы, и замесили известку на желтке, чтоб навеки стоял дом, и рабочие утренничают и вечеряют на работе, соберутся передохнуть — пихают их старцы града чубуками трубок и приговаривают: ах вы, мужичье, Тора мыкается без крыши над головой, а вы тут себе в разгул бражный пускаетесь. И принесли столы железной прочности, чтоб выдержали все те томы, что кладут на них во время учения, и не подломились. И освятили новый мидраш, и прочли проповедь в честь пристанища Торы. А что проповедовали? Не сказали бы мудрецы наши блаженной памяти: «Кто не видал высившегося Храма, тот не видал сроду подлинного великолепия», — сказали бы мы: наш великолепен; не славился бы Храм мрамором и лазурью, и алебастром «лепее вся» — сказали бы мы,

что книги в чудных переплетах оленьей кожи... и молчали.

А как вознесся Дом учения во всей своей красе, закатился в город один посланец из Земли Израиля, что ездит из города в город, проповедует и на нужды бедняков в Святой Земле деньги собирает. Затащил он свои пожитки в мидраш, покрутился туда-сюда, но так как все утруждены наукой были, то никто ему руки не подал, и «добро пожаловать» не сказал, и не спросили его, откуда он и куда, и есть ли ему где остановиться, и у какого богача он на постое, и стол пред ним не накрыли, и стакан чаю не поднесли. Вынул вестник из котомки две-три маслинки и ломтик хлеба с маслинку, мало ел, много вздыхал, отпил воды из ведра, взял посох и пошел к раввину за разрешением сказать проповедь в мидраше в субботний вечер. Ответил ему раввин: град сей до краев полон Торы, и все сыны его ведают Господа, зайдет проповедник в город — мигом задавят его своим знанием Священного Писания и рта открыть не дадут, пока не сойдет он с амвона с обидой в сердце и со стыдом на лице. Но не обратил вестник внимания на слова раввина и ответил ему словами Писания: «Ради Сиона не умолкну и ради Иерусалима не успокоюсь» (Исайя 62:1), вернулся в мидраш, написал там афишки такие: «Мудрый муж пришел к вам из Святого Града Иерусалима, сахарно проповедует, и сладко послушать его и т. д.», а затем пошел на рынок и завернул к пекарю, купил у него полную миску забродившего теста, покрутился по городу и расклеил тестом афишки. Пришла суббота, пришел весь город его послушать. Взошел он на амвон, закутался в молитвенное покрывало и стал у ковчега со святыми свитками и повел проповедь во славу Земли Израиля и о чудных свойствах ее и о прелести Иерусалима, да отстроится он и возведется. Так плел он кружева изящных рассуждений о благе жизни в Святой Земле, и не

громыхая, а кротко и покойно, и всеми пряностями Торы речь свою одобрил, как учит нас Писание: когда послал Иаков Иегуду и его братьев в Египет пред лик грозного министра фараонова, сказал он им: «Возьмите с собой плодов земли сей и отнесите в дар тому человеку несколько бальзама и несколько меду, стираксы и ладану, фисташков и миндальных орехов» (Бытие 43:11). Намекает этим Тора, что коль соберется человек говорить о Земле Израиля, не начинал чтоб сразу высокими словесами, а чтоб шел постепенно, со ступеньки на ступеньку, пока не доберется до главного, как и праотец Иаков, мир праху его, что сказал потом: «Возьмите вдвойне серебра в руки ваши» (Бытие 43:12).

Проповедует он и слышит голос из толпы. Повернул посланец лицо на голос и слышит, подлавливают его суемудрым вопросом: так, мол, и так. Ответил: так, мол, и так. Поднялся суемудр и возразил: не так, мол, а этак. Привел ему посланец доказательство из Талмуда: так и так. Ответили ему: ты и на игольное ушко не углубился в смысл этого, а по сути — так, мол, и этак. И противоречили его доводам, и опровергли его выводы, пока не потемнело его лицо, как дно сковороды. И так задавили его в споре знанием Закона и словесными уловками, и какое бы он объяснение ни дал — десятью подковырками подловят, ответил на десять подковырок — сразу найдут новые зацепки. Запутали его мысль, и доводы его иссякли. Но сам воздух Земли Израиля прибавляет человеку ума. Что же он сделал? Оставил Писание, перешел к Сказаниям. Но и здесь не оставили ему места укрыться. Увидел он, что одолели его суемудры, смолк, приложился устами к завесе ковчега, уткнулся в щит Давидов, вышитый на завесе, пока не заблестело на ней золотое шитье от слез, снял с себя покрывало и сошел с амвона в стыде лица. И даже положенной после проповеди молитвы тут не сказали, а прямо вознесли пополуденную мо-

литву. Ушел посланец в дальний угол и стал за печкой, заливаясь слезами. А покуда стоял он так, собрались мальцы, которым лет мало, а ума и того меньше, и стали приставать к нему, как мальцы к пророку Елисею. И не только они, но и всякая шушера, дрань перекатная, что с самого начала завидовала посланцу, принялась его допекать, мол, поглядите на этого, обнаглел и взялся нашим великанам духа проповеди читать. Не то место и не тот город ты выбрал, друг любезный. А сейчас валяй, поведай сластенам Земли Израильской, что и в рассеянии де мед с молоком течет. Слушал посланец хулу и не отвечал — только слезы глотал. Потрепал его служка по плечу и сказал: по обычаю Земли Израиля, говорят, учением Торы от обязанности есть три раза в субботу не отделаешься, иди, покушай со мной. Побрел посланец за служкой и поел хлеба со слезой. Чудо великое приключилось там — свечерел день и не увидел обиды людской.

Миновала суббота, а на дорогу ни гроша нет, потому что все деньги, что собрал посланец, отдал он старейшине Святой Земли на нужды бедняков ее и положился на Израиль, что они — милостивцы, сыны милостивцев, — не сожмут, не дай Бог, руки и не завяжут кошель.

И как окончилась утренняя молитва, подошел он к тому и другому и завел с ними разговор о силе и пользе подаяния на Землю Израиля. И каждый находит изъян в речи посланца и лезть в свой карман не спешит. А какой ответ дал ему общинный казначей, этому посланцу, когда попросил у него подаяния на Землю Израиля? Указал он ему на здание мидраша и молвил: сказал пророк: «Будем платить устами нашими вместо тельцов» (Осия 14:3); а еще — Храм отстроенный паче Храма низвергнутого, а также сказано в Торе: «Любит Господь врата Сиона превыше всех чертогов Иакова», а понимать надо, по слову мудрецов наших блаженной памяти:

«Любит Господь врата, осиянные Торой», ибо со дня разрушения Храма не осталось у Господа на этом свете ничего, кроме сияния Торы.

Увидел вестник, что не обращают на него внимания, взял посох и котомку, подошел к ковчегу со святыми свитками Торы, сунул голову меж ними и закричал со всей горечью сердца: Всевышний Владыка, ведомо Тебе, что не почестей ради старался я и не чтобы род свой прославить, но во имя бедняков народа Твоего, народа Израиля, что сидят перед Тобой в Земле Твоей святой и хиреют с голоду; как крутило меня и мотало — и вал морской грозил потопить, и разбойники погубить норовили, но ни разу я Тебе не сказал, зачем, мол, Ты меня допекаешь, а сейчас пришел я к сынам Твоим, знатокам Твоей святой Торы, и гляди, что со мной приключилось. И тотчас закрыл он ковчег, и приложился устами к завесе ковчега, и пошел к двери, и поцеловал мезузу на косяке, и запел чудным голосом стих из речений мудрецов наших блаженной памяти: «Любит Господь врата, осиянные Торой, суждено всем домам молитвы и учения, что на чужбине, утвердиться в Земле Израиля». И в этот миг все почувствовали, как дрогнула земля под ногами, и бросились бежать, спасая души свои, и остановились вдали, и увидели, как стены мидраша клонятся к востоку, как человек, что пускается в путь. И посланец идет перед мидрашом и распевает на грустный лад: «Любит Господь врата, осиянные Торой, суждено всем домам учения и молитвы, что на чужбине, утвердиться в Земле Израиля». И так он распевает и идет, и пошел за ним следом и сам мидраш со всеми книгами, и столами, и скамьями, и идет себе вестник неспешно, а за ним следует мидраш. И так они шли, пока не дошли до речки, а как дошли до речки, исчез посланец и мидраш сгинул, а место, где стоял раньше мидраш, осталось пусто и голо в лучах пополуденного солнца. И как увидели это горожа-

не, так возрыдали они страшным плачем, и в пробуждении душевном раскаялись, и прияли обет на себя, и на семя свое, и на семя семени своего до пришествия Избавителя — да придет Он вскорости в дни жизни нашей — соблюдать тяжкий пост в этот день из года в год, и в этот день поста возносят одни покаянные и горестные песнопения и читают и учат порядок приношения жертв во Храме и главу об обрядной чистоте, ибо пробуждают они душу, чтоб сильнее прикипала к городам страны нашей и к граду Господа Бога нашего.

И еще дают побольше на бедняков Святой Земли и идут к речке просить у того посланца прощения, что не воздали ему должного почета, и продолжают пост до особой полуночной молитвы. А после полуночной молитвы едят малую трапезу, чтоб, не дай Бог, не вышла вострепнувшаяся душа из тела от горя и покаяния, и так есть у них и молитва, и раскаяние, и подаяние, то есть голос, пост и казна.

Выслушав этот рассказ, утешил я их речами и сказал им: о наставники мои и повелители, клянусь я небесами и землей, что видал я мидраш ваш в Иерусалиме; он свят и стоит в святом месте, и святые сыны Израиля свято изучают там нашу святую Тору. И сказал я им: блажен ты, о Израиль, что и дома, в которых ты изучаешь Тору, и те Господь возводит в Землю Израиля. И если уж Господь утруждает Себя из-за простых досок и камней и утверждает их в Земле Израиля, то что уж говорить о святом народе Израиля, что занимается Торой, добрыми деяниями и исполнением Заветов. И это же сказано в Писании: «И приведу их на гору Моей святости, и возликуют в доме Моих молитв». Да сбудется по слову сему, аминь.

ПРАХ ЗЕМЛИ ИЗРАИЛЯ

1

Когда спускался я в Польшу посетить родных и простереться на отчих могилах, приключился мне там кладбищенский сторож из первых Друзей Сиона в городе. В молодости он собирался взойти на Землю Израиля, но пока колебался, взойти или нет, купил себе земель за городом и потерял на этом. Пошел и взял исполу себе поле, и это обернулось убылью. Как сказали мудрецы наши, в чужой земле и добро не к добру: сады себе завел — птицы поклевали, пошел и открыл лавку — продавать лопаты, плуги и семена и корм для скота. Началась война, и перековали его орала на мечи, а семенной запас пошел на фураж коннице. А когда наконец утихла страна и вернулся меч в ножны, собралась Польская держава и забрала двух его сыновей в армию, и жена его умерла. Протянул руки и не нашел прокормления. Пожалели его горожане и поставили сторожить могилы.

Любя страну Израиля, откуда я приехал, оказал он мне ласку и обошел со мной могилы праведников, что удостоился город упокоить тела их в своем прахе, и проводил меня на новое кладбище. А там могил вдвое больше, чем народу в городе, и это не считая умерших на войне, что похоронены грудями и имена их неизвестны.

День был ясный и солнце ласково. Деревья в поле бросали тень, кусты и травы благоухали. Иногда овевал их ветер и нес семена кустарника на могильные надгробья, и те подкрашивали блекнувшие буквы. Прочел я надписи на надгробьях, сочинили их неведомые стихотворцы в честь покойных, что умерли, и в честь живых, что вышли из их чресел. И прочел я на них слова Писания, что из благословенного Господом семени они. Люб Израиль — благословил их Создатель, хоть и посеял в нечистую землю.

Любя Израиль, загрустил я по тем, кто умер в чужой земле и не удостоился погребения в земле Израиля,— две смерти выпало им, смерть эта и смерть грядущая, когда разверзнет Господь могилы и возведет их с собой на Землю Израиля, упокоить их там навеки; в отличие от погребенных в Святой Земле, не жить им в дни Мессии-помазанника, сына Давида, и не вкусить от их сладости.

Еще хуже погибшим на войне, если имена их неизвестны: жены их одиноки и матери сироты,— без радости, без благословения, без пропитания.

Над могилами раздавался плач овдовевших жен, осиротевших детей, сирых матерей, стариков и старух, нищих-побирушек. Месяц покаяния и милосердия Элул был в разгаре, и живые просили у мертвых жизни и избавления, а бедные просили у живых подаяния, чтоб не умереть с голоду.

Попрощался я с мертвыми и пошел с кладбищенским сторожем. Сидим мы с ним и болтаем про то да про се. От слова к слову вспомнили и те дни, когда я был мал и учил Пятикнижие с толкованиями Раши, а он был уже дошлым пареньком и читал газеты и вольные книги. Я сооружаю Храм и его утварь из воска, а он продает марки и акции на обновление Страны Израиля. Напомнил я ему о веселье, как веселились мы, когда впервые привезли бочку вина из Ришон ле-Сиона в город, и как он и прочие вожак сионистов вышли к пристани встречать эту бочку, а затем везли ее в карете, восклицая перед ней: «Первенец Сиона — Ришон ле-Сион» — и другие стихи из Пророков. И еще напомнил я ему день, когда привезли золотые яблоки — апельсины — из Страны Израиля, и весь город кинулся их покупать. Богачи купили по целому апельсину на двор, а бедняки скидывались артелями на одно золотое яблоко. И вся общинная знать стояла рядом и отвечала «Аминь» на каждое благословение, коим благословлял Израиль Давшего золотые плоды. А сейчас, ска-

зал я ему, мы в Стране Израиля едим апельсины, как картошку, не рядом будь помянуты. И даже бедняки Страны Израиля едят их почем зря, благословение глотают, сок высасывают, а сам плод бросают. А к слову о вине, уже позабыл Израиль благословения о вине, веселящем Бога и людей. А к чему их тянет — к водкам, к иноплеменной выпивке, что дурманит душу, тяжелит члены, рассудок человека в живот переводит и все тело делает придатком к брюху. И еще один напиток пьют — газировку, а это и вовсе не напиток, входит в тело, а телу от него никакой радости, лишь поту больше и кровь Израиля в воду обращает.

И еще много рассказывал я о любезных ему вещах. Сидел он и слушал, и глаза его блестили, и губы разомкнулись, как у негомо, что понимает, но не говорит, лишь открывает рот, показать тебе, что он упивается каждым словом и боится лишь, что прервут речь. Правда, не собирался я прерываться, ибо что милее нам беседы о Стране Израиля, но вырвался вздох из сердца сторожа, и прервался я. Спросил его: почему ты вздыхаешь? Или добра не видал? Так не каждому выпадает. А о том, что сыновей забрали в армию, так скоро вернутся. Сказал мне: о том, кому не довелось взойти на Землю Израиля, я горюю. Сказал я: о том, конечно, стоит тебе горевать. И оба мы вздохнули.

Когда собрался я уходить, сказал он мне, что лета отца он уже пережил, и применимы к нему засим слова мудрецов: «Переживший лета отца позаботится о конце» — и попросил меня оказать ему милость и прислать горсть праха Земли Израильской. Пообещал я выслать. Заставил он, чтоб записал я в книжку. Взял я книжку и записал его имя, и город, и просьбу.

Когда вернулся я в Иерусалим, навалилось на меня много дел и позабыл я о просьбе кладбищенского сторожа. Не то что позабыл, а отложил в сторону, как откладывает человек желания друга пред своими заботами. Пришло письмо и напомнило мне. Но все недосуг мне было пойти на Масличную гору взять там земли, написал я ему: «Еще не пришел час». Со временем снова написал мне: сказано: «неведом человеку его срок и т. д.», сегодня на земле, а завтра — в земле, и «как тень проходят дни человека», и конец может прийти внезапно. А засим просит он и заклинает меня, друга отрочества, что удостоился ходить под Богом в Земле Живых в святом граде Иерусалиме, чтоб вырыл для него горсть праха из Земли Израилевой и послал ему — покрыти глаза, как сказано: «Земля народа его искупление», ибо искупление приносит прах Земли Израиля. И он вверяется мне, что воздам ему милостью и не пренебрегу его просьбой.

Как бы малое пророчество сорвалось с его пера. Как ни вспомню — небрежу, вчера — потому, руки не дошли, а сегодня — поэтому, а главное — потому что дорога на Масличную гору считалась опасной, и случай был — пошли старики поклониться могилам праведников, а арабы закидали их камнями, и опасался я пойти туда. Собрался и написал ему: «Есть еще время».

Однажды проверил я свои записи и увидел — все вычеркнуты, кроме той, где написано: Имяреку сыну Имярека в городе N — прах земли Израиля. Сказал я себе: пока не исполнил я этого обещания — не вправе я выпустить эту книжку из рук.

Пока я так размышлял, увидел — несут мертвого хоронить, и вышел проводить его четыре пяди земли, как велит обычай. Пока я провожал, отстали другие провожане и разошлись, и никого не осталось

с мертвым, кроме похоронщиков с носилами. Беден был и немногим знаком, и не нашлось ему провожан. Пристал я к похоронщикам, пока не занесли его на Масличную гору и не похоронили.

А когда похоронили, пошел я по склону горы и накопал там и набил карманы отборным прахом Страны Израиля. Пришел я в город, зашел в ткальню и выбрал там самого лучшего холста, чтоб выдержал маяту дорожную, и сшил из него мешочек, набил его прахом и написал на нем имя и прозвище этого бедолаги и название города и страны его и пошел в Почтовый Приказ.

А на почте было полно народу — и сынов Израиля, и сынов всех прочих народов, населяющих Иерусалим, и у каждого — посылка в руках.

А приказный почтовый сидит за окошком и делает себе что-то свое. Занял я очередь и стал ждать, пока обитатель почтовых палат надумает приблизить меня. А так как почтовые приказные умеренны в деяниях своих, дано мне было время передумать многие думы. Стоял я и думал: к чему эти хлопоты, мало ли сторожу могил земли в его собственном городе, что льстится еще и прахом земли Израиля. Явился мне жирнозем тамошних полей, а с ним — чудесный запах ржи и овса, и овощей и плодов, и прочих ростков почвы, а против его — эта пересохшая земля, спекшаяся, как выжженные солнцем кости непогребенных. Не то чтоб мнил я умалить славу Страны Израиля, праведники возжелали прах ея, но говорят: своей судьбы не беги, на чужую не зарься, кто провел дни свои в иной земле, останется в ней, а наши ноги запылились прахом Земли Израильской, мы придержимся ее праха.

Пока я так рассуждаю, пришли мытарства того человека и простерлись предо мной. Были у него поля — потравили, снял исполу — ополовинили, открыл лавку — опустошили ее воинства, пока не сделался наконец сторожем могил. Много земель было

у него, но ничто не осталось в руках, и сейчас все упование того человека — малость праха земли Израиля, как же не послать ему. Наоборот, пусть сподобится горсти собственного праха. И сказал я себе тогда: нет выше моего дара. И с вящей приязнью глянул я на того приказного, ставшего сотоварищем в посланстве моем. Странно, что тот и не заметил этого. Через час с половиной да еще с лишком добрался я до приказного. Протянул ему посылку и положил пред ним серебро. Принял он посылку и вернул ее мне и сказал: не годится. Спросил я: что значит — не годится, извольте требовать ладного холста — вот ладный холст, чтоб ладно увязано — вот ладно увязано, чтоб буквы были ясными — вот ясные буквы. Встал приказный и благозвучно наставил меня в тайнах уложений о посылках, их изготовления и направления как в пределах страны, так и за ее пределы. Столько уложений о посылках прочел мне, что ни в одну посылку бы не улеглось, да все от огорчения сразу из головы выскочили. Взял я свой прах и вышел с омраченной душой.

Вернулся я с посылкой домой и проверил ее со всех сторон. Хотел вспомнить почтовые уложения, но не упомянул. Но удалось мне понять, что не как положено сделана посылка. Пришло мне в голову: может, он мнит, что запрятал я в мешочек пряности или золото или жемчуга и шелка, как таможенники, что заподозрили праотца нашего Авраама, когда он запрятал праматерь Сарру в сундук, — от глаз египтян уберечь.

Назавтра вернулся я на почту. Представил я себе — скажу приказному: нет тут ничего, кроме горсти праха, — тут же примет он посылку из рук моих и пошлет тому старцу, и тот старец обрадуется превеликой радостью. И от той радости радовался и я, что удалось мне выполнить обещанное. И тут же сказал я себе: как легко человеку поступить по обе-

ту, стоит лишь сказать правду — и сейчас же падут все препоны.

Вошел я в Почтовый Приказ и подождал час или два часа или еще и дольше, пока не дошел до окошка. Чуть приоткрыл приказный окошко, дал я ему посылку и рассказал, что нет в ней ничего, кроме горсти праха, и не стоит ее судить по всей строгости. Взял приказный посылку и проверил ее и сказал: все еще сделана не по заповеданному. Встал и наставил меня в тысяче новых заведений о направлении посылок. Увидел я, что не могу направить его слух, и вышел с омраченной душой.

Поведал я свою беду товарищам и понадеялся, что помогут. Одни проверили связку и сказали: ну что ж ты хочешь, сделана — любо-дорого посмотреть, другие не посмотрели, но дали совет, как увязать посылку, третьи вздохнули и сказали: это дело везения, и царь Соломон со своим мастером-умельцем Бецалелем не постигли бы глубин мысли этого приказного. И так связки ответов послали мне, но все не по сути. Так ли, эдак — не нашелся товарищ мне в помощь. Постыдное свойство — гнев, и след отдалиться от него, а все ж не удалось мне гнев смирить. Как увижу — мешочек лежит передо мной, — гневаюсь и говорю себе: приказный этот без капли любви к стране нашей сподобится не сегодня, так завтра лечь в ее землю, а доброму еврею, у которого только Земля Израиля на уме и в сердце, не достанется ни песчинки малой от праха ее. И не только на приказного я сердился, но и на себя тоже, что был из тех дураков, которым жизнь — как поле ровное, и что вместе со всем светом мнимым этим покоем тешатся. А это ошибка, лишь недоверчивые, подозрительные и сомневающиеся видят истину, а те, что рады свету и рады своей доле, от радости этой глаза от правды отводят.

И день за днем не двинулся этот прах с глаз моих.

Говорил я себе: вот он — лежит здесь без дела, а тот еврей в чужой земле так его ожидает. И уже забыл я, что это — лишь горстка праха покрыть глаза мертвому, и казалось мне — нет ему равного на свете, и чем больше я о нем думал, тем милее он мне становился. И когда замечал я чудное дерево или чудный цветок, то в воображении уже пересаживал их в этот прах. Но как попадает этот прах к тому, кто, его ожидаючи, все глаза проглядел? Может, поехать в другой город или в соседнюю страну и найти там приказного, что не так разборчив?

И по ночам сердце мое не могло успокоиться. Дурные сны и тяжкие кошмары посещали меня во сне. Снилось мне, что блуждаю я чужаком, пуще того, и Иерусалим казался чужим. Люди, которых я считал возлюбленными друзьями, указали мне во сне на шаткие ступени и узкие площадки и дали совет вскарабкаться и спрятаться там. А забравшись, увидел я, что и подобрал руки и ноги и скрючив все тело я все ж больше их и не нахожу себе там места.

Дабы умножить свое горе, перечитывал я письмо кладбищенского сторожа. Уже знал его наизусть и все перечитывал: «неведом человеку, его срок и т. д.», а засим просит он, чтоб вырыл я для него горсть праха из Земли Израилевой — покрыть глаза и т. д. И когда опускал я письмо из рук, появлялись глаза того старца и глядели на меня, как бы говоря: много у меня было земель, да и все ушли из рук, сейчас прошу горсть праха в утешение, а ты удержишь его от меня.

Горе и сны и ночные кошмары причинили много неладов. Мирный человек я, не возвеличиваюсь пред великими и не умаляюсь пред малыми, люблю власти и молюсь за здравие царское. И уже во младенчестве обычен был читать для удовольствия в молитвеннике молитву за здравие кесаря и за здравие всех принцев и принцесс, хоть имена их труднее выговорить, чем имена ангелов, выходящих по трубно-

му звуку. Но со случая с приказным вошла мне сумятица в сердце. Не то чтоб, не дай Бог, спутался я с инакодумами и склонил ухо к худящим державность, но покоя в душе моей не стало. Ходил я по улочкам Иерусалима, а видел перед собой кладбище на чужбине, могилы старые и новые, мертвых больше, чем живых в городе, и весь город полон могил, кроме могильного сторожа, а тот еще жив. Уже пережил лета отца и должен позаботиться о конце. И он горюет и заботится, когда же прибудет эта горсть праха из Страны Израиля. Если б не приказный со своими задержками, уже радовался бы тот бедняга своему праху и беды принимал любя.

3

Но у предпологательств людских нет опоры, ты предположил так, а Кто повыше тебя — расположил по-иному.

Однажды прочел я в газетах о деле почтового приказного, что растратил деньги Приказа и бежал за границу. Прочел я, но не обратил внимания. Да и мало ли дурных дел в газетах сообщается, на каждое внимание обращать, так век в мешковине сидеть и землей голову посыпать.

Когда уже отвлекся я от этого, попал мне в руки газетный выпуск, и я перечитал: «Третьего дня слушалось дело приказного Иерусалимского Почтового Приказа, кравшего содержимое посылок. Следствие и разбирательство по делу шли в отсутствие обвиняемого, бежавшего за границу. Три надежных свидетеля показали и т. д.» Тут мое сердце разъярилось. Сидит себе вдали больная старуха, и все ее упования на сына. Узрел Вездесущий ее беду и вселил в сердце сына мысль — послать ей два-три фунта. Смутилось сердце приказного, и взял себе серебро, и вот умерла та женщина с голоду. И еще —

обнищавшие бедняки ждут подаяния от своих братьев в иных землях. Увидел Вездесущий их беду и вселил в сердце доброхотов мысль — послать им подаяние. Пришел приказный и взял себе серебро, а они помирают с голоду. Мало того, что делу своему изменил и заморил голодом — на врагов Израиля такое, — еще и заградил милость Божью и вызвал хулу на Израиль, — мол, не оказывают милость братьям своим. Постыдное свойство — гнев, и наставляли нас нравоучители отдалиться от него, но признаюсь, что гневался я на этого приказного больше, чем на того, что побрезговал моей посылкой. И даже стал я искать достоинства последнего, мол, потому он так и придирается к посылкам, что заботится о добре Израиля, чтоб не потерялось, хоть он и не сын Израиля. И с мыслями этими пошел я на почту, сам не зная зачем; не то чтоб поглядеть на него подоброму, а так — ну не все ли равно, можно и еще четыре пяди земли Израильской отмерить.

4

Когда вошел я в Почтовый Приказ, не нашел там ни души. Ни праздник, ни празднество, а место стоит пусто. Где все то население, что толпилось здесь, сгрудившись и толкаясь? Конечно, прослышали про это дело и остерегаются вверять свое серебро в руки почты. Но ошибался я. Дело было в том, что как бежал тот приказный, усадили вместо него проворную и дошлую девицу, и она отпускает человека в одночасье, и нет нужды стоять в очередях и пихаться. С виду уж отчаялся я в посылке праха, но в глубине души не отчаялся. Или чудес ждал, или по простодушию полагался на товарищей, что подсобят. Так ли, эдак, не выходил я из дому без посылки. И раз уж стою я на почте и посылка со мной, подумал я: рискну, а вдруг пришел желанный час и угодит моя

посылка. У окошка вместо того приказного сидела одна девица и приняла меня радушно. Молода была, и миловидна была, и чистая дочь Израиля была, а затем и сердце ее было добрым. Приветливость ее лица и ласка в голосе придали мне смелости, но затем, что дважды уже отгалкивали меня отсюда, заколебался я, как пришедший царя обмануть.

Спросила меня девица: что вам угодно, сударь? Склонил я голову пред ней и поприветствовал ее и протянул ей посылку и пробормотал: вот эту посылку хотел бы я послать, ничего в ней нет, кроме малости праха, горсти праха из земли Израиля. По доброте вашей, сударыня, окажите милость, примите посылочку, удобное Богу дело этим сделаете. С изумлением глянула на меня девица и взяла посылку. Проверила ее со всех сторон и сказала: никак прекрасно сделана. Сегодня отплывает корабль из Страны Израиля, и через восемь дней прибудет посылка на место. Поблагодарил я ее за заботу и вышел оттуда.

Как отослал я узелок с прахом, и упало бремя с души моей. Думал я о той девице и о ее приветливости и проворности и ласке и хвалил власти, что поставили такие сладчайшие создания улаживать людей. Как говорится, царь хорош, и все его советники хороши и вельможи хороши, были бы еще хорошие приказные — не было б изъяна в мире и весь мир обратился бы к добру и люди бы порадовались. Со временем отвлекся я от этой хорошей мысли да и от посланного узелка. Беды Израиля застили от меня беды мира.

5

Со временем написали мне сыновья того старика послание с благодарностью за прах земли Израиля, что получил их отец незадолго до кончины. И еще

писали, что с начала болезни и до конца своего все молился — дожить до прибытия праха, и его молитва оказалась угодной. Прямо в смертный час пришел ношатай с почтой и принес узелок с прахом земли Израиля. Тогда батюшка уже отходил, повернул лицо к узелку и отдал душу с улыбкой на лице, лицом к праху земли Израиля. Как окончился поминальный год, взошли сыны того старика на Землю Израиля. Пришли проведать меня и рассказали, что весь город говорил о том, что получен был прах прямо в час кончины их отца и удостоился их отец, чтоб покрыли его глаза прахом земли Израиля. И об этом сказал их раввин — мудрец, долгой ему жизни, — что на людях Страны Израиля почил святой пророческий дух, ибо в первом послании было написано: «еще не пробил час», и во втором послании было написано: «еще есть время», а как вышло время и пробил час, прибыл и прах. Сказал я им: во всем прочем, конечно, почил пророческий дух на людях Страны Израиля, но в данном случае дело было так. В первый раз, когда я получил письмо от отца вашего, ответил я ему так, как ответил, потому что трудно было сходить за землей на Масличную гору. А потом, когда достал я прах, не удавалось мне послать его, пока не отделались мы от плохого приказного и появился другой вместо него, и тогда послал я вашему отцу этот прах. Сказали сыны того старика: если так, то как же сумел сударь точно выбрать день, ведь можно было упредить день или задержать на день, а раз не упредил и не задержал — значит, покоился на нем святой дух. Сказал я им: не я выбрал день, Страна Израиля выбрала, ибо на самой Стране Израиля почил святой дух. Каким образом? Пока жив был отец ваш, ждала его Земля эта, а как приблизился его смертный час и не взошел на нее, послала ему горстку своего праха. И чем заслужил ваш отец горсти праха Земли Израиля — тем, что льстился жить в Земле Израиля. Так и люди го-

ворят: помыслы отцов видны в делах сынов, и вы превратили помысел вашего отца в дело. Блаженны вы, что пришли сюда с отцовской любовью в сердце. Да будет воля Его, чтоб нашли вы отраду в Земле Израиля и чтоб Земля Израиля нашла отраду в вас. Много добра было у отца вашего на чужбине, а добра от этого он не видел. Пошел и снял исполу поля и добра не видел, пошел и повел торг и добра не видал, пошел и стал кладбищенским сторожем. И под конец ничего не получил, кроме четырех пядей земли, и те суждено ему стряхнуть и перекачаться в Землю Израиля. И это ему большое отличие, ибо не всякий, кто перекачивается в Землю Израиля, остается в ней. Того, кто не чаял жить в Земле Израиля при жизни, выбросит она и по смерти. А Вы сподобились взойти на нее в дни жизни вашей, и вся Земля Израиля простерта пред вами, а в грядущие дни раздвигнет Господь предел ваш, пока не сотрутса губы ваши говорить «довольно».

ПОД ДЕРЕВОМ

Раз вез я саженцы в Дганию. По пути слез с осла передохнуть.

Гляжу и вижу: знатный воевода из воевод исмаильтянских сидит себе под маслиною. Приветствовал я его, и он ответил мне приветствием.

Сказал мне воевода: куда идешь?

Сказал я ему: посадить два-три саженца в нашу землю в Дгании.

Сказал мне: еще день велик и солнце печет. Посиди со мной, скоротаем время.

Пошел я и сел рядом.

Глянул воевода на мои саженцы и сказал: новый плод?

Сказал я ему: с вашего позволения, сударь.

Получил ответ воевода и сказал: здорово вы приучаете эту землю, попытка за попыткой, посадка за посадкой, плод за плодом, злак за злаком. Не знаю, чего еще вам не будет хватать.

Сказал я ему: делаем, что в наших силах.

Сказал воевода: и она возвращает вам сторицей. Кажется мне, что только вам эта земля и повинуется. Сказал я ему: вашими милостями, сударь. И тут же стал воевода восхвалять Израиль, что превращают пустоши Страны Израиля в сады и апельсиновые рощи и добавляют стране сел и деревень. Кивал я ему и думал, что, когда Израиль осели на землю, даже иные народы славят их. Блажен, кто посвящает себя этой земле и тщится населить ее, ибо тот, кто посвящает себя этой земле и тщится населить ее, тот посвящает себя Вседержителю небес и земли и умножает славу Израиля, подобно тому, как саженец, хоть и сажают его в землю, расцветает и растет ввысь.

Сказал мне воевода: вижу я твой ум, и пониманием тебя Создатель твой не обделил, дай-ка спрошу тебя, кому суждена эта земля и кому ею владеть?

Задумался я, что ответить воеводе, скажу ему: «Земля и полнота ея Господа», так уже сказано: «А землю отдал людям», скажу ему, что власти предержавшие продлят век во веки веков, будет в этом обман, потому что земля эта — наша, и суждено, что вернет нам ее Господь, и ни одному народу и языку не дано в ней править, кроме Израиля. Сказал я ему, нужен ли я сударю, ведь сударь и сам знает, кому Благословенный дал Землю Израиля и кому обещал вернуть ее.

Уронил воевода голову на колени и замолчал. Подумал я, что унижил его ненароком, и сказал: не я это сказал, в Писании так говорится. Вскинул воевода голову и сказал: я из последних водителей воинств нашего Государя и Повелителя могучего Султана, мир и благодать праху его. Много городов

я стер его именем, много племен погубил ему во славу, много земель обложил данью и возвеличил свое имя во имя Бога, Милостивого и Милосердного. И Аллах отплатил мне добром и простер длани и утолил мои желанья. И верил я, что сотворен мир мне лишь на радость, пока не напали цари и короли на нашего Государя Султана и пошли на него войной. Вспомнил я свои победы в битвах, когда воины мои ревели и рычали и топтали врага, и тут же толкнул меня рок пойти на войну с врагом, разбить его или разбиту быть. Оставил я дом, поцеловал сыновей и пошел к нашему Государю и Повелителю, пал пред ним и вверил ему свою душу и сказал ему: мир тебе, Государь и Повелитель, да пребудет с тобой благословение Аллаха, о Властелин Правоверных, с твоего позволения даже гнутый меч в руках слабца сломит чресла врага. Вперил в меня очи Султан и сказал: Ибрагим Бей, собери свои полки и порази неверных, не жалей их и не щади и не покой головы на подушке, пока не истребишь их из-под небес моей державы. Как услышал я это, сердце мое заревело турьим рогом и глаза заблестели, как начищенный ятаган. Положил я руку на глаза и на сердце и снова преклонил колена и сказал: Аллах и Посланник Аллаха — крепость Государю и Повелителю, что велел Аллах и Посланник Аллаха и Посланник Посланника его, исполнит раб твой Ибрагим, о Повелитель Правоверных. Благословил меня Владыка — да благословит его Аллах — и отпустил с миром. Не дошло еще светило до Запада, как собрались все мои полки и вышли воевать врага.

Война велась на краю пустыни. Запаслись мы водой и провиантом, конями и верблюдами, ослиами и мулами, саблями и копьями и луками и прочим бранным оружием, пока не заблестела от него пустыня, и обрушились мы войной на врага.

Враг явился нам со всяким оружием, все сатанинские ухищрения были у него, раз превозмогал враг,

раз превосмогали мы, и близился час его верного падения.

Но неверные отчаянно бились не на жизнь, а на смерть, одни рухнули и не встали боле, другие встали и собрались с силами, и война была долгой и трудной. Сабли и копья сверкали, сталь бряцала о сталь, катились отрубленные головы, и летели отсеченные руки. Человек и скот пали, и земля была залита кровью. Копыта скотов скользили, и те вырывались из-под наездников. Кровь убитых слепила их и сводила с ума. Сатанинские орудия ревели и вопили, травили и давили. Кто упал — не встал, кто свалился — был растоптан. Наконец от всех воинств остались лишь ошметки с обеих сторон.

Но мы не давали спуска врагам, и они не спускали нам. Они собрали остатки своих полков и бросились на нас яростным потоком, а мы кинулись им навстречу в жажде мести. Сначала метнулась на них конница, а затем пехота и прочие бойцы. Большая резня была в тот день. Многие пали от меча, многих умотал потоп огня и свинца. Тех, кто бежал с поля битвы, мы перебили и перерезали дороги к отступлению. Разделилось наше войско: одни остались стеречь пленных и хоронить павших, а другие кинулись вслед за бегущими в горы и пустыни. Три дня мы шли и поражали врага, под конец пришли в незнакомое место. Верблюды и кони пали, и земля зашмердела. Обоз с водой и пищей был в трех днях пути от нас, были у нас лишь бурдюки, что немного вмещали. Бранное оружие утомило людей, и воды в бурдюках не хватало. День пылал, как печь, и людям не было тени. Не только на небе солнце ярилось, но и вся земля кипела. Поднимешь лицо — сгоришь, опустишь голову — опалит. От врагов правоверных не осталось ни одного на развод, одни затравлены и растоптаны, а прочие легли дохлой мертвечиной, Аллаху ведомо, сколько, и их падаль и падаль наших скотов шмердела.

И нам жизнь была не в жизнь. Припасов не осталось, и бурдюков хватало лишь увлажнить губы. Возвели мы взоры — круг горы песка и камня, устремили лица земле — вся земля накалена добела. Ни дерева, ни источника, ни зверя, ни птицы. Ничего там земля не родит, кроме терна. А колючки эти даже верблюду в пищу не годятся. Но мы, когда увидели их, припали к ним, засунули головы в кусты и сосали их, как христианин — сало, пока не набилось нам заноз в язык и стали языки наши как плоды сабры. В тот час мы упали духом и прокляли день, когда пришли сюда, и кричали: о, куда мы попали! Если Аллах не пошлет нам воды и еды, то мы пропали. Помолимся ему, может, примет мольбы наши и спасет от гибели. Тотчас возвели мы взоры ввысь и воскликнули: нет Аллаха, кроме Аллаха, и Мухаммед — посланец Аллаха. Вытащили мы занозы из языков и обняли и сжали пустые бурдюки — вдруг выльется капля, но не вылилась. Вцепились мы зубами в бурдюки, и ударило нас в нос. Идти мы не могли, затем что не знали, куда идти, оставаться на месте не могли, потому что сбились с пути. Решились и взошли на высокую гору, может, явит нам Аллах ключ, или дерево, или куст. Но открывшиеся пред нами места не отличались от того, откуда мы вышли. Дерево не росло, ключ не бил, птица не порхала, козленок не блеял. Гора переходила в гору, дюна — в дюну. Побросали мы оружие и уселись в омрачении душевном. Тяжким было это сидение, заржавели наши суставы и язык сморщился, как пересохший бурдюк.

Сказал я товарищам: нет ли съестного? Сказали: пересохшие бурдюки. Сказал я: сварите их и поедим. Разожгли мы приклады наших ружей и испекли бурдюки. Когда вышли бурдюки, испекли подметки. Когда ничего не осталось, спустились вниз. Но и спуск был — как из пустыни в пустыню. Солнце дошло до запада, и день потух. Мы надеялись на

ветерок, но, хоть пришла ночь, прохлады и облегчения она не принесла. Луна и звезды неряхами торчали в тверди, песок не остывал, и затхлый ветер бился между горами.

И следующая ночь была не лучше прежней. Всю ночь дул застойный ветер и в воздухе не было перемен. Лютая злоба была в сердцах наших в ту ночь. Чаяли мы смочить губы росой и остудить кости, но ночью пекло, как днем. Глянули ввысь — луна и звезды и планеты по-прежнему в неладах.

Вышла третья стража, звезды и планеты померкли в тверди, и легкий ветерок повеял. Как взошло солнце, и он раскалился, а затем и слился с буйным ветром. Укрыли мы лица в землю, закутались в бурнусы и с сердцем плакали от ветра пустыни.

Так сидел я какое-то время, лицо укрыто в землю и очи долу. Я — богатырь, от чьего взгляда воины плавилась, — боялся поднять голову пред песчинкой. Хороши были дни, когда вел я полки и все дрожали предо мной. Еще лучше были дни, когда сидел я дома и рабы и прислужницы крутились вокруг, — один положит уголек в кальян, другая овеивает меня опахалом, а в саду бьют фонтаны, и брызги их — как росяной убор.

Встряхнулся я и встал, и скинул бурнус, и возвысил голос и сказал: вставайте, подымайтесь. Но как зовущий на кладбище был я. Спутники мои лежали мертвыми, а кто не умер — лежал как мертвый.

В этот час и я просил смерти душе моей. Вспомнил я все услады, что прежде ублажали меня, и вот — все убрано от меня и я отдаю душу на лоне пустыни, где нет воды омыть тело и похоронщиков — похоронить меня. Поднял я глаза ввысь и сказал: нет Бога, кроме Бога, пусть сделает со мной, что суждено мне.

Но Ангел Смерти не спешил утереть руки этим человеком, и пока я грустил о доме, что остается без хозяина, и о своих сыновьях, что осиротеют, услы-

хал я стон и увидел, что товарищи мои вострепнулись.

Сказал я им: братья, Аллах по милости своей позволил вам не умирать в пустыне. Потерпите чуть, и взойдем на гору напротив. Если спустились мы попусту, может, подыдемся не попусту.

Так стоял я меж живыми и мертвыми, то возвышу голос, то шепчу самому себе — не товарищей поднять — уже отчаялся я в этом, — но почувствовать, что я еще не умер. Наконец и я смолк, язык распух, губы кровоточили.

Но Аллах внедрил мой голос в уши товарищей. И один за другим встали несколько человек на ноги.

Прежде чем уйти, покрыли мы мертвых песком. Милость Божия и благодать Его им и всем правоверным. Вознесли мы за них заупокойную, воды омыть тела у нас не было. Аллах смое с них все грехи и облегчит их — и наш — приговор.

Гора была крутой и гладкой. Даже блоха соскользнула бы и упала. Пока добрались мы до вершины, скатились и упали и разбились мои спутники, и остались от всего отряда лишь я и трое моих товарищей.

А как добрались мы до вершины, увидали мы и поля, и виноградники, и пальмы, и овец, и стада, и добрые ветры задули и донесли до нас чудные запахи ароматических трав и родниковой воды. Поднял я глаза вверх и сказал: благословен Вселивший мне в сердце мысль подняться сюда, хвала и слава Восхваляемому и Прославляемому, что привел нас сюда, откуда стоит лишь спуститься — и мы спасены.

Спуск был вдвое тяжелее подъема, даже не видавший конца моих товарищей убоился бы — не лечь бы тут костями. Что уж говорить про нас, что видали воочию, как они срывались вниз и падали, кто с разможенной головой, кто с перебитыми ко-

стями. Но ветры эти со свежими запахами вернули нам силы и укрепили голени душ наших.

Сказал я товарищам: возьмем ноги в руки и спустимся. Доберемся живыми — хорошо, а нет — лучше упадут наши трупы в обитаемой земле, чем в пустыне. Умрем меж людей — похоронят нас, умрем в пустыне — стервятники расклюют нас, как у проклятых Богом язычников, что оставляют мертвецов своих на потраву птицам небесным.

Согласились со мной товарищи и сказали: хорошо сказал ты, умирать — так умрем меж людей и похоронят нас, а если выживем — то вернемся домой, утешить семью и поцеловать сыновей. Собрались мы с духом и спустились ползком.

Долго ли, коротко — оказались мы в населенной земле, где сады и апельсиновые рощи, и пальмы, и прочие плодовые деревья шелестят и из земли бьет вода. Но от всех усилий мы только упали оземь. Как встали мы на твердую землю, рухнули мои товарищи, и я тоже упал и не знал, жив я или умер.

Лежал я так, и не было у меня сил пошевелить суставом, не то что встать. Глаза мои закрылись, и тело стало врываться в землю, как будто окапываюсь я и земля принимает меня и улавливает. Подумал я — если это смерть, то лучше ее нет. Хотел спросить у товарищей, что они чувствуют, но усталость удержала мой язык.

Лежу я и слышу блеяние козленка на пастбище, не визг турьих рогов и не вопль и рев боя. Успокоилось мое сердце, и опочивал я от войн.

Привиделось мне, что вернулся я домой и нашел дом в сохранности. Приветствовал я их, и они ответили мне приветствием. Расцеловал я их и сказал: слава и хвала Прославленному и Восхваляемому, вот я вернулся к вам и больше не оставляю вас, пока не придет мой конец и не вверюсь своему року. И жил я мирно, утешал семью, родил сыновей, Аллах взвеселил мое сердце и насытил мое желание.

Но покой мой не затянулся. Услыхал я звук брани и забыл то, что нельзя забывать, и оставил свой дом, чтобы пойти на врага. И так я шел и разил врагов, пока не выросла куча из их трупов. Стою я по колено в крови, вдруг дрогнула земля, как будто открыла зев свой поглотить меня. Вспомнил я, что покинул свет, а значит, ведут меня в ад, ввергнуть в самую преисподнюю. Напомнил я Всевышнему о том, как я бился с неверными и скольких я поразил, чтоб зачел он мне это на Страшном Суде и грехи мои снял, и воскликнул я: нет Бога, кроме Бога.

Не успел я добавить: и Мухаммед — Посланник Его, как появились два человека, ростом, как кедр, и копыя у них в руках — как пальмы, что подпирают небосвод. Понял я, что земля тряслась от грохота их шагов. Сказал я: если пришли с миром — пришли по воле Создателя спасти меня от голода и жажды, а если пришли войной — честь богатырю пасть от руки таких богатырей.

Но Аллах счел своих правоверных достойными узреть тайны мироздания и дал нам силу и мужество оставаться в живых, пока не решит Всевышний вернуть себе наши души. Подымаю я глаза и дивлюсь Божьим творениям. А они склонились над нами, развязали мех с водой и смочили мои губы и что-то спросили. Увидели, что мы без сил, взяли нас на руки и отнесли к себе, в стан — одни шатры, а размером с Дамаск и Стамбул — и спросили нас что-то на языке, похожем на ваш. Глянул я и увидел, что одеты они в шитые и цветные одежды и вооружены всяческим оружием. Понял я, что попали мы к сынам Хайбара, что владеют этими местами, и нет на них ига царского, лишь иго Божье. Благословил я Благословенного Аллаха, что привел меня к ним, ибо завет заключен меж Посланником Аллаха и коленом Хайбара. Если бы продержались наши товарищи еще немного, пришли бы сюда с нами и возвеселили бы свою душу тем, что создал Аллах в мире

своём. Но Всевышний Аллах оказывает благо людям по милости своей: кому так, кому — эдак, товарищам нашим выпало по воле Его лечь костями в пустыне, а нам выпало жить и насытиться Его благами в этом мире.

Пока мы сидели, принесли напиться воды, как утренние росы в горах на вкус. Когда напились мы и поблагодарили Создателя ключей, оживляющих душу правоверных, принесли нам кофий. Много кофию я выпил в жизни, но такого кофия отродясь не пробовал, хоть немало я сиживал у великих Эмиров, держи повыше — у самого Повелителя нашего Султана, да смилуется Господь над ним. А когда мы отдохнули, принесли нам похлебку, не из мяса скота, зверя или птицы, и не из рыбы, гада или погани, но из зелени, потому что все эти лета, что они живут в своём пустынном стане, не простирают они руки на убийство животных, но кормятся от земли и плодов её. Затем постелили нам мягкие постели, улеглись мы и проспали всю ночь и весь день до заката солнца, пока не стемнело и надо было вновь спать ложиться. Пришли они и накрыли стол для нас и дали нам всяких яств, сегодня — чуточку, завтра — больше, затем — ещё больше, пока неросло мясо на наши кости и не вернулась нам былая сила. Они одели и обули нас и дали каждому плат-кидар и поясок голову обвить.

Так провели мы с ними две недели, и видал я такое, что и рассказать нельзя. И всё же немного из виденного поведаю тебе. Они многочисленны, как песок пустыни, и одеяния их почетны и нарядны, окутаны они шерстяными покрывалами с кистями по краям, и ездят верхом, и соседи покорны им и платят дань, но не как рабы, а как послушные домочадцы. И каждый из них — богатырь супротив десяти богатырей. Есть из них такие, что берут в руки бедуина с конем и бросают их вверх и ловят по очереди — подбросят всадника, словят коня, подбро-

сят коня — словят всадника, и не дают им коснуться земли. Днем идет человек в поле, в виноградник, к пальмам или стадам своим, а ночью сидит пред старцами и внимает Закону Моисея, наставника вашего, а жены и дочери по шатрам — варят и пекут, и доят животину, и сбивают масло и сыр, и шьют и вяжут и прядут, и веревки вьют, и лиц своих вовне не показывают, чтоб людей до греха не довести, затем что Аллах украсил их члены превыше всех женщин и дал им многие прелести. У одних тело хорошо, да прелести нет, у других прелесть есть, да тело нехорошо, а у других и тело хорошо, и прелесть обильна, из них одни — как солнце сияют, глянешь — глаза слепнут, другие — как луна чисты, глянешь — лунное безумие находит; и не покрывают лиц, как наши жены, которым дал Аллах чадру достоинства и скромности, чтоб не увидали их посторонние.

Все встают спозаранку на молитву и возносят три молитвы в день и в час молитвы обращают лица к Иерусалиму, а по субботам не выходят из шатров, сидят там день и ночь и славят Всевышнего, давшего им Субботу для отдыха. И к Субботе они добавляют и чуток от будней.

К Субботе они снимают будние одежды и надевают шитое золотом платье и откладывают оружие, затем что Суббота защищает их, и зажигают лампы с елеем, каждый две лампы, а в шатре молитв — двенадцать лампад. И встречают Субботу, как встречает человек царя у себя в доме: дает в его честь пир и на пиру поет хвалебные и величальные песни. На первой субботней трапезе они поминают имя Авраама Возлюбленного, мир праху его, на второй трапезе — имя Исаака, мир праху его, и на третьей трапезе — имя Иакова, мир праху его. А на исходе Субботы все собираются воедино и пьют, и едят, и веселятся, и носят золотой трон и золотую корону всю в драгоценных камнях и маргаритах, усаживают на трон одного старца в одеяниях, ши-

тых червонным золотом-фениксом, и шесть десятков мужей бегут за ним и режут, и трубят в рога и во все музыки, и восклицают: царь Израиля Давид жив во веки. И тут весь Израиль выходит из шатров и подхватывают: царь Израиля Давид жив во веки. А женщины поглядывают на него из окошек. А он хлопает в ладоши и говорит: «Господу царствие». И тут выходят два старца, один приносит ему посох, а другой — котомку, и он сходит с трона и идет в ясли задать корм козлятам и ягнятам, затем снимает с себя порфиру и корону с головы, закутывается в молитвенное покрывало, идет к старикам и говорит: «Лишь учиться я пришел». И в этот миг откладывают богатыри сабли, одеваются в буднее платье и идут на свое поприще, кто в поле, кто в виноградник, кто к стадам и табунам, и так — пока Господь не вернет им Субботу.

Так жили мы у сынов Хайбара и видели их силу и мужество, и праведность, и щедрость, и милость, пока не забыл я все бранные стрелы, и все свои победы, и славу свою в странах Правоверных, и радовался я, что занесло меня к достойнейшим избранникам Бога Авраама, Благословенный благословит благословляющих благословениями своими. Но все можно забыть, кроме родной кровли, под которой тебя мать родила на свет. Немного дней прошло, и стал Господин Сновидений являть мне мой дом и печную трубу, и понесло на меня запахом родного варева, и так потянуло меня отведать его, как женщину на сносях. То, что случилось со мной, случилось и с моими товарищами. Изо дня в день все больше тянуло их вернуться домой, напиться из своего колодезя, отведать масла своих овец и научить сыновей добрым свойствам, которым научились в стране Хайбара.

Аллах прочел в наших сердцах. Однажды привели нас в шатер краше прочих шатров. Сидели там три старца, и сияние лиц их — как свет первого дня

творения, и бороды их — как грозди фиников. Охватил нас страх пред ними, упали мы ничком и целовали прах их ног, и сказал я: ваши рабы пред вами.

Увидел я, что не понимают они по-нашему, я пробовал говорить с ними на всех ведомых мне языках, покачали старики бородами, и я понял, что слаще им голоса зверей, скота и птиц, чем языки неверных. Но по лицам их видно было, что зла на нас не таят.

Отлегло у нас от сердца, поблагодарили мы Того, Кому все Благодарности, и снова поцеловали прах их ног и сказали: Господь — крепость мужам, и старцам Его — почет.

Не вышел день, как посадили нас на быстрых верблюдов и возвратили нас в наши места, может, в три часа, может, в два часа, может, в одночасье — на расстояние нескольких недель ходу, и расстались с нами миром. Крепостью им Господь и мир Его с ними.

Пришел я домой и сказал: мир вам, сыновья, но ответа не получил. Пока меня не было, ушли сыновья и не вернулись, и друзья не пришли проведать — всем один конец выпал, и сыновьям моим, и братьям, и те, и эти пали на войне. И наш Государь Султан возвратил душу Властителю Душ.

И цари и короли, что воевали с ним, умерли. Кто своей смертью, кто от рук людских. Конец времен не настал, а конец царям настал. Но тот же голос: «Царь Израиля Давид жив вовеки» — все еще гремит у меня в ушах. И голос этот — иногда как пламя палящее, а иногда — сладок, как тень пальмы. Я знаю, кому суждена Страна Израиля, лишь Израилю суждена она, но кому во Израиле? Тем, кому дал Всевышний Творец честь и славу, и величие, и силу, и мужество, и щедрость, и милость и кто выполняет Волю Божию с любовью, — им володеть сю, и власть их будет на веки вечные.

Встал я и сказал: благословен Бог Израилев, что дал тебе увидеть то, что ты увидел. Один смотрит и не видит, ты смотрел и увидел. Благо нам, что даже вам известно, кому суждена Страна Израиля.

Хорошо Израилю блюсти Закон Торы, тем паче в стране, о коей сказано: «И унаследуете ее, и поселитесь в ней и сохраните исполнение всех Законов», да день короток, а работа велика. Много работы возложил на нас Господь: пахать и сеять, и жать, и вязать снопы, и молотить, и провеивать зерно, и сажать, и мотыжить, и убирать, и давить лозу, и окапывать деревья, и обивать маслины, и задать корм скотине и птице, и стричь овец, и сторожить наш труд и усилия наши от потравы и воров, но великое дело — житье в Стране Израиля, и стоит оно всех заповедей. Вот несу я эти саженцы на плече, посадить их в нашу землю, по сказанному: «Сыны Израиля насадят виноградники и будут пить их вино, разобьют сады и вкусят их плоды, и посажу их на землю их, и больше не оставят землю свою, которую Я дал им, говорит Господь Бог твой». Обусловил Господь свою посадку нашими посадками. Если мы посадим саженцы, заведомо привьются и саженцы Божьи. Весь мир — Господа, и он поделил его по воле своей меж народами, Исав и Исмаил взяли себе весь мир, и убивают друг друга, и истребляют друг друга, чтоб ухватить власть. Мы получили из рук Всеблагото сию малую землю, и не власти в ней добиваться пришли, но пахать и сеять и сажать, чтоб блюсти Его законы и оградить Его Тору.

Не все слова мои понял воевода. Недолго пробыл он у евреев Хайбара и немногому научился у них. Но по выражению лица его было видно, что слова мои по вкусу ему.

Так сидели мы, пока не повернул день к закату и не подул прохладный ветерок. Поднялся воевода

и попрощался со мной. А прощаясь, посмотрел он на мои саженцы и сказал: через сколько лет понесут плоды? Сказал я ему. Вздохнул он и сказал: не есть мне их, но вы и дети ваши и дети детей ваших вкусят от них. Поднял я глаза кверху и сказал: милостию Божией.

ТРИ
ГЛАВЫ
ИЗ
РОМАНА
"СРЕТЕНИЕ
НЕВЕСТЫ"

ГЛАВА ПЕРВАЯ. ЖИЛ ДА БЫЛ ОДИН
ХАСИД.
ТРИ СЕСТРЫ. БАБИЙ УМ.
ПОСЛАНИЕ ПРАВЕДНИКА.
БОЖЬИМ СТРАХОМ ВСЕХ
ПОБИВАХОМ.

Начинается рассказ об одном хасиде. Был он бедняк великий и угнетен нищетою, не про нас будь сказано, но сидел денно и ночью, служа Богу и уча Тору, вдали от мирских хлопот, и не занимался он ни торгом, ни тары-барамы, как все прочие, лишь о Торе Божьей все помыслы его, о Явном и о Сокрытом. И служил он имени Его верой, страхом и любовью и не помышлял возвыситься и сделать себе имя или заслужить долю в Царствии Небесном, но лишь чтобы воздвигнуть Престол Присутствию Его. А прожитие его было внизу, в темном, тесном и сыром подвале, и не было у него там ни лавки, чтоб присесть, ни стола, чтоб поесть, ни койки, чтоб прилечь, и ни других вещей, чтоб пользоваться ими, но лишь циновка тростника на полу, и на ней лежат его домочадцы и не двигаются оттуда ни днем, ни ночью, чтоб не трепать телесных покровов.

И не было у бедняка ни кола, ни двора, лишь один петух по имени Рассветай, что пробуждал его на службу Творцу. А почему звался Рассветай? — по сказанному (Псалмы 112): «Рассветай во мраке свет праведным». И не успевал прозвучать петушиный крик, как уже бежал он в мидраш, сплести меру дня с мерой ночи в Торе и молитве на голоса сладкозвучные и с приятным напевом, пока не оказывалась душа его в Горнем мире Смысла, как бы сокрывшись от мира чувственного. И прекрасный обычай

был у него: продлить в молениях до полудня, чтобы слилась его молитва с молитвами всего Израиля, потому что иногда не соберется человек помолиться по пробуждении и запаздывает с молитвой. А после молитвы не бежал хасид, подобно чревоугодникам, насытить душу свою вещами пустыми и бранными во умножение плоти и тлена, но питал душу разумную рассказом о манне небесной и всем последующим. Подстрекает его сердце обратиться к еде-питью — побеждает его листом Талмуда, как сказано: «Вкушайте хлеб премудрости» (Притчи 9), и так он освобождается от утреннего ломтя, не говоря уж о третьей трапезе, что слова Горы освобождают от нее. А после полудня, когда принято у людей есть мясо, говорил себе: мяса, мол, тебе захотелось, что поделаешь, если сказали мудрецы Израилевы (Пасхи 49): «А несвежде и мяса не положено»? Но сперва подучимся, может, тогда Господь просветит тебя обновить что-нибудь в Уложениях Его и разрешено будет тебе мясо. И печалился об этом сей хасид: что, если использует он Тору, как заступ для рытья, и поедает поедом долю свою в Царствии Небесном при жизни своей.

И был обременен сей хасид дочерьми — одна другой больше, а именно: меньшая, Гителе, — 17-ти лет, средняя, Блюма, — 19-ти лет, а старше ее, большая, Песеле, — 20-ти лет, все голы и босы, без одежды и без башмаков, и были они заперты в дому и не показывали лиц своих вовне. И все они милы, красивы, нежны, груди сильны, волосы отрасли, а в сердцах — увы, тоска до земли, ибо позор им девичества дни и тщетно избавителя ждут они.

А когда и меньшая стала девицей на выданье, восстала Фрумит, жена сего хасида, и обрушилась на него с упреками. Сказала Фрумит мужу: до каких пор ты будешь измываться над своими домочадцами, как ворон какой? И не жалеешь ты и бедных дочек своих, что сидят, как соломенные вдовы, и де-

вичество им как оковы, и волосы их седеют, и сами они стареют, а ты сидишь, как чурбан, и пальцем о палец не ударишь, чтобы выдать их замуж. Ты только глянь на их подруг, у каждой — дети и супруг, а дочки мои черноокие сидят себе одинокие, и нет жениха укрыть их от греха.

Проникли слова ее в сердце того хасида, и пробудилось в нем отцовское милосердие. Горько-горько вздохнул, лист Талмуда перевернул, на Господа возложил упование, что исполнится по Его желанию. Что же сделала Фрумит? Пошла к Аптинскому раввину, ибо тот праведник любил Израиль и так, бывало, говаривал: могу я хвалиться и перед Горним Судом, что любовь к Израилю в сердце моем. Закричала перед ним Фрумит в голос: рабби, спаси, дочки мои созрели для брачной постели, а выдать их замуж средств нет, а отец их далек от мирских хлопот и не обращает к ним свое сердце. Мало того, что перебиваемся мы с горем пополам и с трудом немалым тем, что теребим перья, да сейчас созрели дни их девичества, и некому покрыть им голову. Протянул сей праведник десницу, ухватил себя за конец бороды, разгладил ее седые пряди и сказал: иди, займи для супруга своего нарядные одежды, а мы со знакомцами нашими найдем ему бричку с навесом, чтоб поездил по окрестным селам и местечкам, пока не пошлет ему Господь подходящего суженого для его дочки и не введет жениха во сретение невесты. Спросила Фрумит раввина: рабби, а какое приданое положить дочери? Ответил ей раввин: сколько положит отец жениха сыну своему, столько положит супруг твой дочери вашей. И благословил ее. Поняла Фрумит намек и удалилась.

Вернулась Фрумит домой и сказала мужу: Юдль, знаешь, откуда я пришла? От святого раввина из Апты я пришла. И знаешь, что он мне сказал? Так он сказал, чтоб он жил. И пересказала ему весь разговор. Поколебался сей хасид, отправляться ли

в путь-дорогу, ибо дорога умаляет учебу Горы и отвлекает человека от молитвы в собрании и сбивает его с обычая. Однако не уклонился, ибо завещано следовать словам мудрых. Приложил он к себе сказанное мудрецом (Пасхи 113): «Созрела дочь, освободи раба» означает — освободи себя самого, ибо ты — раб из рабов Творца. И направился он к добрым людям, что Бога боятся, мир блюдут, платы работника не удерживают и имени своего кознями не порочат, и получил от них почетные одежды: шелковый жупан и атласную разиволку, и широкий вязаный кушак, и туфли с серебряными пряжками, и шапку собольего меха, и чудный посох; и подрядили ему хасиды крытую бричку, чтобы сидел там, как под кущами. Погрузил святой праведник, любящий Израиль, перо в чернила и растекся мысию по листу, и написал мощными письменами, дабы воспламенить прелестные сердца возлюбивших благие деяния и милосердие, дал грамоту р. Юдлю и благословил его: Господь да сделает твой путь удачным. И так начертал раввин в грамоте своей: слушай, Израиль, народ мой, внемли, стекитесь, мудрые, со вся земли, зеницы разверзните, слух свой склоните, хасиду сему деньги сберите — дочери его на приданое и прочие расходы венчания, без денег не вступит в брак ни умный и ни дурак, и кто р. Юдлю подаст, тому Господь воздаст. Взял р. Юдль грамоту, сложил ее и спрятал в одежды, попрощался с раввином и зашел к прочим знатым горожанам, чтобы благословиться их благословениями, и вернулся домой к жене и дочерям. Принесли ему нарядную одежду, надел он ее и подложил подушечку на живот, как те достойные люди, которых не благословил Господь брюхом. Зашел сосед попрощаться с ним, взял монету, согнул ее о мезузу и вручил ее р. Юдлю, сказав: р. Юдль, сим назначаю тебя посланцем доброго дела — возьми эту монету и, когда придешь, по-

дай ее встречному нищему: а посланцу доброго дела не причинится вреда.

Пришел Нета — возчик со своими двумя конями Тяни и Побежимом, по сказанному (Песнь Песней 1): «Тяни меня за собою, вместе мы побежим», двумя конями особого вида и стати, сведущими в дорогах и чующими корчму на расстоянии субботней прогулки. Почему два коня? По сказанному (Екклезиаст 4): «Один хорошо, а два — лучше», ибо прибавляют важности ездоку. Остановился Нета у дома р. Юдья и завертел кнутом, пока не наполнился воздух свистом.

Выпрямил Побежим ноги, топнул копытом и стронул бричку с места. Сказал ему Тяни: Побежим, братец, успокой ноги свои, нет еще нужды в рывке; и усмехнулся, что приятель его всегда забывает главное дорожное правило: пока повозка стоит у дома, хотя бы и уселся ездук, рано еще трогаться, а поэтому испытанный в путешествиях конь стоит и ждет. Опустил Побежим голову, и оба усмехнулись. И тут не тронулся р. Юдль, а прочитал сперва главу о заклании Исаака и сказал: Властелин Вселенной, как заклал праотец Авраам сына своего Исаака, так брось на заклание всех врагов моих и ненавистников, а мне, Господи, отмерь мерой милости, и исполни нам, Господи Боже, сказанное Тобой устами Моисея фараону (Исход 11:8) «И придут все рабы сии ко мне и поклонятся мне, говоря: «Выйди ты и весь народ твой, который ты предводишь», после сего я и выйду»; и пошли мне ангелов и архангелов своих святых, что выходят по стиху этому, чтобы шли со мной во всех моих странствиях и спасли бы от всякого врага и татя и от смуты всяческой, и укажи и приложи печать свою, чтоб не овладели мной ненавистники мои и губители мне во зло, и осени удачей путь мой, аминь, сэла.

А услышав о его поездке, собрались соседи и соседки. Выбрал себе р. Юдль трех любимцев и про-

пел перед ними гимн горний: «Откуда придет мне помощь; помощь — от Господа, творящего небо и землю», и они ответили следом: «Господь сбережет тебя в отъездах и возвращениях — отныне и во веки веков», а три его благонравные дочери повторяли шепотом каждый стих и утирали глаза, пока не увлажнились рукава их платий. Ухватил р. Нета р. Юдль за полу и потянул его, чтобы садился уже в бричку: испугался Нета, что взбредет в голову этому хасиду перечесть перед дорогой весь Псалтирь и гимны.

Сделал р. Юдль шажок, приложил уста к мезузе, поцеловал ее три раза и сказал: Господь Хранитель мой, Господь Сень моя, Господь сбережет меня в отъездах и возвращениях, и жена его и дочери ответили следом: живи и здравствуй отныне и навеки, а вслед за тем сел он в бричку.

Короче, сел р. Юдль в бричку и обратил лицо свое на все четыре стороны света. Воскликнули домочадцы его: отправляйся на здоровье, на удачу и на благословение; и соседи и соседки воскликнули: и на жизнь, и на радость, и чтоб никакого лиха не приключилось, и чтоб довелось тебе поскорее вернуться домой на жизнь и на здоровье, аминь. А усевшись, трижды взмахнул р. Юдль своим посохом и вознес короткую молитву и в ней помянул извозчика, чтобы уберегся он от всяческих врагов и супостатов, и разбойников, и лихоимцев, и от оружия брани. А завершив молитву, начал распевать: Мощный, Страшный и Ужасный. Взмахнул Нета кнутом над головой коней; радостно распрямили кони ноги, да так, что пыль с их копыт поднялась ввысь и вся бричка укуталась в пыли, и Брод складывается и прячется за подковами конских копыт, и в мгновение ока пролетают большие и добротные дома, и мазанки зыркают из-под земли, и стоят себе люди и глядят себе из-под ладони вслед бричке.

Долго ли, коротко, выехали они из города и из пыли, и обнажился лик земли, и небеса показались

полушарием над землей, как будто целуются твердь земная и твердь небесная. А когда признал р. Юдль, что выехали они за околицу Брода, приступил он с пылом и страстью к дорожной молитве. И молился он во множественном числе, как бы от всех путников, ибо достоинство многих способствует тому, что услышится молитва. А закончив молиться, закинул ногу на ногу и запел: Владыка мироздания, и кивал головой прохожим, обрезанным и — не будь рядом помянуты — необрезанным, и дивился великому сиянию, что простер Пресвятой — Благословится Имя Его! — в милости своей и украсил им мир свой. И стал р. Юдль наполнять воздух ароматом святословия, и великое намерение было у р. Юдля, ибо есть души, что не успели покаяться и вернуться к Богу и не могут успокоиться, и блуждают по миру, некоторые плавают по водам, другие висят в дубровах, и, когда раздастся святословие во Израиле, они окутываются словом сим и поднимаются ввысь и освобождаются от правления сил гнева. Облаготетельствовавши мертвых, потянулся сей хасид облагодетельствовать живых и приблизился к извозчику, и унился до простого языка, и заговорил с ним о делах мира сего, чтобы сделать его жизнерадостным и веселым, и спрашивал его о заработке и прочих мнимых делах, как поступают добродеи, — если не могут оказать благодеяние деньгами, оказывают его речами, ибо иногда от одних речей человеку лучше становится. И ко всему миру был сей хасид приветлив: встретится ему человек — приветствует его, а если благословит его иноверец — ответит ему: аминь, ибо сказал р. Танхума в Иерусалимском Талмуде (Благословения 8): «благословит тебя иноверец — ответь: аминь», ибо сказано (Второзаконие 7): «Благословен будешь всеми народами».

И так и ехали они на юго-запад, меж лесов, где деревья — вокруг, а ворье — внутри, и проехали ми-

мо иноверских сел Готник и Козмир, а также мимо села Гай Смоленский. Выбежали малые иноверцы и стали бросать в них камнями. Сказал Нета р. Юдлю: р. Юдль, не высовывайся из брички, а не то побьют нас камнями. Сказал ему р. Юдль: не боюсь я их, ибо уже вознес я дорожную молитву. Погнал Нета коней и подумал, что весь мир, видимо, спятил, если из-за такого дурака гоняют Тяни и Побежима. А р. Юдль порхал в горних высях и сказал: указал хасид в книге «Долг сердец», что человек состоит из тела и души и оба даны нам милостию Творца. Теперь, когда душа вооружена, ясно, что она защитит тело, не может быть, чтобы оставила его в трудную минуту.

И не прошло нескольких минут, как въехали они в село Пониковицы.

ГЛАВА ВТОРАЯ. ЗАНОЧУЕМ В СЕЛАХ, О СУЛАМИФЬ!

Подобрал Нета вожжи и остановил бричку перед шинком и слез сам и помог р. Юдлю вылезти, а потом собрался и распряг коней и задал им овса и сена, а р. Юдль вошел вознести пополуденную и закатную молитву. Посмотрел шинкарь на лицо р. Юдля и сказал: сдается мне, что видал я уже Вашу честь, только где — не пойму.

Кивнул ему головой р. Юдль и ответил: конечно, видал, ибо души всего Израиля были у горы Синай, когда Господь даровал Тору, и сейчас если увидятся, то признают друг друга. А может, и естественным образом знавала меня Ваша честь, ибо из уроженцев Брода я, Юдль-талмудист я, что иные кличут Юдль-байбак, и в старом мидраше я молюсь в самом дальнем, в юго-западном углу.

Сказал ему Гонизель-шинкарь, сказал р. Юдлю: пусть научит меня Ваша ученость, как благословлять

Господа при встрече с Вами,— благословен Облачающий обнаженных или благословен Меняющий создания свои,— ибо отродясь не видел я на Вашей чести таких нарядных одежд. Вознес р. Юдль обе руки ввысь и воскликнул: Бог свидетель, что не по честей ради и не для обмана ближних оделся я в эти одежды, но велел мне святой праведник Аптинский раввин в тот день, когда отправилась моя супруга просить у него милосердия во имя трех дочерей моих, что не могу я выдать, хоть они и созрели для брачной постели, чтобы пустился я по стране собирать приданое; а чтобы братья наши, сыны Израилевы, обратили на меня свою щедрость— одели меня как сановника, ибо и встречают, и подают по одежке, а когда даст мне Господь найти жениха для дочки, сниму с себя это убранство и уповаю лишь, что Всеблагий не осудит меня по строгости, ибо все, что я делал,— делал лишь чтобы привести жениха во сретение невесты.

Когда услышал Гониэль, что едет р. Юдль во имя сретенья невесты, принес он горилки полынной и кусок пирога, присели они за стол у печки, налили и выпили, благословясь. Схватил Гониэль р. Юдль за руку, тряхнул ее и пожелал ему найти честных молодцев для своих дочерей благонравных и чтоб сподобился узреть, как восстанет от них поколение праведных.

Аминь, ответил р. Юдль и добавил: и сподобимся услышать об избавлении и утешении со всеми братьями нашими во Израиле, аминь, и увидеть Избавителя-Мессию, что явит себя вскорости, аминь. Нарезали они пирог и глотнули еще по глотку. Вошел Нега, положил кнут в сторону, посмотрел на флягу и нацедил себе чарку, а как начал — так и пошло-поехало, ведь полынная водка — питье отменное и не всюду его сыщешь, да и не всегда. А делают его так: собирают полынь-траву и кладут во флягу с горилкой и не открывают флягу, пока не высосет

попынь всю водку и пока не наполнится трава горилкой. А как впитает в себя полынь всю водку, вынимают ее и отжимают и нацеживают зелье. А пока не нацедится зелье, делать нечего — пьют просто горилку. Не мешкает обычно человек с горилкой, этим она, полынная-то, и важна.

А в это время замесила Сарра — Гониэлева супруга — ячменное тесто и месила, и катала, и мяла, и лепила, и положила луку и перца в мясо, и слепила вареники и бросила их в котел, пока не сварились как положено. Украсила она их шкварками и поставила на стол. И так они ели и глотали, пока ложки не упали. Вздохнул Нета и сказал: Сарра, добрые вареники состряпала, да сил у нас больше нет. Положил р. Юдль руку на живот и сказал ей: ой.

Пуст был шинок в тот вечер, и Гониэль с женой рады были гостям и исполняли долг гостеприимства яствами и питием и веселием, как принято у братьев наших — селян, и вели с р. Юдлем беседу задушевную и утешительную. Сказал р. Гониэль р. Юдлю: порукой я тебе, что скоро выдашь дочек, и мы с тобой спящем перед невестой, да так, что пыль от каблуков наших подымется до небес. Ты глянь только на силу благости Господа, даже последнего во Израиле он не оставляет. Например, я — скуден добрыми делами и заслугами пред Богом, — все же нет такой поры и времени, чтобы не оказал мне милости своей. Обитал я в утробе матери — оказал мне милость. Вышел на свет Божий — оказал мне милость. На кесареву службу хотели забрать — оказал милость, сватался — оказал мне милость. Развязался его язык и повел рассказ.

ЖИТИЕ ГОНИЭЛЕВО

На этом самом месте, в этом самом доме жилали отцы мои и деды, и сам я родился здесь. Правда, не

в дому родился, а возле дома. Почему возле дома? Вот как было дело. Уважал пан отца моего — мир праху его! — за то, что каждый год до срока вносил он арендную плату за шинок. Но со временем оскудел — не про нас будь сказано — и не успел заплатить в срок, не то что до срока. Попросил у пана повременить. Ответил ему пан: то ли ты не знаешь, что я ни одному еврею такой поблажки не даю? Немедля послал холопов своих, и выбросили утварь вон и вытолкали мать мою из дому.

В то время мать моя — мир праху ее — была в положении. Как начался разгром — начались у нее схватки, и родила. Как начался разгром — пришло избавление. Так сказать, как в молитве — от Его руки угнетенье, от Его руки — исцеленье. Учителя — меламеда р. Иерахмиэля знавали? Не вы, так отцы ваши у него учились. Р. Иерахмиэль был угнетен бедностью и обременен дочерьми, одна другой старше да несчастливее. Как пришла пора младшей, загудел весь город. Учил-учил человек Тору, воспитал учеников, те взяли себе жен, и родились у них сыновья и дочери, а его дочери так и засидятся, пока не поседеют? Посоветовали — купить ему корову. Даст, мол, корова молока, продадут его дочери молоко и соберут себе на приданое. Вышли два ученика его, прошли по городу, и всяк, с кого потребовали, подал... И все еще не хватило им купить корову. Что же сделали? Решили: возьмем кружку-копилку, повесим ее в доме у р. Иерахмиэля, и кто придет туда — положит грош-другой. Милосердие любо Израилю: с тех пор, как заведена кружка для пожертвований, не затянется ее щелка паутиной. Пока нет другого совета, нет совета лучше этого. Взяли кружку и повесили ее в дому у р. Иерахмиэля. Придет женщина навестить сына — опустит грош, придет человек поискать жениха для дочери — опустит грош. Долго ли, коротко — наполнилась копилка, и перевернули ее. Высыпала жена р. Иерах-

миэля медь, завернула в чулок и положила в сундук. В канун Пасхи собралась было вытряхнуть чулки в честь праздника и нашла, что все ее чулки полны монет — на сотни две золотых. Сказал р. Иерахмиэль: хватит, — и спрятал копилку.

Стали подумывать о корове, что сделать, чтобы лучше доилась, а сам р. Иерахмиэль нашел заклятье против порчи. Не успели еще купить корову, как уже вышла дочерям Иерахмиэелевым слава по всему городу. Что за слава? Что корова у них дойная. Но купить ее не было времени у р. Иерахмиэля. Когда наступил праздник Лаг баОмер — на тридцать третий день после Пасхи, — сказала ему жена: раз уж ты отправляешься с учениками на праздник в Пониковицы, зайди, пожалуйста, к шинкарю, — авось посоветует али купит тебе корову. Взял тот посох и суму с деньгами и пошел к шинкарю в Пониковицы. Видит — женщина лежит на улице, и шинкарь плачет и кричит. Спросил р. Иерахмиэль шинкаря: что ты плачешь? — и ответил ему шинкарь: как же мне не плакать, жена моя родила сына, а пан выкинул нас из дому. Сказал ему р. Иерахмиэль: беги расплатись с паном. Ответил шинкарь: потешаешься ты надо мной, р. Иерахмиэль. Как расплатиться, если нет ни гроша? Достал р. Иерахмиэль деньги из сумы и сказал: бери деньги и расплатись с ним. Занесли утварь обратно в корчму, уложили мать мою на постель и поздравили отца с рождением сына. Вздыхнул отец и сказал: дай-то Бог, чтоб мать его выжила.

Пересказал шинкарь дела былого и добавил: оба выжили. Рассказывала мне мать, что взяла тогда повитуха ребенка и показала его матери. А когда увидела мать сына, то поцеловала его, расплакалась от счастья и сказала: Господи Владыка, какие ушки махонькие. Открыли детки, ученики Иерахмиэелевы, ранцы и вынули всяческой снеди и дали ей есть-пить, и не ушли, пока не склонился день к вечеру, и «Слушай, Израиль» воскликнули на закате у ее

постели. А когда настал восьмой день, пришел р. Иерахмиэль в село, а с ним — десять евреев, как и положено для молитвы, и ввели дитя в Завет Авраама и назвали его Гониэль. Гониэль этот — я. Рос Гониэль как на дрожжах, а отец и мать его жили тихо-мирно. Сельчане привечали отца и спрашивали его совета, если какая беда приключится. Пропил поп церковную утварь, выкупил ее отец и вернул. Провинился сельский староста — и поплатился бы головой, да посоветовал ему отец, как от суда уйти. И даже перед паном защищал их. А так как с одного шинка не проживешь, стал заниматься промыслом. Подвернется ему лисья шкура или заячий мех, или еж, или кусок воска — купит и перепродает в городе. А со временем стал промышлять и по соседним деревням и вошел в дело с Перецем-лавочником. Два еврея в селе — а живут в мире, и Господь дает хлеб насущный и тому и другому. Перец вдовец был, и была у него дочь, и была у них лавочка при доме на краю деревни. Прикинул Перец: себе я все равно покупаю припасы в городе, куплю заодно и сельчанам, что заняты своим делом, и мне за труды перепадет. Но прибыль его обернулась убылью — вложил в товар, что обещали привезти, да не привезли его. Короче, в понедельник отправляется отец с Перцем по делам, каждый своим путем, иногда доведется им встретиться — и возвращаются домой вместе.

Однажды в четверг пришел какой-то еврей в город и сказал, что видал Ихиэля-шинкаря убитого в лесу. Взвыли все в один голос и принесли тело в город. Послал к нам раввин вестника сказать, чтоб не кручинились мы по мертвому и не читали заупокойной, пока не выяснится достоверно, кто этот покойник. А выяснить было трудно, потому что голова была напрочь отрублена от тела. И осталась мать моя вдовой, да не просто вдовой, а вроде соломенной, а мне и заупокойной не позволили прочесть. Но

Брод славится своими мудрецами и книжниками, повыспросили, повыведали и признали мать вдовой, что годится под венец. Но разрешение это лишь величию Торы и силе ея послужило, ибо тем временем заболела мать моя от тоски сердечной и боли.

Что случилось с отцом, то стряслось и с его компаньоном. Так было дело: зазвал один мужик Переца — продать ему меду. Спустился с ним в погреб и окатил его варом. Со временем тело нашли, но лица не распознали. Похоронили его по закону Израиля рядом с отцом моим и прочими погибшими в освящение Имени Его. Отец умер, и мать долго не протянула. Но Всевышний не избавил ее от мира сего, пока не послал нового горя. В то время пришла мне пора идти на кесареву службу, а был я в расцвете сил. Немало старался я попортить себе кровь и тук. Пил уксус, как воду, ночами не смыкал век, когда хотелось вздремнуть, просил, чтоб разбудили. Но силы моей это не убавило. А когда наступил день призыва, пошел я к раввину в Жидичев, чтоб помолился за меня, чтоб освободили меня от кесаревой службы. Глянул он на меня, видит: пейсы стрижены, одежды — не как у ешиботников, сказал он мне: пустец, кому ж, как не тебе, и службу служить? Сказал я ему: рабби, если заберут меня на службу, мать моя сгинет с голоду. Сказал он мне: подожди, и вышел. Подождал, а его нет. Спросил я, где раввин, говорят: изволили в отхожее место удалиться. Идти, не идти — куда ни кинь, везде клин. Уйду — а вдруг припомнит это мне раввин, не уйду — прости-прощай полсотни серебра, что послал я военному врачу, и тот ждет меня в доме своем, чтобы узнал потом на комиссии и освободил. Наконец вышел раввин. Увидел меня и говорит: а ты все стоишь? а ну, ведром блесни, водой плесни! Взял я ведро и полил ему на руки. Благословил он нараспев Господа, что создал человека с пустотами и дырками, и вздохнул тяжело, так что у меня кровь

застыла от страха, а затем уселся в кресло и положил обе руки на обе ручки кресла и возвел оба ока свои праведные горе и сказал: новое время, славное племя — ни тебе бороды, ни пейсов. Славные у Тебя евреи, Господи Владыка. А затем обратился ко мне и сказал: как ты мне полюбился, так и им полюбишься. Ступай. Пошел я и застал врача уже у калитки. Сказал я ему: я Гониэль из Пониковиц. Посмотрел он на меня и ничего не сказал. Пошел я следом за ним в приказ. Зашел туда — подняли воеводы головы и сказали: восстал лев из села. Подумал я, что скажу маме, если не отпустят меня домой. Окликнул меня окликающий и сказал: раздевайся, и поставил перед меркой. А мне и он, и мерка — по плечо. И уже представил я, что сабля висит у меня на боку, как у воителя какого. Встал врач, потрогал меня по телу, ткнул пальцем в сердце и освободил меня. Пнул меня человек с меркой и сказал: давай, валяй. Побежал я домой сообщить матери. Нашел я ее в постели на улице, как в час, что родила меня, когда пановы холопы выбросили отца с матерью из пристанища, — потому что убирали дом к Пасхе, чтоб не осталось квасного, — и гладила она перину, как мать — ребенка, и приговаривала ласково. И не успел я слово молвить, как показала она мне подушку и сказала: глянь, Ихиль, и ребенок жив. И все время, покуда лежала больная, не признавала меня; когда подходил я к ней — думала, что это папа Ихиль подходит, и странная улыбка не сдвинулась с ее черных губ, пока не испустила душу и умерла.

Богач может отдаться горю, не про нас будь сказано, а у бедняка, хоть и в час скорби, нет времени оплакать родного покойника. Праздник Пасхи стоял у ворот, и мне надо было подготовить все для праздника и посуду очистить от квасного. Окунаю я посуду в кипяток, а слезы текут у меня из глаз, падают на плиту и шипят. Такую Пасху — да всем бы

врагам Сиона. После праздника вернулся я к своему промыслу. Чувство сострадания, что вселил Господь — да Благословится Имя Его! — в души созданий своих, пробудилось вдруг у сельчан. У кого есть что на продажу — продает мне с избытком, кто покупает — покупает с лихвой. А кто пьет — платит. А по субботам и праздникам приходили и сыны Израиля. Стали сваты возиться, сватать меня: в бубен бей, дуди в дуду и забудь свою беду. Сказал я им — пока не пройдет год с похорон, пока читаю я поминальный кадиш, не возьму себе жены. И Господь был со мной в согласии и послал все ниспосланное мне. Дело было так — вышел я с рассветной молитвы из молельни. Подумал про себя — жить в селе, что лежать в земле. Мать моя умерла, а я не могу и поминальный кадиш на людях прочесть, ибо время не позволяет бегать в местечко на рассветную и на закатную молитву. И вдруг потянуло меня сердце на кладбище. Подумал я: надо возвращаться в село, и вообще нельзя сироте в первые двенадцать месяцев ходить на кладбище. Все же не повернул я вспять. А как подошел я к отцовой могиле, вижу — стоит девица у могилы Переца и плачет: папа, папа! Устремил я взгляд и увидел, что это Сарра, соседка моя. Вспомнил я смерть отца ее и вспомнил, что нет у ней ни родственника, ни защитника.

А в то время оплело небо тучами и пролился дождь. Сказал я ей: пошли, укроемся в шалаше. Стоим мы там, и говорю я ей: сироты мы с тобой, Сарра, нет у нас отца-матери, только один Отец наш небесный, ну не сродни ли мы? Засверкала внезапно молния среди облаков, и осветились надгробья отцов наших. Сказал я ей: Сарра, отцы наши освещают путь нам, сватья договорились о помолвке. Когда перестал дождь и засияло светило, вышел могильщик с женой. Говорю им: поздравьте нас в добрый час. Сказала жена могильщика: все здесь в землю ложатся, а эти — обручаются здесь.

В добрый час, в добрый час. Принес могильщик склянку с горилкой и выпил с нами на здоровье и на жизнь. А затем ухватил струг да заступ и ну кричать, и плясать, и кричать — веселитесь, евреи! И отвел нас в город к р. Иерахмиэлю. Заплакал р. Иерахмиэль от радости и рассмеялся сквозь слезы и сказал: блажен я, что дожил до этого, горе лишь, что родители ваши не дожили.

А когда отговорил я кадиш, взял Сарру в жены — до ста двадцати лет. И шинкарь, закончив, с вздохом пропустил стаканчик чохом. Но и гости не однажды утоляли водкой жажду.

Увидел Гониэль, что пришились его истории по вкусу слушателям, захотел рассказать еще. Сказала жена его: эти устали, измотались, а он знай набивает им уши росказнями, как будто конец света приходит и он боится, что, не дай Бог, сгинет со свету, так и не рассказав им всех секретов своих. И завтра Господь — да святится Имя Его! — возведет солнце и приведет день. Легли-ка вы бы лучше спать. А ты, Гониэль, постыдился бы — сидишь и плетешь байки, а о свече и о фитиле и не подумал. В Броде и то весь свет заснул, а ты все не спишь. Улыбнулся Гониэль, утер рот и сказал: не зря сказано (трактат «Обручение» 59), — десять мер речей отпущено свету, девять взяли женщины, а одну — весь свет. Чтоб я так был евреем, отказался я бы и от этой одной меры, лишь бы и они молчали. Будь так добр, р. Юдль, залезай на печку и удели помыслы сну, а ты, Нета, вот тебе цельный стол, развались и ложись, Бог даст завтра еще потолкуем о делах Божьих. Залез р. Юдль на печку и накрылся пуховым одеялом, а Нета вытянулся на столе и укрылся бараньей шкурой, что зовут в тех местах пельц, и устроился спать. Не успели они благословить Посылающего дремоту, как сомкнул им сон веки. И спали они, пока не блеснуло светило, и встали, и помолились, и утреннего каравая отведали.

А день был ясный и подоспело время картошки — убирать ее. Собрался Гониэль в поле и не задерживал нашего хасида, и пожертвовал на приданое, не скупясь. А жена Гониэля дала ему в дорогу всяческих пряников, что можно есть и не омывая рук. А еще дала она ему грелку, чтобы привязал к чреву, — ибо из-за того, что много ел да пил, испортились внутренности его. Сказал Гониэль жене: обеспокоила человека, привязала ему грелку, позаботься, чтоб не напрасно беспокоился. Взял ковш горилки, и провел его над огнем, и вылил воду из грелки, и налил туда горилки, и привязал к чреву р. Юдля под малый талит. И расстались они любовно друг с другом.

Вернулся к делам шинкарь,
 обносить иноверцев, как встарь.
 А хасид, без помех и мук,
 тронулся в путь сам-друг.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

.

.

ОТ ЛИХОГО ТЕСНИТЕЛЯ

Завершив рассветную молитву и взяв в руки трость, талит и тфилин, укутался шебушинский староста р. Исраэль Шломо в теплую накидку и собрался было вернуться домой, но, выглянув на улицу, увидел, что землю стянуло ледком, а служки, обычно провожавшего его домой после рассветной и закатной молитвы, в мидраше не было. А не было служки потому, что в тот день приказал староста связать одного

наглеца, надерзившего ему, по рукам и ногам, и служка стерег провинившегося, чтобы не пришли его дружки и не отвязали.

Казалось, радоваться бы р. Исраэлю Шломо, что счелся с грубияном, но куда пуще тосковал староста по невыпитому чаю. Из-за кого же он задержался и остался без чая? Из-за того же наглеца, которого вынужден теперь караулить служка, в то время как ему самому нужен служка, чтобы проводил его домой. Мало того — хоть бы он и рассчитался со всеми наглецами в городе, остается еще самый главный из них — Шимон Натан, — а покуда остается Шимон Натан и сеет споры и ссоры и раздоры, появятся и новые поперечники. Увидел р. Исраэль Шломо какого-то паренька, греющегося у печки, ткнул его в спину концом трости и сказал: возьми мои тфилин и талит и иди со мной.

Не всякий еврей так бережно берет в руки лимон в первый день праздника Кушцей, как взял паренек старосту под руку, принял у него талит и тфилин и аккуратно проводил до дому, ни разу не толкнув и не испугав. У дома староста остановился и сказал пареньку: здесь. Паренек выпростал руку из-под локтя р. Исраэля Шломо, отдал талит и тфилин и собрался было уходить. Сказал ему р. Исраэль Шломо: зайди, выпей стопку наливки. Паренек вновь взял сверток и вошел вслед за р. Исраэлем Шломо. Вышел слуга и снял со старосты накидку, принял трость и поставил ее в угол на законное место, затем гневно выхватил талит и тфилин из рук паренька, повесил их на отведенный для этого крючок, а пареньку соорудил пренебрежительную гримасу, как принято у слуг богатых господ, презирающих своих бедных собратьев, которым не довелось прислуживать богачам. Вынул р. Исраэль Шломо связку ключей и отпер шкафчик, полный всяческих водок и наливок, налил пареньку рюмку и указал: пей. Паренек степенно принял рюмку, благословил Создателя

всех благ, отпил, затем выпил еще глоток за здоровье хозяина дома, поставил рюмку и поклонился хозяину с вящим благонаравием, как бы благодаря его за ласку. Спросил р. Исраэль Шломо паренька: налить еще? Недостоин я забот Ваших-с, отказался паренек. Удивился и восхитился р. Исраэль Шломо. Удивился, как это бедняк пренебрегает чаркой, и восхитился, ибо было ему это в новинку. Отрезал р. Исраэль Шломо ему кусок пирога и указал: благослови и ешь. Таков уж был обычай у р. Исраэля Шломо: скажет тебе: «ешь» — значит, попросту принимает, а если добавит «благослови» — значит, пришелся ему по душе и привечает он тебя, как принято во Израиле. А тогда, хоть бы и вошел ты в его дом голодным, как семинарист, выйдешь сытым, как общинный казначей. Да и кроме этого может еще кое-что перепасть от щедрот его.

Вернулся слуга и накрыл на стол: постелил скатерть на полстола, поставил хлеб и соль, принес ковшик для омовения рук, приготовил чистое полотенце и устремился было на кухню поторопить Цирль Трейни, чтобы поспешала с трапезой. Тут р. Исраэль Шломо остановил его: скажи Цирль Трейни принести еще одну миску и ложку и перестань кривляться, как черт от трубного звука. Понял слуга, что хозяин решил пообедать с попрошайкой и в его присутствии не нуждается; потупил очи долу и сказал: мое дело с вашим словом не расходится. Р. Исраэль Шломо омыл руки, разломил хлеб и указал жестом пареньку, чтоб омыл руки и приступил к еде. Тут Цирль Трейни поставила на стол капусту, тушенную с картошкой и мясом, которая так и булькала и пузырилась. Бешено раздулись ноздри гостя, но поскольку умел он держать себя по-людски, не поспешил залезть ложкой в миску и не коснулся блюда, но сидел, поджав губы, как бы пытаясь удержать во рту проникший туда чудесный мясной дух. Отвечал р. Исраэль Шломо капусте, повернулся к па-

реньку — а у того ложка так и дрожала в руках — и спросил его тоном человека, знающего ответ наперед: сам-то нездешний? Откуда будешь? Тот ответил. Сказал ему: куда же ты путь держишь? Сказал ему: куда глаза глядят да куда Господь приведет. Сказал ему: какое у тебя ремесло? Сказал ему: был я младшим служкой в мидраше, а когда подрос сын надзирателя, стал надзиратель строить козни, чтобы отнять у меня мой кусок хлеба и отдать своему сыну, и стал меня всяко донимать и попрекать и притеснять. И пошел я искать себе пропитания в другом месте, ибо, как сказано в Талмуде: «Аще не обряше во граде и не ищаше во ином, Господь не внемли гласу его». Показалось р. Исраэлю Шломо, что попрошайка за его столом говорит, говорит, да заговаривается; постучал ложкой по краю миски и оборвал его: ну, как тебя там, еда стынет. Опустил паренек голову, черпнул ложкой из миски, хлебнул и помедлил, как благовоспитанный сын из сынов Израиля.

Посмотрел на него р. Исраэль Шломо и подумал: сдержаннее его не ест и молодой зять на первом обеде у тестя, и спросил его: что сказал тебе служка? Отвечал паренек: не успел еще стаять снег с моих башмаков, как Ваша честь уже соизволили-с позвать меня. Сказал р. Исраэль Шломо: значит, никто тебя еще тут не видел? — и паренек утвердительно кивнул головой. Вытер р. Исраэль Шломо ломтем хлеба дно миски и спросил: женат? Потупился паренек от смущения, как водится у застенчивых юношей Израиля, и ответил стихом Писания: «Един придет раб», доселе молюсь я, не покрываясь талитом. Спросил его р. Исраэль Шломо: а сведущ ли ты в Писании? Горестно вздохнул паренек, что, мол, без хлеба и учеба не впрок, беден я и должен заботиться о пропитании, где уж мне сидеть да учить Писание. Тут понял р. Исраэль Шломо, что сидит перед ним простак и невежда, научившийся при-

правлять беседу словечками из Священного Писания, да так, что с первого взгляда и не различишь, кто же он — талмудический мудрец или библейский неуч, ученик мудрецов или глава глупцов. Ибо, как сказали Мудрецы Израилевы (Благословения 7), «Велика служба Торы»: годы, что прислуживал в мидраше, пропитали его запахом Торы. И сказал ему р. Исраэль Шломо: Торы ты не учил, но обычаи сведущих в Торе усвоил. Наверняка ты умеешь сидеть перед раскрытым фолиантом и раскачиваться, будто учишься. Сказал паренек: что толку в том, у вола вон язык длинен, а в рог трубить не может. Улыбнулся р. Исраэль Шломо и сказал: и впрямь, и впрямь. После благодарственной молитвы прошел р. Исраэль Шломо с пареньком в другую комнату, открыл перед ним шкаф, битком набитый одеждой, и сказал: выбери себе платье по вкусу и оденься. А покуда паренек разбирался в одежде, вернулся р. Исраэль Шломо в гостиную, рыская своими чудными светлыми глазами, чем бы умерить свое нетерпение. Кошка вытянулась под столом и умывала лапкой мордочку после еды. Протянул р. Исраэль Шломо руку, погладил ее по тигровой шерстке, что не очень-то принято во Израиле, сунул ей косточку и ласково пробормотал по-гречки: ах ты, Ласонька, ах ты, лакомка. В это время Цирль Трейни пекла на кухне бобы на ужин, и дух печеных бобов разносился по всему дому. Сказал р. Исраэль Шломо: не духом единым, и представил себе чашку с чечевичным отваром, который он отведал после полуденного сна. И дабы разжечь в себе это предчувствие, прошел р. Исраэль Шломо на кухню с трубкой в руках, как будто за угольком. Однако, когда он увидел Цирль Трейни, стоящую с решетом в руках, проник прелестный аромат в самую душу р. Исраэля Шломо и привел его в столь приятное расположение духа, что обошелся он в тот день без посещения голубей, коих держал в доме для запаха, ибо запах голу-

бинный полезен для страдающих от нервов и судорог. А в это время паренек перебирал платье за платьем, и так как ладная одежда была ему внове, прошло немало времени, пока он наконец разобрался, куда же всунуть руки, ноги и прочие части тела. Облачившись, огляделся и изумился и в изумлении наткнулся взглядом на собственное отражение в зеркале на стене, и отражение глянуло на него в изумлении, как бы говоря: как ты, мол, смеешь показываться в будний день в таком одеянии, что отцы твои и деды и в субботы и праздники не нашивали. Хотел было паренек раздеться и надеть свое старое платье, но потом подумал: а не покажусь ли я дерзцом, если скажу хозяину — не желаю, мол, твоих подарков? Постоял, поблагодарил Благого и Благотворного, как и положено бедняку, получившему платье у богача, и вернулся в теплую часть дома, облаченный в нарядные одежды, как под венец. Увидел его р. Израэль Шломо и вспомнил, что же он намеревался устроить. Обратился к паренку и сказал ему: говоришь, нет у тебя здесь родных? Паренек покачал головой и отвечивал: нет у меня здесь родных, ни близких, ни дальних. Сказал ему: говоришь, тянет тебя учить Святое Писание? Сказал ему: что толку с моего хотения, если нет Божьего дозволения. Взял р. Израэль Шломо добрую понюшку табаку, запустил в ноздрю, потер левую бровь, набил трубку самосадам, немедленно замерцавшим красным светом, и, попыхивая ею, посмотрел на нашего паренька, укутанного клубами табачного дыма. И наконец сказал ему р. Израэль Шломо: иди в мидраш, садись за Талмуд, прилепись к нему и от него не отходи. Спросят тебя, кто ты? — не отвечай. Даже если казначей поздоровается с тобой — не отвечай. И если ты не нарушишь моего указа, каждый день получишь еду-питье, а по субботам и праздникам будешь обедать за моим столом. Подумал паренек: где уж мне понять хозяйские замыслы, по-

ступлю, как говорится: дают — бери, бьют — беги, а пустые мысли прочь гони. Попрошался он с хозяином и пошел в мидраш.

А р. Израэль Шломо открыл Талмуд, уселся в кресло у печки, огонь в которой не угасал от исхода Кущей и до малой Пасхи, уронил голову на спинку кресла, прикрыл глаза и задремал. Подошла Ласонька, улеглась у его ног и стала тереться о его войлочные шлепанцы, да так, что даже когти ее потемнели от сладкой дремы. Внезапно встрепенулся р. Израэль Шломо и открыл глаза: почудилось ему, что из щели высунулась мышь и Ласонька завертела хвостом. Просыпался табак из пальцев р. Израэля Шломо и полетел на Ласоньку. Содрогнулась Ласонька и заскреблась о войлочные туфли хозяина, пока не успокоилась и не задремала до самого обеда.

Шебуш полон Торы, как гранат — зерен, и так же полны учеников его мидраши; придет новичок — не ставят его ни в грош. Выяснится, что сведущ в Писании, — принимают его, как своего, и исчезает он среди прочих шебушских ученых мужей. Несть неучей меж сынов Шебуша, и кого примет Шебуш — становится как все шебушцы, и хоть бы большой мудрец прибыл в город, смятения чувств не вызвал бы.

И еще склонны шебушцы к самоуничижению. Пришел чужак в мидраш — не кидаются ему навстречу с приветствиями: может, мол, недостойны того. Берет гость книгу, начинает читать и тут замечает, что какой-нибудь старик или молодец заглядывает ему в книгу, жмет украдкой руку и исчезает. Задумывается гость: повсюду принято — приходит человек — здороваются с ним, спрашивают его, откуда и куда он, а здесь, мол, исподтишка суют руку и исчезают. Вернется гость к книге, а тот снова подходит к нему — невзначай, как подают салфетку проповеднику, чтобы утер пот, — и начинается бе-

седа: о чем спросит гостя, а о чем и промолчит, как будто знает он о госте всю подноготную.

Что же было с нашим пареньком? Пришел он себе в мидраш, взял Талмуд и уселся над ним, как и приказал ему р. Исраэль Шломо. Посмотрел он в книгу, как баран на новые ворота, и ничего не понял. Перевернул лист, глянул — и там ничего не понял. Вынул еще несколько книг, разложил их по краям и стал листать в них, как настоящий ученый, что в случае затруднения обращается к другим книгам. Не успели еще шебушцы поступить с ним по своему обыкновению, как свечерело и все встали к молитве. После вечерней молитвы открыл служка коробку свечей и роздал каждому ученику по свече, и наш молодец получил свечу, не перемолвившись словом со служкой. Привычен был служка, что без его помощи новичкам не управиться, а поэтому ждал, пока тот сам придет и прострется пред ним.

Но не успел еще огарок догореть до середины, как вошла старостина кухарка Цирль Трейни с целой грудой мисок и кастрюль и спросила: кто тут новенький? Узнав его, она развязала узел, постелила скатерть и поставила перед ним редьку и лук, и печенку на закуску, и печеный чернослив на сладкое, и гусиное жаркое на второе; а надо сказать, что гусиное жаркое не сходило со стола старосты во избежание семейных раздоров. Во избежание раздоров, ибо так уж повелось, что жене птица в дому приятна, а мужу — отвратна; победит муж — жене обидно, победит жена — обидно мужу. Но мудрая супруга р. Исраэля Шломо поступала по слову мужа и от своего желания не отказывалась, а именно: покупала птицу по своему желанию и била ее по слову мужа. Ежели замечал р. Исраэль Шломо птицу в доме, то сердился и кричал: вновь, мол, переворачиваешь весь дом вверх дном? Тут же хватала Эстер Малка гуся за шею и говорила мужу: тебе он ме-

шает? Немедля пошлю его к резнику и сегодня же сделаю тебе из него жаркое на ужин.

Итак, омыл паренек руки и сел ужинать. А так как гусяного жаркого он отроду не едал, да и вилкой не очень-то умел управляться, ел он с превеликой сдержанностью, вилку и нож держал, как будто даны они были вместе со Священным Писанием, на горе Синай, кусал чеснок и глотал шкварки, и выковыривал мясо, и высасывал мозг из косточек, да так, что гусиный жир потек у него по пальцам. А служба был превеликий дока в мирских делах и живо смекнул, что этим жирным ужином ласка старосты не окончится. И как запах чеснока в жиру знаменовал появление жаркого, так сия отменная трапеза знаменовала, что уготованы этому молодцу и прочие блага от щедрот старосты. Подошла Цирль Трейни к глотавшему слюнки службе и сказала: постели ему в тепле, я уже принесу пуховое одеяло. Услышав это, перегнулся служба вдвое перед нашим юношей и отвечивал: готов я предоставить ему свое место у самой печки. И подумал с грустью: ох, мои бедные продрогшие косточки, весь-то день проторчали вы на морозе из-за того наглеца, наказанного старостой. Где же я вас устрою, где найду вам место?..

После ужина вновь засел паренек за книгой и давай раскачиваться всем телом и морщить лоб и крутить пейсы, как будто погружен был в глубокое раздумье, и только голоса не подымал, чтобы не обнаружить своего невежества. А если кто заговаривал с ним, то попросту не отвечал. Стали прочие ученики сердиться и ворчать, — вишь, мол, какой гордец, присел к старостиному столу и зазнался. Собрались было растянуть его и всыпать десяток горячих — гордыню умерить, — да лень осилила. Недаром говаривал знаменитый Шебушский раввин: я, мол, единственный раввин во всей стране, в дом которого не кидают камнями. И не потому удостоился я этого, что шебушцы так уж меня уважают и о поче-

те моем пекутся, а потому, что ленятся подобрать камень и бросить. И тут по лени своей природной оставили паренька в покое. А он сидит себе и молчит. Стал весь Шебуш дивиться такому странному поведению. Которые посмышленей, правда, урезонивали прочих: чему, мол, тут дивиться, вот в Броде есть один человек, так он уже восемь лет стоит у Ковчега в талите и тфилин и молчит; на что шебушцы отвечали: и тому, мол, следует дивиться; а им на это отвечали: кто же вам, мол, мешает — дивитесь на здоровье. Пошли шебушцы к р. Исраэлю Шломо и спросили его: что это за человек? Сказал р. Исраэль Шломо: по словам литовских мудрецов — несть равных сему кедру ливанскому. Спросили его шебушцы: а почему же он молчит? — Молчит? Ибо сказано (Притчи 11): «Со смиренными — мудрость». Сказали ему: если он так уж мудр, пусть даст и нам вкусить от его мудрости. Сказал им р. Исраэль Шломо: готов я рассказать вам одно рассуждение, которое я слышал из его уст в субботу. В «Золотых строках» р. Давида бен Шмуэля в главе «Смесь» ускользнуло от внимания составителя одно место из «Дополнений». Какое же место?

И р. Исраэль Шломо незамедлительно привел им изящное рассуждение, а за ним другое, тоньше прежнего, и украсил их притчами — одна глубже другой, и все от имени нашего юноши; и продолжал, пока глаза слушателей не засияли от света Писания. Простер р. Исраэль Шломо руку и сказал: все эти рассуждения и притчи — лишь крупница его премудрости, а вы спрашиваете, что это за человек. Это замечание он лишь мимоходом обронил, погодите, покажу вам еще кое-что. И он подошел к постели и вытащил ларчик с рукописями и сказал: это все — его находки в Торе, и храню я их под подушкой, настолько они важны. А вот как попали рукописи к р. Исраэлю Шломо на самом деле: во времена отца р.

Израэля Шломо пало на неких мудрецов того времени подозрение в Саббатанской ереси; послали их сочинения на проверку, да так они и дошли до р. Израэля Шломо. И спросили шебушцы р. Израэля Шломо: а почему же этот юноша попал к нам? Вынул р. Израэль Шломо трубку изо рта, отложил ее в сторону и посмотрел на шебушцев, а глаза его так и засияли. Повременил и вновь посмотрел на них, дабы убедиться, способны ли они внимать рассказу. И, увидев, что глаза всех собравшихся обращены к нему, вновь взял р. Израэль Шломо трубку в руки и, казалось, был готов разжечь ее и навеки сберечь тайну. А шебушцы? Кто поводил плечами в отчаянии, кто теребил уши, как от внезапной глухоты, а кто, не сводя глаз с р. Израэля Шломо, думал: не может быть, что староста настолько ожесточится, что оставит нас без ответа. Но по лицу старосты нельзя было понять — разгласит он либо скроет тайну. Он вновь отложил трубку, засунул руку за спину и сидел себе, сумрачный и погруженный в глубокое раздумье, и наконец вымолвил следующие слова: «Бежал — от лихого теснителя». Услыхали шебушцы, и объял их великий страх, ибо этими же словами говорит о себе Саббатай бен Меир Коген, в своей повести о хмельнице: «И бежал я от лихого теснителя». И еще не успели отзвучать эти слова в ушах шебушцев, как уже стали повторять их шепотом: «И бежал я от лихого теснителя». И каждый подумал: а что, если с этим юношей произошло то же, что и с блаженной памяти Саббатаем Когеном? И не сходя с места докопались шебушцы до самого смысла слов р. Израэля Шломо и поняли, что великого человека привела судьба в их город, да и не просто великого, а еще и такого, что приключилось с ним то же, что и с великим Саббатаем Когеном, да благословится память его! И они немедля стали превозносить его и хвалить, и славить, и величать, да так, как славят лишь мудрецов древности, слава которых не

убавляет от славы живущих. И знатоки рассказывали в те дни о резне 1648 г. и о казнях Хмельницкого — да сотрется имя его! — и о мудрецах того времени, умерших не своей смертью или бежавших от лихого теснителя. И 10-го тевета, в день осады Иерусалима Титом, когда пост освобождает от учебы, сидели все, сгрудившись, и читали «Лютую пору». И часы таращились со стены и удивлялись: что это на нас никто не смотрит? Никак пост сегодня, должны бы все время приставать к нам, когда же время вечера. Все громче бьют часы, но никто не обращает на них внимания — все льют слезы, вспоминая казни Хмельницкого и юношу, сбежавшего в Шебуш от лихого теснителя. А так как тот и словом ни с кем не перемолвился, то любовь к нему стала всеобщей, ибо то, что слова не портят, сердце бережет. И матери всех девушек на выданье были о нем самого лестного мнения, вплоть до того, что были готовы, вкупе со своими мужьями, заменить ему отца и мать, погибших от лихого теснителя. И поэтому зарумянились щечки их дочерей, как наливные яблочки, что насаживают на верхушку флажков во время праздника Радости Торы. Что же делали достойные и благонравные дщери шебушские? Они справили себе новые наряды, и по субботам, когда юноша выходил из мидраша, весь Шебуш чихал от аромата их платьев. Сваты поспешают, а паренек сидит и молчит. А у паренькова отца был товарищ, великий в Писании и угнетенный нуждой. Решил он, что причиной тому город его, что был полон знатоков Писания и в нем не нуждался. Сказал себе: пойду в другой город, поищу себе раввинат. Подрядил он лошадь и повозку, усадил жену и детей и поехал из города в город в поисках раввината. И повсюду отвечали ему, что еще не успел раввинат похоронить своего хозяина. Стал искать места главы ешибота, и здесь ему дали от ворот поворот. Сделался было проповедником, ходил из города в город и проповедовал публике.

Обтрепалось его платье, презрен стал у людей, и пренебрегли его упреками, ибо, как сказал Премудрый (Екклезиаст 9), «Мудрость бедняка пренебрегается». Под конец украли у него коня, и пришлось ему бродить пешком. Под конец умерли жена и дочери его от холеры, не про нас будь сказано. Под конец занесло его в Шебуш. Поселился он в Шебуше в мазанке, покинутой жильцами во время холеры, и утешался Торой в горе своем. Как-то раз повстречал его паренек и узнал любимого друга своего отца. Слово за слово, рассказали они друг другу все свои похождения. Услыхал старец о наказе старосты и понял, что не из любви к ближнему заказал ему староста говорить. Сведущий в путях человеческих не славит доброту людскую. Однако постичь намерения старосты и он не смог. Пожалел он, что сын приятеля его — неуч и невежда. Сказал ему: знавал я твоего отца, мир праху его, сведущ был в Писании, готов был за Тору жизнь отдать, а ты, сынок, бьешь баклуши, и нет у тебя ни знания, ни умения. Ежели дело в пропитании, то харчи дают тебе, и платьем ты обеспечен, а ежели в книгах, то ты все равно сидишь среди книг. Как говорится в народе, деньги липнут к тому, кто сидит на деньгах. Вот, мне уже семьдесят лет, а такого я еще не видал, чтобы староста помог бедняку по доброте душевной. Что-то он имеет в виду, только непонятно — что. Но как бы то ни было, можно извлечь из этого пользу. Приходи ко мне каждый день на часок-другой, и я объясню тебе Тору главу за главой. А кто Тору знает, чего ему не хватает?

Услышал юноша слова старца — взыграло в нем ретивое, и воскликнул: хвала Давшему мне воистину учить Его Святой Завет!

Стал он приходить к старцу и учить Тору как за семерых, и за короткое время успел больше, чем другой — за годы. А если подивисься, как это один успевает за короткое время больше, чем другой — за

годы, то дело в том, что ученик стремился к знанию всей душой, а учитель был сведущ во всех тайнах Писания. А кроме этого наделил Господь ученика чутким ухом и открытым сердцем, так что все он схватывал на лету. А так как в детстве его вовсе не учили и не извратили мозги бранным суемудрием, то в Торе искал он только истину Божию. Сказали мудрецы наши, блаженной памяти (Песнь Песней Раба 1): слова Торы подобны влаге — как капли сливаются и образуют ручей, так и Учение — учит человек два завета сегодня, два завтра, пока не уподобится полноводной реке. Сейчас, представьте себе, ученик учит-учит, а радости в том не видит; объяснили ему смысл учения — настолько стал он счастлив; так и наш паренек — сидел над Торой и томился; увидел его старец и усадил с собою и объяснил ему и Мишну, и Гемару, и Галаху, и Агаду: понятно, что обрадовался он великой радостью. И с радостью понесся от закона к закону, от свода к своду, и начал уже и сам проникать в суть Писания. А р. Исраэль Шломо все еще уверен, что все происходит по его слову. И однажды, когда обедал паренек у р. Исраэля Шломо, заметил р. Исраэль Шломо, что тот воздержан в пище, и сказал в насмешку: ешь и пей, учение Торы требует сил. А того-то он и не знал, что намеревался надсмеяться, а ненароком правду сказал; а паренек, за кротость свою, что смолчал старосте, получил вознаграждение: привели его под венец и посаженным отцом стал ему сам р. Исраэль Шломо.

Ходят сваты по богатым домам, там хлебнут наливки, там отведают закуски и повсюду клянутся долей своей в Царствии Небесном, что свадьба недалека. И что говорит один сват в доме у одного хозяина, вторит ему другой сват в другом доме, — что, мол, с Божьей помощью, лишь встанет староста после полуденного сна, зайду к нему и окончу с дельцем. За заутреней заметил он меня в мидраше и кивнул.

Почему все еще не договорились? Это чтоб никто не проведал и не испортил; известно, что шебушцы на это горазды. Не карают небеса свата за ложь, и он пуще прежнего хвалит наливку, за которую не грех вознести благодарственную молитву, и печень, что так и тает во рту, и невесту, что только она и достойна этакого жениха. Что скажет сват у одного, то же повторит и у другого. И впрямь навевались сваты к р. Исраэлю Шломо, да стоило им заговорить о сватовстве, отказывался р. Исраэль Шломо наотрез, будто был ему паренек родным сыном и будто нет в Шебуше человека, достойного породниться с ним. Тут-то и свел р. Исраэль Шломо счеты с шебушцами: видя, как рвутся они выдать своих дочерей за его подопечного, напомнил он каждому вину его и его отцов; выслушивали шебушцы, как он их срамит, и отмалчивались. Говорят, не знал Шебуш дней лучше тех, когда все гонялись за пареньком: тогда внимали шебушцы сраму своему и не прекословили. Но если на Шебуш снизошел покой, дом Шимона Натана лишился покоя. Шпринца Песиль, жена его, баба горластая, подняла голос на супруга своего и заорала: ах ты лихоимец, тать, разбойник, убивец, мерзопакостник, враг Израилев, чтоб тебе ни дна ни покрывки, любая побирушка выйдет замуж за этого паренька раньше моей дочки, пошли ей Бог здоровья, потому что ты, нахал и наглец, посмел надерзить старосте. Чтоб весь Шебуш сгорел синим пламенем вместе с тобой и домом твоим, и мордой твоей поганой, и глоткой твоей луженой, если ты немедленно не отправишься к старосте и не будешь ползать перед ним на брюхе и каяться в грехах своих, пока не простит он тебя во имя дочери моей, хоть и недостойн ты быть ей отцом, и говорить нечего, что не стоит ей быть твоей дочерью. И, не переводя духа, захлопнула дверь перед самым его носом. Захлопнула дверь, не дала ему спокойно сидеть дома, куда же идти? Ясно, в мидраш. И видит он там все

величие юноши, книги справа, книги слева, а что люди молвят? Предложил, мол, такой-то приданое: столько-то золотых, да р. Израэлю Шломо всех сокровищ земных мало для его паренька. А увидев Шимона Натана, делают вид, будто не замечают его, и говорят: Шимон Натан теперь не тот, что был, — дочь на выданье, а он и пальцем не ударит, чтобы выдать ее замуж. — Пальцем о палец не ударит? Потому что не в силах. — Не в силах? Значит, не карман у него полон, а язык длинен. — Был, был полон. — Был? — Выгнал его помещик, тут его богатству и конец пришел. — Говоришь, выгнал? Вызвал и избил. Глянь на него, ходит мрачный, как туча. Жаль, что такое с ним приключилось, все же был хорошим евреем. Сидят шебушцы, судачат о паренке и сватанных ему невестах и поминают со вздохом Шимона Натана, как поминают покойника, не про нас будь сказано. Не похож тот, у кого есть, что есть и не может есть, на того, что не может есть и нечего ему есть: один радуется, что ему не надо есть, другой печалится, что не может есть. Так и Шимон Натан: по богатству своему мог бы он дать любое приданое своей дочери и выдать ее замуж за того паренька, да был у него давний спор с р. Израэлем Шломо. С тех пор стал воздерживаться Шимон Натан от пререканий и во всем соглашался со старостой. До того дело дошло, по словам шебушских остроумцев, что велит староста радоваться победе Маккавеев в день разрушения Храма и печь треугольные пряники — «уши Амана» — в форме квадрата, Шимон Натан и тут слова поперек не молвит. Да что там — видели его, сидящего под кущами у ханукальных свечек, в Судный День за пасхальной трапезой в маске для Пурима и т. д., — и все по слову старосты. Однако и впрямь старался Шимон Натан угодить старосте. Заметит р. Израэля Шломо, переломит себя и прислушается к его речам. Как сказал мудрец: не можешь отрубить руку врага — пожми

ее. Увидели это миротворцы и сказали: привелось нам сделать угодное Господу и помирить их, как сказано (Псалмы 33): «Ищи мира и добивайся его», «ищи» — во имя мира, «добивайся» — во имя ближних. Долго ли, коротко, уговорили р. Исраэля Шломо выкинуть злобу из сердца, а Шимона Натана и уговаривать не надо было — и так ел он себя поедом за прежние раздоры. Однако, когда пришел сват к р. Исраэлю Шломо и сказал: сватает Шимон Натан паренька вашего за свою дочку, — пихнул его р. Исраэль Шломо чубуком в грудь и отказал наотрез: еврейская суббота и христианское воскресенье в один день не выпадают. Пришел сват снова, тут р. Исраэль Шломо приветил его и сказал: по словам Мудрецов Израилевых, тремя венцами увенчан Израиль: венцом Торы, венцом священства и царским венцом. Царский венец достался Давиду, венец священства достался Аарону, венец Торы уготован всему Израюлю и всякому доступен. Шимон ли Натан, другой ли самостоятельный человек — не все ли равно, молоко черной козы не темнее молока белой козы.

Услышал это Шимон Натан и взошел в дом старосты; взял с собой кошель и засунул в него триста червонцев. Пришла вся выряженная как на свадьбу Шпринца Песиль, прошла к Эстер Малке, жене р. Исраэля Шломо, и заговорила с ней любовью да лаской. Так говорила Шпринца Песиль Эстер Малке: Эстер Малка, жизнь моя, дай-то мне Бог вскоре разрезать на крупные куски сладкий пирог на свадьбе дочки моей, пирог сладкий, как сладко мне быть с тобой, душа моя. И чтоб все голодранки, что есть в Шебуше, лопнули от зависти со всеми своими сплетнями. Не зря говорят, что нищим лучше бы и не родиться. Тут же они примирились, тут же условия обговорили. Не уезжал бы р. Исраэль Шломо на Совет Четырех Царств, собиравшийся в те дни, не мешкали бы и отпраздновали честным пирком да за

свадебку. Шимон Натан с супругой не мешкали бы, чтобы поскорее зваться тестем и тещей нашего учебного мужа; р. Израэль Шломо не мешкал бы, чтобы не отдалять падение Шимона Натана. А когда отправился р. Израэль Шломо на Совет, весь Шебуш провожал его до субботнего предела и умолял не задерживаться в пути, не оставлять город, как соломенную вдову, и поскорее вернуться и возрадоваться радостью жениха и невесты. В том году собирались сановные мужи на Совет Четырех Царств во святом граде Бобрике, дабы вершить дела общинные Его Святым именем. Ибо в те времена лишь Тора правила в народе, и следовал Израиль указам ее. И владельцы волостей и повелители поколений усердствовали на благо Израилю и устанавливали постановления и изменяли их либо дополняли по нуждам времени, по требованиям поры. По мере надобности собирался Совет Четырех Царств; раввины восседали на совете, а старосты стояли за ними, каждый староста за своим раввином, и вершили дела державы, и налагали налоги на иудеев порознь и купно, и мирили миром и карали карами, и заставляли народ исполнять по слову их; а в случае надобности и штрафовали и наказывали, и отвергали, и отлучали, и проклинали, и узаконивали слова свои. За грехи наши тяжкие мутит нас Лукавый и толкает на неуступчивость, а то доводит дело и до размолвок. Однако р. Израэль Шломо, мир праху его, был уступчив даже в таких делах, что другой бы на его месте заупрямился. Сватовство паренька привело его в приятнейшее расположение духа. И во все дни Совета глаза его лучились и лицо сияло и брюхо, набитое львовской требухой и лучшим в мире куликовским хлебом, сотрясалось от смеха: подумать, мол, сколько бился Шимон Натан, чтобы заполучить несравненного женишка для дочки, а тот оказался неуч и простофиля. Удил, мол, золотую рыбку, а выудил пескаря.

Что же делал наш юноша, покамест заседал р. Израэль Шломо в Совете? Сидел и учил, и разбирал и толковал, пока не стало ему учение ясным, как Божий день. А когда старец увидел, что ученик его набил себе зоб ученостью, сказал ему: иди к городскому раввину и получи Разрешение Учить и Судить. И впрямь, хоть и сведущ ты в премудростях Торы и достоин быть судьей, и прелестям твоим несть числа, и есть в тебе и прочие достоинства, доколе назначаются раввины за золото и серебро или за родословную свою, и не надейся стать раввином. Зачем же я посылаю тебя просить Разрешение Учить? Чтобы был у тебя в руках знак, что проверили тебя и нашли сведущим в Учении.

И вот однажды поднялся юноша на крыльцо главного духовного судьи города. А судья не поехал на Совет Четырех Царств по бедности своей да по слабости телесной. Пошла супруга раввина и сказала ему: парнишка старосты пришел к тебе. Пусть войдет, сказал он, и паренек вошел и сказал: проверьте меня, учитель, достоин ли я Учить и Судить. Ответил судья: кто, достойный Учить и Судить Израиль, прячется от меня? Ответил ему паренек: кто не спрячется перед мудростью и праведностью? Применил я к вам сказанное (Иов 29): «Юноши, увидев меня, прятались». И сказал ему судья: ты ведь тот самый юноша, слава о котором ходит от конца и до края Шебуша, садись, сынок, садись, да умножатся подобные тебе во Израиле. И начал спрашивать его о различных предписаниях и постановлениях. Увидел, что тот отвечает, как следует, и умеет развить мысль и извлечь следствие, как в Разрешениях и Запретах, так и в Имууществе и Деньгах. Полюбился ему юноша, и задержал он его у себя на день, и на другой, и на третий, а потом взял перо и начертал: Да учит Учение, да судит суд. Занимающийся Торой придет и получит вознаграждение. Вышел юноша, обрадованный, что призна-

ли его годным учить и судить, а раввин остался обрадованный, что повенчал того с Торой и ублажил старосту. И не только он, но и раввины близлежащих местечек, что не поехали на Совет Четырех Царств по бедности своей, дали ему Разрешение Учить. А так как знали, что свадьба его близка, сказали: вот тебе подарок за свадебную проповедь, а его, как известно, до свадьбы людям не показывают. Некоторые из учителей наших и раввинов дали ему Разрешение на месте, а другие подтвердили собой пословицу, что по дружеству неисправную вещь не дарят, и повременили с исполнением Разрешения, пока не соберутся с мыслями. И пока сидел р. Исраэль Шломо на заседаниях Совета Четырех Царств, юноша получил право учить Учение и судить по Закону. Завершились заседания Совета, постановления его были записаны и скреплены подписями и печатями; р. Исраэль Шломо сел в свою бричку и поехал домой. И так радовался он скорому падению Шимона Натана, что не обращал внимания ни на дорожные неудобства, ни на возницу. И если и бивал последнего, то лишь по привычке бивал, и не тростью бивал, а чубуком, и не для того, чтобы бить, а чтобы время проводить. И дивился тому возница, что это, мол, сидит р. Исраэль Шломо у меня, как агнец кроткий. Долго ли, коротко, прибыли в Шебуш. Прослышали шебушцы и вышли встречать р. Исраэля Шломо. Оставил он бричку и пошел пешком, ведомый народом, а возница поспешил вперед известить Эстер Малку. Засуетилась Эстер Малка, убралась, как невеста, и вышла во сретенье супругу и поторопила его омыть руки и приступить к обеду, а приготовила она отменный обед с мясом и соусом. Вспомнил р. Исраэль Шломо, что недавно отведал козьего сыру и не прошло еще шести часов, разделяющих молочные трапезы от мясных. Хотел было обойтись куском пирога. Опечалилась Эстер Малка, а вслед за ней и шебушцы. Она — из-за ка-

ши, что простынет и испортится, а они — что р. Исраэль Шломо с дороги и не усладит своего сердца горячим обедом. Встал один знаток и посоветовал отправиться покамест к полуденной молитве, а тем временем пройдет шесть часов и р. Исраэль Шломо сможет пообедать. Не успели они стать к молитве, как учуяла Ласонька хозяина, подошла к нему, легла, вытянулась и вцепилась когтями в концы его кушака и замяукала от удовольствия. Увидел ее р. Исраэль Шломо и услышал ее «мяу» и обращался к ней ласково: ну как, заботились о тебе эти злодеи? И спросил: кормили ее вовремя? О пареньке не забыли? И полегоньку освободил кушак из когтей Ласоньки. Ответили ему: ни-ни, не забыли Ласоньки, не забыли и паренька. Он ест и пьет, здравствует и учится, и все уже приготовлено для его венчания. Увидел слуга, что хозяин его в хорошем настроении, принялся хвалить Ласоньку. Сказал: а наша Ласонька узнает паренька. Увидали шебушцы, что привалило счастье Ласоньке, стали ластиться к ней. Сказал р. Исраэль Шломо: окончили хвалу Ласоньке? И вновь спросил о пареньке. Принялись все славить паренька, кроме Эстер Малки, а ей сватовство было не по душе из-за Шпринцы Песиль, что не упускает ни одной курицы на рынке. Но р. Исраэль Шломо доволен был сватовством, и паренек ему нравился, ибо через него должен был пасть Шимон Натан. Вошел Шимон Натан и увидел, что все приготовились к молитве. Сказал Шимон Натан: что ж это такое, сват, Ваша милость с дороги и не нашли для тела ничего лучше молитвы? А то вздремнули бы чуток, а потом поели бы да помолились. Полуденная молитва, чай, не простынет. Сказал р. Исраэль Шломо: понимаю слова твои. И шебушцы тоже сказали: только потому и собрались молиться, что ничего лучше не придумали; сейчас, когда придумали по-другому, конечно, стоит р. Исраэлю Шломо сначала вздремнуть, ибо сладок сон с дороги. Припод-

нялись шебушцы на цыпочки и вышли, и никого не осталось с р. Израэлем Шломо, кроме Шимона Натана и слуги; Шимон Натан — от любви к р. Израэлю Шломо, а слуга — потому, что нужен он р. Израэлю Шломо. Снял слуга башмаки с р. Израэля Шломо и вышел на улицу, проследить, чтобы телеги не громыхали под окном. Вытянулся р. Израэль Шломо на постели, взял в руки трубку, трубку чистого серебра, что привез с собой, и сунул в рот. Побежал Шимон Натан на кухню и принес уголек и разжег трубку, и серебро трубки озаряло его нос, покрасневший от вина, что перепробовал к свадьбе дочери, и заговорил Шимон Натан с р. Израэлем Шломо о дне свадьбы. Не успел вздремнуть р. Израэль Шломо, как уже договорились они о дне свадьбы. Понавез Шимон Натан всяческих яств и напитков, дабы знали шебушцы и ведали все их потомки, как выдал Шимон Натан дочь свою замуж и за кого он ее выдал. Пол погреба ломился под тяжестью бочек с медом. Десяток грузчиков привел Шимон Натан, чтоб затащить их в дом. И квашни, полные муки, стояли в доме, каждая величиной с доброе корыто; а при них — пекаря и пекарята, и в руках у них бочки масла и мешки изюма, и орехов, и корицы, и льют и сыплют они это в квашни, и замешивают на меду. Чихают старики Шебуша из-за запаха корицы, скрягам не нужны духи в исход субботы — из-за запаха корицы. Богобоязненный выходит на рынок, заткнув ноздри, чтоб не благословить попусту свежеиспеченный хлеб, потому что из-за запаха корицы не поймешь, следует ли благословлять. А Шпринца Песиль скупила подчистую всех откормленных петухов и всех откормленных кур; так что говаривали в Шебуше, если бы не оставила заморенных, не было бы чем вознести искупительную жертву в канун Судного Дня. И не оставила Шпринца Песиль ни утки, ни гуся, ни лебедя, ни голубя — все отправила к резнику. Голубей она тушила, лебедей варила, гусей на-

чиняла яблоками и тушила, уток — каких тушила, а каких варила. Был и такой скот, что у него и мяса за жиром видно не было. А с бойни все раздается кудахтанье и бляенье. Колеса телеги грохочут по мостовой, телега полна зелени, а перед ней выступает олень, и рога у него выложены зеленью, а на голове венчик из красного перца, а за телегой ступает повар из помещицкой усадьбы. И то, и другое — и олень, и зелень — подарок помещика на свадьбу дочери Шимона Натана. Увидели в народе оленя и молвили: оленю подобен возлюбленный мой; а дети бегут вслед и кричат: беги, возлюбленный мой, подобно оленю. И еще послал помещик разных больших рыб; не нарезали бы их кусками, не поместились бы они ни в одной кастрюле из-за величины своей. И некоторые запечены с луком и перцем, а некоторые — в красном вине с тертыми медовыми пряниками, и сахаром, и изюмом, а некоторые замаринованы под уксусом и вином с лавровым листом и луком, а некоторые зажарены. Которые с луком и перцем — на свадебный ужин, которые с изюмом — на утро, ибо поутру тянет на сладкое, которые маринованные — на прочие семь дней пира, а которые жареные — иногда не хочется гостю ждать, пока наполнят ему миску, — возьмет руками и закусит стоя. Заспорили шебушцы, чья же это свадьба — старосты или бедного сироты, которого староста женит во имя небес. Сказали им жены: ну, не глупцы ли вы, что не понимаете, в чем дело? Почему староста женит сироту? Потому что нет у него, у старосты то есть, сыновей. Были бы у него сыновья — женил бы сыновей, а так сирота ему вроде как сын, а значит, свадьба вроде как свадьба сына его, а значит, нужно нам и дочерям нашим справиться себе новые платья, как в честь старосты. Сказано — сделано: справили себе и дочерям новые наряды, и шорох подолов их был слышен на расстоянии двух суббот ходу.

Пригласил Шимон Натан всю свою родню, и всю родню жены, и всех своих друзей и приятелей; и еще всех окрестных раввинов, — послал он за ними, чтобы своей святостью освятили свадебный пир. И раввины прибыли: на телегах, и в повозках, и в бричках, и в колясках, а некоторые приехали и привезли с собой прелестных отроков и юных знатоков Писания. Молвили в народе: жених — сирота, родных у него нет, пойдем на свадьбу, будем ему родными по Торе. И когда пришел день венчания, гости переполнили город. Не найдешь телеги, въезжающей в Шебуш, чтобы не тадилась за ней орава нищих, побирушек, попрошайек и голи перекатной, что потянулась на запах яств и питий. Убрался Шебуш в субботние одежды и вышел во сретенье невесты. Усадили невесту на табурет, и дружка, р. Йоэль, известный балагур, обратился к ней с корильной песней. И вот что он приговаривал:

Плачь и рыдай, молодая жена,
Сердце излей слезами,
Какая судьба тебе суждена,
Решается небесами.

И подружки невесты, услышав голос р. Йоэля, ударились в слезы и запричитали: плачь и рыдай, молодая жена, сердце излей слезами; а р. Йоэль приговаривает:

И тихая ль пристань тебе суждена,
Не ведомо никому,
Иль камней тяжелей грехов пелена
Утянет тебя ко дну.

Стоят подружки перед невестой и рыдают и оплакивают ее девичество вместе с р. Йоэлем. Идет р. Йоэль с гостями в дом жениха, и призывает р. Йоэль жениха к покаянию в слезной песне:

Ах жених, жених,
Царем тебя назвали,
Жених, о жених,
Берегись гордыни
Сегодня ты царь,
Надежды и молодость
Вечное царство
Правит Он миром

милый жених,
а ты привык,
послушай меня,
пуще огня.
но годы пройдут,
с собой уведут.
лишь Ему одному.
по слову Своему.

И так он шел, пока не сжалось сердце и не вытекли все слезы из глаз. И тогда завели подружки невесты пляски маханаимские, зажгли витые свечи, и каждая взяла по свече, и повели они шествие вплоть до Большого Собора. Провели жениха и невесту под венчальным шатром, и глава духовного суда исполнил обряд венчания. Музыканты заиграли на скрипках и арфах и прочих музыках и проводили молодых и сватьев на пир. Сели все за стол и усладились едой и питьем, и вином и сладостями, и рыбой и всяческим мясом: и скотским, и дичью, и птицей.

Уже ожидали знатоки Завета проповеди жениха. Во все дни он хранил молчание, теперь же наступило время его показать силу свою в Торе. А пуще всего ожидали этого раввины, давшие ему Разрешение Учить, ибо с тех пор, как побывал у них сей юный мудрец, полюбился он им, и хотелось им увидеть час его величия. Вертятся раввины на сиденьях и переговариваются: когда же начнет? Но больше всех ожидал жениховой проповеди р. Исраэль Шломо, но не по той же причине, а дабы узреть падение Шимона Натана. Хотел, мол, выудить золотую рыбку, а поймал пескаря; к ученому мужу мнил прилепиться, а нашел невежду и простофилю. Переходит Шимон Натан от скамьи к скамье, от гостя к гостю, одного потреплет по плечу, другому выразит ласку знаком каким, радуясь и наслаждаясь, что из всех шебушцев именно ему достался такой жених. Внезапно

смоккли гости, услышав, что жених готов произнести проповедь. Протиснулась Шпринца Песиль меж мужчин в комнату, волнуясь и повторяя: евреи, дайте послушать, евреи. А жених все сидит и молчит и смотрит на оленье рога, стоящие на столе, а на них всяческие сласти. Дал раввин жениху знак — начинай, мол. Застонал жених с горя и устремил взор на р. Исраэля Шломо, как бы прося разрешения заговорить. Перехитрил небеса р. Исраэль Шломо и сказал жениху: открой уста, уласти наш слух. Уронил жених голову, оперся обеими руками о стол, вскинул голову, глянул раз вверх и два раза вниз и начал проповедь о женщине, едущей на осле, и с ней поклажа, и впереди идут двое мужчин; она говорит: это мои рабы, это мой осел, это моя поклажа; а те двое — каждый из них говорит: это моя жена, это мой раб, и поклажа моя, и осел мой; и слаще меда были речи его. И еще пустился жених толковать предание об учении Торы и воздаянии за него. Встал дружка, залез на стул, и каждый подносит ему подарок и подает ему, а он величает в рифму и нараспев:

Купец преславный, невестин отец,
и скромная супруга — мужу венец,
Шимон Натан и Шпринца Песиль,
многие лета желая добра,
несут под выкрики свадебных песен
два подсвечника чистого серебра,
чтоб на всю жизнь новобрачным хватило
сияния серебряного светила.
А я, р. Йоэль, гостей взвеселю,
до прихода Мессии им песни спою
во славу жениху и невесте: она,
как солнце, ясна и чиста, как луна,
мужу супруга навеки верна.

А дядя невестин —

да живет он
лет двести!

Невестин дядя
ей дарит билет,
Скрепленный заправской

запечатанный перстнем,

В саду вкуси от плодов —
И благослови Господь
Аминь.

Большая хвала и тестю,

тестю большая хвала,

поднос для мацы
чтобы были
Да вкусим от
прославим песней
чтоб жертва была угодной

А вот
богатеи из богатесв

р. Элькана, сын Ессеев,

дарит ларец благовоний

И не будет конца хвалам
да избавит его Господь

чтоб праведник
и бодр

Что же дарит
Эстер Малка
да теща справедливая,
купчиха неспесивая,
им ступочку красивую

Блажен последний — с мудрости вершины
познавший все в Израиле, истоки и Закон,
подходит к новобрачным староста общины,—

во лбу семи пядей,
да живет триста лет!
подписью толстой
графской,
да прославится
в песне!

к возлюбленной мой зов.
его во веки веков,

за то, что он дарит невесте,
что, летя, как из лука
стрела,
дарит новый,
они здоровы!
жертвы пасхальной,
похвальной,
на алтаре
Господнем.

и строитель
городов —
молодым помочь
готов,
и серебряный кубок
субботний.
и добрым его делам,
от недуга и
от хвороб,
был здоров
до скончанья веков.

Эстер Малка?
дарит скалку,
хозяйка неленивая,
выходит и как раз
и медный дарит таз.

издавна жениха наставник он,
 уча, его растил, как собственного сына.
 От бед прикрыл, кормил и поил
 и золотом шитый кушак подарил.
 Дает четыре тома сочинений,
 премудрости полных. Составил их гений:
 поля широкие, буквы золотые, учения Торы
 заветы святыс...
 Встань, жених, проснись, воспрянь, покажи всем
 силу Торы,
 автору состава втору, принеси перо сй в дань,
 чтобы были слова, как луна и прохлада,
 утешенье учителю, людям — отрада.

И все еще стоит дружка-балагур на стуле и поглядывает туда-сюда и кричит: кто еще не принес подарка за проповедь? И кто рассчитывал открытись и не дать подарка, пугается и подает хоть монету дружке, и дружка показывает монету невесте и приговаривает в рифму:

Молодая жена, на монету взгляни-ка,
 видишь, на ней отчеканен владыка:
 если с монеты глаз не сведешь,
 Торы владыку произведешь.

И вновь провозгласил р. Йоэль: а теперь со стороны жениха! Встали раввины, извлекли свитки из одежд своих и передали дружке. Вынул р. Йоэль очки, нацепил их на нос и, развертывая свиток за свитком, начал читать нараспев:

Славный учитель —
 умов предводитель
 везде знаменит,
 горы крушит
 славного града
 сказал жениху:
 Роду святого,
 мощный молот

великий раввин —
 и душ властелин,
 слабых опора,
 словами Торы,
 главный судья
 «Да судит, как я».
 как яхонт — вид,
 денницей блесит.

Книгу: «Трапеза
составил мудрый
Раввин
сказал жениху:

Левиафана»
Рабби Элькана.
и судья во граде
да судит, да рядит.

И так стоял дружка и читал все грамоты: и ту, что начертал раввин Монастырица, и раввин Верхней Пищи, и раввин из Малых Тищей, и раввин из Ветер Свищет, и все прочие раввины, которых посетил юноша, чтобы получить Разрешение Учить и Судить. Дружка прочитывал свиток за свитком и передавал их службе, служба передавал Шимону Натану, а Шимон Натан клал их в серебряную чашу перед своим сватом.

Сидел р. Исраэль Шломо и дивился, и вглядывался в грамоты не раз и не два, и вертел их в руках, и мял, пока не раздался их хруст, как будто пытался он заглушить ученость жениха, гремевшую у него в ушах. Сказал себе р. Исраэль Шломо: из-за кого достиг юноша того, что достиг? Я хотел уничтожить недруга своего Шимона Натана, и не только не уничтожил недруга, а еще и дал ему жениха для дочери его, жениха превосходного в учении и премудрости. Обо мне говорил Царь Давид в Псалмах: «Роющий яму ближнему сам в нее попадет». Кому был подобен р. Исраэль Шломо в тот час? Человеку, откармливавшему весь год петуха в искупительную жертву на Судный День, а тот возьми и улети в Канун Судного Дня. Встал р. Исраэль Шломо, взял стакан вина и подошел к нему. Исполнил р. Исраэль Шломо сказанное: не можешь отрубить руку врага — поцелуй ее; встал, выпил с Шимоном Натаном и наслаждался званием «сват». И он тоже схватил жениха за руку и заговорил с ним словами Торы, пока не заблестели их глаза и не расцвели лица. Встали гости и плясали, и пели и плясали, да так, что было слышно во всем городе. Вышел старик из своего угла, и больной встал с постели. Послали за тем старцем, что

учил юношу Торе. Пришел он, увидел славу ученика своего, увидел, что во имя Торы не оставит Господь рабов Своих милостию Своей, и начал толковать Тору во имя ее. Усадили его во главу стола и поставили перед ним мясо и рыбу и старое вино, которое полезно старикам. Пил он и ел, пил и толковал, да так, что пошла о нем слава по всему городу. Не прошло и считанных дней, как включили его в состав духовного суда. А когда старый судья уехал в Землю Израилеву, назначили старца этого вместо него. И впредь мир царил в городе. Шимон Натан не сеял больше ссор и споров и раздоров, и никто не смел и рта раскрыть против р. Исраэля Шломо, и больше не приходилось службе стоять на холоде и стеречь наглецов, и был он всегда готов услужить р. Исраэлю Шломо, и нечего говорить, что он всегда был готов подать р. Исраэлю Шломо стакан чаю, когда тот хотел чаю.

Дочь Шимона Натана родила дочерей и сыновей, а нищий паренек, ставший ее мужем, сидел и учил Тору, и дал ему Господь составить сочинение о трактате «Венчание», и исполнилось сказанное (Исайя 50): «Золото дам вместо меди, и т. д.», — вместо жениха-недоучки, которого хотел р. Исраэль Шломо дать Шимону Натану, дал он ему жениха, превосходного в Учении, и во Израиле — мир и благоволение.

Человек соседу желает
Отомстить, причинить зло,
Но вот — такое бывает —
Из-за него добро пришло*.

* Стихи в этой главе переведены Яковом Бергером и И. Шафиром.

ТРИ
РАССКАЗА,
ЧАСТИЧНО
ОТНОСЯЩИЕСЯ
К
ПРЕДЫДУЩЕМУ,
А ЧАСТИЧНО-
К
ПОСЛЕДУЮЩЕМУ

СВЕТ ТОРЫ

Создана ночь лишь для Учения.

«Ограда», 64

Королевка — городок маленький, с ладонь, и людей там немного. Дома там мазанки тесные да мелкие, что над Святым Духом не возвышаются. И если бы не раздавались, не дай Бог, визг мелюзги по молельням да вздохи Израиля о тяготах заработка, о бремени налогов да пошлин, не заметили бы, что живут тут люди.

Но есть в Королевке один дом — прямо палаты, и светелка надстроена там под кровлею. Это дом р. Ашера Баруха, местного владельца. Р. Ашер Барух таков: золото и серебро в дому, а Тора в нутре. Учен он и собью обилен. Ученость и сила одному подвалила. Затем и дом его — прямо палаты, выше всех домов города, хоть и согбен домохозяин, согбен под игом Торы.

И дом таков: внизу лавка и кухарня, а наверху, в светелке, сидит р. Ашер Барух, служа Богу и уча Тору, и лишь о Торе помышляет денно и ночью. Жена его домовита и удосужлива, ведет торг и ряд и дом свой питает с почетом, а р. Ашер Барух сидит себе в светелке, служа Богу и уча Тору. К суете не обратится и в торг не вмешается.

Из ночи в ночь еженощно сидит р. Ашер Барух со свечой и учит. И свеча не вставлена ни в серебряный подсвечник, ни в оловянную лампу, ни в глиняную подставку, ни в дыру в столе, но зажата меж пальцев его. Тора силу точит и дух сна норовит одолеть корпящих над Торой, и след поберечься, чтоб

не уснуть, чтоб не задремать,— а затем и зажал р. Ашер Барух свечу меж пальцев: хоть бы и задремал, хоть бы и уснул — дойдет пламя свечи до пальцев, и тут же пробудится он, встрепенется и встанет на службу Творцу.

А Королевка близка к рубежу, на границе стоит. И, как обычно, водятся в ней корчемники, что перегоняют быков с корчемной ношей из державы в державу, из державы Русской в державу Его Величества Кесаря. И ночью, как сгинет нога с торга и не останется людей на торгу, они выходят и пересекают рубеж и возвращаются оттуда, они и быки их. Из ночи в ночь промышляют они своим промыслом, во мраке промышляют своим промыслом, чтобы не заметила их граничная стража. Лишь свеча р. Ашера Баруха, что поблескивает из окна светелки, путеводной звездой им в пути к городку. А Тора эта — велика она, и нет ей границ. Из ночи в ночь, ежедневно сидит р. Ашер Барух со свечой и постигает словеса Торы. Но и силы сердца людского не унижаются вовеки, и глубже преисподней вожделение мнимой соби, и из ночи в ночь выходят корчемники и пересекают рубеж и направляют своих быков. Он — за закатную, и они — на закат. Стемнеет день — восстанет р. Ашер Барух от мимолетного дневного сна и пойдет в Собор Израилев вознести пополуденную и закатную молитвы. Завершит молитву — вернется домой, отведаст чуток еды и отопьет чуток питья, чтобы укрепить тело для Торы, и подымается в светелку свою, и вытирает оба глаза свои влажной салфеткой, и жена приносит ему свеч осветить ему ночь для Торы Божьей. И в этот час собираются все корчемники Королевки и выходят — шайка за шайкой, ватага за ватагой. Одни идут к граничным стражам и пьют с ними горилку, затем что питие наводит сон, а другие обматывают ноги соломой и тряпками и выходят на свое дело.

Так прошло несколько лет. Р. Ашер Барух по-

старел, Тору не оставил. Сила его — сила прежняя, а ночь создана лишь для Учения. С виду есть перемена: теперь приносит ему жена тонкие свечи. Сказала жена р. Ашера Баруха: у Ашера Баруха моего, долгой ему жизни, руки отяжелели от старости, пальцы трясутся, может, не удержит толстых свеч. Но в прочих делах нет перемен. Р. Ашер Барух есть р. Ашер Барух, а свет есть свет — как прежде светил, так и теперь светит. Из ночи в ночь, еженощно сидит р. Ашер Барух и учит, а корчемники переходят границу и усыпляют граничных стражей, и переходят границу, и возвращаются в город, и правят быков на его огонек.

Но не ровен час. Судьба всех сынов человеческих сбудется для всех сынов человеческих, и, как все сыны человеческие, умер и р. Ашер Барух. Р. Ашер Барух умер и долго жить приказал. Из ночи в ночь, еженощно, сидел он и учил Тору, как сказано: «Не загради рот от Учения», и не заградил рот от Учения до самого дня смерти. Но в смертную ночь не смог заняться Торой. Болезнь справилась с ним, и сила покинула его. Спустили его в горницу и уложили в постель. Не горела свеча его в эту ночь. Вышла шайка корчемников и не смогла вернуться. Всю ночь блуждали, родного города не нашли. Плутали всю ночь до рассвета. С рассветом увидели городок вдали. Пошли и вернулись домой. Как вернулись, обрушился на них гнев их атамана, и закричал он: чтоб вам брюхо распучило и все кишки повыврало, ворье проклятое, что делали всю ночь? Я уж думал, что вы попались или звери вас съели и добро мое жором пожрало. Сказали ему: пане, чем мы провинились? Блуждали мы всю ночь в чаще без пути. Блуждали всю ночь и родного города не нашли. Поведали ему, как шли, и как собирались вернуться, и как светил им огонек, и как шли они на этот огонек. Один огонек в городе, и на него обычно шли, а этой ночью не видали света, и померк пред ними

город. И сказали: погас свет Королевки. Вещее говорили, но что веждали — не ведали: вскорости прошел слух, что скончался р. Ашер Барух и погас свет Торы в Королевке.

ТРИ СЕСТРЫ

Три сестры проживали в темном углу и шили белье другим. Спозаранку и до полуночи, и от исхода субботы и до прихода субботы с потемками не выпускали из пальцев ни ножниц, ни иглы, и в сердцах не умолкал стон ни солнечной порой, ни порой дождливой. Но блага в своем труде не видали. И если находили черствый ломоть, то сытости с него не было. Как-то раз шили нарядную сорочку богатой невесте. Окончили работу, вспомнили заботу, что ничем завестись не успели, кроме кожи на теле, да и та стареет и жухнет. Пригорюнились. Вздохнула одна и сказала: так мы сидим всю жизнь и корпим на других, а у самих холста на саваны — и того у нас нет. Сказала вторая: сестра, смотри, накличешь беду. Но и эта вздохнула так, что слезы потекли.

Хотела и третья слово молвить. Как открыла рот, брызнула струйка крови из рта и замарала сорочку. Принесла она сорочку невесте, вышел вельможа из палат, увидел пятно. Распек швею и выгнал в шею, нечего и говорить, что не заплатил. Ох если бы вторая харкнула кровью, а третья заплакала, отстирали бы мы сорочку слезами и не прогневили вельможу. Но не всякая удача вовремя приходит. А хоть бы и всякая удача вовремя приходила, и та плакала после той, что кровью харкала, так и в этом нет полного утешения.

ПРАВЫЕ СТЕЗИ

В одном городе из городов Польских жил старик один, что промышлял уксусом. Отцы и отцы отцов его славились своими винами, но в тугую пору обеднели и оставили ему лишь ветхое жильё да прокисшее вино. В жильё том отроду не видал добра: жена померла, пока дети в малолетстве были, подросли — ушли в войско и погибли на войне. Сидел он одиноким и делал уксус. Пять дней недели промышлял своим уменьем, а в сретенье субботы нацеживал уксус в большой жбан и разносил по городу.

И много раз задумывался: что я и что жизнь моя? Пять дней в неделю кислю уксус на продажу, продам и снова кислю уксус, чтобы снова продать. И зачем все это, — чтобы прокормить тело это хилое. Жили бы жена и сыны мои, честно питал бы их. Сейчас, когда жена умерла и семья моя выкорчевали, зачем мне тянуть кожу с костей и убиваться? И плакал, и стенал, и тужил о жизни своей, пока не опостылел ему его промысел. Не только промысел: и талит ему бы не по плечу, и тфилин не по кисти. Но поскольку любовь к Земле Израиля сидела в сердце его, решил он взойти на Землю Израиля, мол, если сподобится — найдет себе могилу в прахе ее. Стал жаться с едой и утехи умерять и даже отведать от плодов, что шли на уксус, не попускал себе и ел ломоть хлеба с жидкой брагой, и того меньше меры брал. По понедельникам и четвергам постился и приучился обходиться малой толикой. А в канун субботы, как продаст уксус, по пути из города присаживался он на камень, вынимал деньги из кармана, половину откладывал на пропитание, а половину засыпал в кружку-копилку, а ее вложили иноплеменики того царства в руки Того Человека на распутье дорог. Прост был и не понимал, зачем стоит та кружка, и уверен был, что надежнее места не сыщешь. Медные монеты брал на бранные нужды,

а серебро — на дорогу в Землю Израиля. И делал себе зарубку на жбане.

И с тех пор радостно работалось ему. Дивился он самому себе: как это, мол, раньше опротивело мне ремесло мое, а сейчас трудно мне с ним расстаться. Те же кувшины и тот же уксус, а я и не замечаю, как день проходит. А в полночь вставал с постели, брал жбан и плясал с ним до самой рассветной молитвы. А поскольку погружен был в расчеты — сколько уже зарубок появилось на жбане, сколько серебра всунул в кружку-копилку, — не тщился с молитвой. И так говаривал: Владыка вселенной, ведомо Тебе, что все мои счета я веду, лишь чтобы взойти на Твою Святую землю. Возведи меня, а там я вознесу Тебе красную молитву.

Так прошло несколько лет. Старик занимается своим промыслом с любовью, кислит уксус и разносит его по городу и делит выручку: половину — на бранные нужды, а половину — на дорожные расходы, и снова кислит уксус и разносит его по городу и делит выручку: половину — на пропитание, а половину — в ту же копилку. Вот она, сила простоты: хоть годы идут, но дела не меняются. Так прошло несколько лет. Стены мазанки его стали облупляться, потекла крыша и треснули углы. А когда идут дожди, то сырят его тело и под покровами, а налоги и подати все растут. Если задержится еще — ухватит держава дом его или дом его станет ему могилой. Лежит себе уксусник на ложе и прислушивается, как сыплется замазка со стен, кусочек упадет и кусочек осыплется, а звука почти не слышать от сырости. Но сердце того старика стучит, как колокол, от радости, что милостив Удерживающий его душу в теле: не даст ему сгнить на чужбине. С петухами омывал старик руки, ополаскивал глаза, зажигал свечу и садился у порога, покрывшись с головой, как скорбящий, и оплакивал изгнание. Но как увидит свой жбан и зарубки на нем, сразу вспо-

минает, сколько серебра уже всыпал в кружку на дорожные расходы, и тут берет он жбан в руки и отбивает на нем песни и гимны, и упирает руку в бок и вскидывает плечо, и восклицает: сколько уже зарубок на жбане — две, три, сорок, пятьдесят, сто,— и пляшет от радости. И пляшет, не рассыпаясь мелким бисером и не пытаясь выше головы прыгнуть, но вокруг своих плеч, а плечи — вокруг него. И так он пляшет, пока не созовет служка людей на службу Творцу. И как услышит он голос служки, что зовет людей на службу Творцу, говорит он себе: пойду помолюсь,— и снижает голос, и стыдится своей радости в мире сем, и тут же встает и берет талит и тфилин. А талит — рвань одна, прямо сгнил от слез. Слава Богу, он восходит в Иерусалим, а там хоронят без талита. Завершил молитву; если день скоромный, макает ломоть хлеба в жидкую брагу и языком лижет прах, чтобы не прельститься плотскими утехами и не возжелать мяса и вина, и садится кислить уксус. Пять дней недели кислит уксус, а в сретенье субботы берет жбан и разносит по городу. Вернется из города — делит свой заработок: половину — на бранные нужды, а половину — на дорогу. И когда никто не видит, разрывает он пальцем паутину, затянувшую за неделю щелку кружки, что в руках Того Человека, и просовывает свое серебро в копилку. Прост был и не знал, для чего эта копилка служит. Просунет серебро — добавит зарубку на жбане для счета.

Так прошло несколько лет. Тело его согнулось в бараний рог, и кашель замучил. Уксус разъел его легкие и дышать не давал. Все больше постился он, и уж не осталось от него и плоти наполнить одежды. Но каждым субботним вечером добавляет он зарубку на жбане. И жбан уже лопается от зарубок. И уже говорит себе: настало время мне взойти на Землю Израиля,— когда просовывал я монеты в прошлую субботу, торчали уже монеты из кружки. Но

пока цел жбан, трудно с ним расстаться. Однажды разливал он уксус, и треснул жбан. Продал ли еще уксусу, не слышал я, но слышал, что пошел он к образу Того Человека и взял камень, чтобы разбить кружку и вынуть серебро. Слышал я, что в тот день пришли румские мнихи открыть кружку. Застали его у кружки с камнем в руках. Схватили и заперли в узыльнице, и весь город ходуном ходит. Одни говорят: испортился народ, недобрым промышляют, и доверять некому. Другие говорят: каково ремесло, таков и ремесленник. Вот уксус — вино, что стало мерзким, так и старик этот сделался злодеем. Те и эти прячут взоры в землю и горюют о позоре Израиля и приговаривают: о Уксус, сын Вина! Сидит старик в узыльнице, окованный железными оковами. Но руки его тонки, как тростник, и железо не жмет их. Когда Святой, да благословится Он, насылает кары на человека, смягчает Он удар, чтобы легче переносил муки. Сидит старик в узыльнице. Раз тряхнул оковами — разбежались полчища ползучей твари и нечисти. Побоялся и кости свои положить на пол. Уронил голову меж колен, как путник в коляске, и так сидел, пока не привели его пред судью. Сказал ему судья: признаешься, что собирался взломать кружку? Сказал ему старик: собирался я сломать кружку, затем что деньги... Не успел окончить, как рывкнул на него судья и сказал: обвиняемый признается, что собирался взломать кружку. Хотел старик объяснить ему, судье этому, что все судно делал, ибо деньги в кружке — его и не хватают человека за его же добро. Но так уж наказал нас Господь, что множащий правдивые речи мнится ложным показчиком. Кликнул судья показчиков — зашли мнихи и вынули свою веру из-за пазухи и поцеловали ее и побожились, что в такой-то день такого-то месяца в такой-то час подошли к такой-то кружке, дабы открыть ее, и нашли там еврея с камнем в руках, что собирался ее взломать. Сказал им судья, сказал сви-

детелям: признаете ли вы этого старика, что именно он намеревался взломать кружку? И они отвечают следом: свидетелями мы тому, что этот старик собирался взломать кружку. Стоит старик и недоумевает, почему эти достойные люди божатся, когда божиться не требуется. Тряхнул руками, и загремели оковы со страшным грохотом. Сказал ему судья: не хочешь ли ты сказать, что эти достойные показчики ложно показывают на тебя? Не дай Бог, и мысли такой у старика не было: ведь и впрямь собирался взломать копилку. С чего взял судья, что собирался он солгать? Но он не солжет, он хочет лишь получить свои же деньги. Руки и ноги его закованы в железные оковы, и что изо рта вылетит — ему же на беду вылетит, но глаза все еще во власти его. Возвел оба глаза свои, посмотрел на лица судьи и показчиков. Чудеса в решете, все говорят правду и судят по правде, а суда правого все нет. Глянул старик одним глазом на оковы, а другим глазом посмотрел поверх судейских голов. Глянул и увидел икону Того Человека — висит на стене суда — и воскликнул в сердце своем: еще и улыбаешься ты мне! Ударил руками по столу, и зазвучал звук оков от конца и до края суда. И закричал он: отпустите меня и верните мое серебро. Побили его и вернули в узилище.

Сидел старик на соломе и плакал: Владыка вселенной, ведомо Тебе, сколько лет я маялся на чужбине, сладкого куска не едал, бархатной одежды не нашивал, в каменных хоробах не жывал, и все годы мои протекли горьким уксусом, и все я принимал с любовью — лишь бы взойти на Твою Святую землю. А сейчас, когда пробил мне час взойти, пришли пленители и отняли мое серебро и заключили меня в узилище. И так сидел он и плакал, пока не задремал от слез. Как пробил полночь, пробудился. В узильнице нет мезузы и нет жбана. Стал греметь оковами в лад и напевать грустным голосом те песни да гимны, что обычен был петь по ночам,

и так пел и гремел, пока вновь не задремал. Открылась дверь узилища, и явился облик человека с каменной кружкой в руках и улыбкой на устах. Отвел старик от него глаза и попытался задремать. Поднял его Тот Человек на ноги и сказал ему: держись за меня, и отнесу тебя, куда хочешь. Поднял старик оба глаза на Того Человека и сказал ему: как мне за тебя держаться, ведь руки мои окованы железными оковами? Сказал ему: все равно. Простер старик руки и обнял ими шею Того Человека, и Тот Человек улыбнулся ему и сказал: сейчас я отнесу тебя в Страну Израиля. Обхватил старик шею Того Человека, и тот повернулся ликом к Иерусалиму. Пролетели они один перелет — и исчезла улыбка Того Человека. Пролетели второй перелет — и охладели руки старика. Вылетели в третий перелет — и почувал он, что обнимает лишь холодный камень. Оборвалось сердце его, и ослабли руки. Сорвался и упал на землю. Наутро вошли пленители и не нашли его.

В ту же ночь раздался стук в мицраше «Колель» в Иерусалиме. Вышли и увидели — ангелы летят из стран изгнания, несут образ человека. Взяли его и схоронили в ту же ночь, затем что не оставляют мертвых до утра в Иерусалиме.

В СЕРДЦЕВИНЕ
МОРЕЙ

ГЛАВА ПЕРВАЯ. ПЫЛЬ ДОРОГ

Прежде чем взошли первые хасиды на Землю Израиля, закатился в их мидраш человек один, Хананьей звать. Одежа на нем рваная, ноги обмотаны тряпками, а обутков и вовсе нет, и волосья на голове и в бороде покрыты пылью дорог, а все пожитки его увязаны в платок, а платок в руке. Сказал им Хананья, любезным нашим: Сыны Бога Живого, слышал я — собираетесь вы взойти на Землю Израиля. Просьба к вам — запишите и меня в ваши книги. Ответили ему: Кто возведет нас, возведет и тебя, записали его в свои списки и дали ему пристанище в мидраше. Он радовался им, что взойдет с ними; а они радовались ему, что он восполнит их число для молитвы.

Сказали ему любезные наши, сказали Хананье: видно, много дорог исходил ты. Сказал он: так оно, неблизок был мой путь. Сказали ему: где бывал? Сказал им: где был — там быльем поросло. Стали уговаривать его, слово за слово, пока не начал перечислять все свои странствия.

Сказал Хананья: сперва пошел я из своего града в град иной, а из того града — в град иной. Так шел я из града в град, пока не дошел до пределов другой земли, а там никому не дают пройти, если не дать царю тамошнему пошлины. Отобрали у меня все добро, раздели донага, ничего не оставили, кроме платка — прикрыться. Пожалели меня тамошние жители — дали мне все, чего мне не хватало, — тфилин и талит для молитвы. А в земле той все боль-

ше стужа правит, и в Пятидесятницу в конце мая дома стоят в снегу, а в Кущи в сентябре не удержишь в руке пальмовую ветвь от холода, а лимона, заповеданного в Кущи, у них нет, но общины делят между собой один лимон, каждой общине по кусочку, чтобы освежить память Божьего повеления. И встречают они субботу черным хлебом и провожают молоком, ибо нет у них ни чистых калачей, ни вина. А когда рассказал я им, куда путь держу, приняли меня за бахвала, потому что отродясь не слышали они, чтобы шел человек в Землю Израилеву. Да и сам я стал сомневаться уже — и впрямь в этом мире находится Земля Израильская, — пока не оставил я их и не ушел. Сказал я себе: лучше умереть в пути, чем отчаяться и утратить Страну Израиля. Не упомню, сколько шел и в каких местах проходил, пока не попал я в пещеру к разбойникам; взяли меня разбойники к себе, но и пальцем не тронули, только каждый раз, как уходили людей грабить, говорили мне: молись, мол, за нас, чтобы не попались. А сами они мужи добродетельные и милосердия исполнены, бедняку в час нужды помогут и в Творца веруют. А если поклянутся вечной жизнью, то хоть душу вынь — от слова своего не отступятся. И поначалу не были разбойниками, но вельможи, у которых они были в крепости, вынудили их оставить свои поля и покуситься на чужое добро. И заметил я, что один из них налагает тфилин, обознался и принял его за еврея, но на деле не еврей он: бывший ватаман — архистратиг татей — налагал тфилин, а когда его убили, то этот взял себе его тфилин. А убили ватамана так: доверял он татьбину на хранение одному попу гречкой веры. Раз отрекся поп от залога. Пригрозил ватаман, что сочтется с ним. Пошел поп и донес на него царю. Велел царь казнить ватамана. А когда повели его на казнь, сказали: открой, мол, нам, где твои товарищи скрываются, и помилуем. Сказал он: делайте свое дело. Затянули

вервие ему на шее и вытащили душу его. В час смерти сказал: жаль мне тебя, жenuшка, жаль мне вас, сынки, что оставил вас сиротами.

И сказал Хананья: однажды хотел тот разбойник с тфилин провести меня через одну пещеру глубокую прямо в Землю Израиля. Закралась мне дума в сердце: а что, если нет на то хотенья Божия — чтобы посаженным отцом на свадьбе моей с Землей Израиля стал разбойник. А раз закралась такая дума в сердце — не пошел я с ним, потому что была бы воля Божия, чтоб пошел я с ним, не вселил бы Он мне думу такую в сердце. Стыдно мне стало перед ним, что милостей его не принял, и ушел я в другое царство. А в том царстве все дни — будние, нет у них ни субботы, ни святого праздника. Сбился я со счету дней и зарекся больше двух тысяч пядей в день проходить — а вдруг суббота, а вдруг святой праздник. Однажды повстречался мне в пути пан. Говорит: куда, мол, путь держишь? Говорю ему — в город, мол. Приглашает он меня в свою карету. Увидел, что я медлю, и заорал на меня: «Шядай!» Это он по-ляшски говорил, по-ляшски шя дай значит с ади сь, а мне и невдомек было, думал, что он имя Всемилостивого имеет в виду — Ш а д д а й, что он меня именем Божиим зовет. Прыгнул я и уселся в карету.

А день тот — Судный День Йом Кипур был, а я и не знал, пока не приехали мы в город в час заключительной, последней молитвы Судного Дня. Вылетел я из кареты, сорвал с себя башмаки, кинулся в мидраш, бросился на землю и проплакал всю ночь и весь день назавтра. Услышал я — поминают Землю Израилеву, прислушался и услышал, что бучачане некие решили взойти на Землю Израиля.

Тотчас встал я и пошел к вам, а поелику босиком шел — опухли ноги мои и долгим стал путь.

Пошли и принесли ему башмаки, но не принял он. Сказали ему: семь заветов указал рабби Акива, и один из них — не оставляй ног без обуви. Сказал

Хананья: ноги мои, что святости Судного Дня не почували,— пусть пухнут. А когда рассказал Хананья все это, развязал платок и вынул оттуда Псалтирь и читал, пока не пришло время пополуденной молитвы. После молитвы взял свечу и вернулся к Псалтирю.

Увидел — лампада покрылась ржой, взял платок свой и завязал на нем узелок. Назавтра, когда вынул талит и тфилин из платка, сказал: зачем это я завязал узелок? К тому, что лампадка заржавела. Взял лампадку и все светильники мидраша, смешал песок с водой и уселся за печкой. Чистил их и тер, пока не заблестели, как новенькие. Поговаривали в тот день, что достойны светильники нашего мидраша, мол, сиять перед Тем, Кто сияет во Сионе. И еще одно сделал Хананья: прикрепил чашечки к лампадкам, потому что в царстве Исава, в странах эдомитян зажигают жировые свечи и вставляют в светильник, а в стране Серны, в земле Прелестной принято зажигать лампадки с маслом — наливают в чашечку масло и вставляют фитиль. Собрался и приделал чашечки к лампадкам, чтобы можно было наполнить их маслом. И не только светильники, но и ковшик и таз для омовения, и все причиндалы, и сосуды, где скрывается Дух Божий, — все он натер и начистил и придал сияние лику их. И даже рваные книги поправил — к новым дощечкам привязал и в отборную кожу переплел. Вчера были грязные и рваные, а сегодня полны ликования, как их приятие у горы Синой. Сказали ему: да ты никак лудильщик? Сказал им: не лудильщик я и не переплетчик, но как увижу вещь с изъяном — переполняется сердце мое жалости к ней. Говорю себе: эта вещь просит, чтобы ее починили,— и Всевышний говорит мне — делай так, или — делай этак. Так я и делаю. Сказали любезные наши: вот — человек простой, а какое слово ни обронит, есть в нем назидание другим. Такой человек — куда бы он ни закатился,— Господь его не оставит. Спросил

тут один у Хананьи: может, умеешь ты сделать сундук для пожитков? Сказал ему: может, умею. Сказал ему: а то мы отправляемся в долгий путь, вещи в дороге нам нужны. Может, сумеешь ты сделать нам сундук или ящик или короб какой? Сказал: можно попробовать. Сказал ему: а как пробуют?

Пошел он в лес, приволок оттуда бревен, распилил их на доски, и тесал их, и строгал их, и сколотил их вместе, и сделал из них сундук, и покрасил в красный цвет,— потому что идет вещам эта краска. Увидели другие этот сундук во всей красе его, попросили у Хананьи, чтобы он и им сделал сундуки. Отправился в лес, приволок бревен и сделал и им сундуки, так же, как сделал тому. И даже для свитка Торы сделал он ковчег, чтобы и его возвести на Землю Израильскую. И все сундуки сколотил он железными гвоздями, только ковчег скрепил деревянными клиньями, чтобы — если окажутся они, не дай Бог, в магнитных горах, что вытягивают железо из вещей,— ковчег бы не развалился. Всем путешественникам сделал Хананья сундуки в дорогу, а самому Хананье довольно платка-узелка.

ГЛАВА ВТОРАЯ. ЗВАННЫЕ ГОСТИ

Вот уже весенний месяц Адар к концу приходит. Облака, покрывающие лик солнца, убывают, а солнце все прибывает. Вчера было часом закатной молитвы, а сегодня стало часом пополуденной, в тот час, что вчера пробуждались, сегодня уже собираются на молитву. Снег растаял и сошел, деревья в поле почернели. Сегодня они черны, как земля, а завтра дадут ростки и украсятся, как горы Ливанские. Что ни день, появляется новая пташка и щебечет на крыше. Ходят сердечные наши и вопрошают: когда же дороги откроются для путешествия? Отро-

дьясь они не боялись смерти, как в эти дни. Сколько святости в Земле Израильской, хоть и в запустении они, и сколько сил телесных у человека, хотя бы и в годы его расцвета. Вот — собирался человек взойти на Землю Израильскую, а не взошел. И внезапно выскользнет душа из тела, и лежит он как камень бессловесный и никуда уже не едет, и где все его чаяния и надежды? Кто умеет читать Писание — читает Писание, кому под силу Мишна и Талмуд — изучает Талмуд, чтобы укрепить сердце словами Торы. Говорят — попусту потерял день, если не увидел человек лика солнца и луны. Хоть и мешали им дела денежные и продажа домов — освещены были дни сердечных наших сиянием Торы и молитвы.

Пасха миновала. Светило укрепилось на небо-своде, и лужи высохли. Болота — и те пересохли. Дороги просились в дело, и возницы пустились в путь. Кони ржут от конца и до края света, и колокольчики их звенят, а возницы щелкают вожжами и кричат: гей да вье!

Собрались пилигримы в своем мидраше.

Пришел р. Шломо-старший, Коген — семя Аарона-первосвященника, муж мудрых решений, что всю жизнь вел торг, а под конец оставил достояние мирское и решил сердцем взойти на Землю Израильскую. Говаривал р. Шломо: коль гневается царь на рабов своих, не дай им Бог бежать царского гнева, пусть стоят в царских вратах и горюют о своей доле и о царской немилости, пока не увидит царь кручины рабов своих и не сжалится над ними.

И пришел р. Алтер-резник, что передал свой нож зятю.

И с ним пришел шурина его р. Алтер-учитель, что всю жизнь сидел в шатре Торы и изучал с учениками Писание истоиво и дотошно. Однажды сидел он над трактатом «Венчание». Пришла ему мысль в голову, что Земля Израильская — как кольцо, которым жених — Всевышний — обручился с невестой —

Израилем, потеряется кольцо — и распадутся брачные узы. Понял он, что, куда обретается за пределами Земли Израильской, — не обретает покоя. Отложил он Талмуд, распустил учеников, продал дом и книги Мишны с Альфасиевыми толкованиями и записался в список пилигримов, идущих в Святую Землю.

Пришел и р. Песах, общинный казначей, что ехал с женой своей Цирль. Надеялся он, что по благодати Земли Израильской благословит их Господь детьми.

И пришел р. Иосеф Меир, что отослал жену домой, потому что не захотела поехать с ним в Землю Израила. Сказал ему отец ее: только соизволь принять мою дочь обратно и зажить с ней в Бучаче, как и прежде, — удвою вам приданое. Ответил он: другой суженой уже обещался я, не могу ее осрамить.

И пришел р. Моше, брат р. Гершума — мир праху его, — того самого Гершума, что отдал душу Господу, распевая стих: «Введи меня, царь, в чертоги свои».

От любви великой к Земле Израила оставил р. Моше двух дочерей своих и записал свое имя и имя жены своей в список пилигримов.

И пришел р. Иегуда Мендель, из последних учеников премудрого раввина Уриэля, — Господь да хранит душу его в сокровищнице Своей. Пока жив был р. Уриэль, стелилась полоска Земли Израильской вплоть до дома его, а когда умер — весь мир потерял цену в глазах р. Иегуды Менделя, пока не вселил Господь в его сердце мысль — взойти на Землю Израила.

И пришел еще один — имени не упомянем.

А еще пришел Лейбуш-мясник, которого извергнула потом Страна Израила, потому что худое говорил о ней. Говорил он: поглядите, какая это страна, — ничего в ней нет, только одна баранина.

И пришел р. Шмуэль Иосеф, сын р. Шалома

Мордхая Левита, блаженной памяти, что был превеликим знатоком сказаний Земли Израильской. Этими сказаниями украшают имя Всевышнего. И когда он начинал славословить Святую Землю, видели, будто Сокровенное и Тайное Имя Господа — Тетраграмматон — запечатлено у него на кончике языка.

А когда собрались все, стал Хананья в дверях, с платком-узелком в руках, а в нем — талит и тфилин его и прочие пожитки его, как у человека, готового немедля пуститься в путь.

В то время, когда мужчины сидели в мидраше, женщины собрались на женской половине: госпожа Милька, торговка жемчугом, что вступила во второй брак, чтобы супруг ее взошел с ней на Землю Израила, а он не захотел поехать, — и разошлась с ним.

А рядом с ней стояла ее родственница Фейга, вдова р. Юдея из Стрыя, мир праху его, — был он из рода владык и богачей, много золота посылавших беднякам Страны Израила.

А рядом с ней стояла Гинда, жена р. Алтеррезника.

А рядом с ней стояла Цирль, жена р. Песахакзначея.

А рядом с ней стояла Эстер, жена р. Шмуэля Иосефа, сына р. Шалома Мордхая Левита.

А рядом с ней стояла Сарра, жена р. Моше, внука р. Авигодора-старосты, да будет ему земля пухом.

А рядом с ней стояла Песиль, дочь р. Шломо Когена, что овдовела в то время и собралась следовать за отцом своим, чтобы приять страдания Земли Израильской.

Приподнялся р. Шломо Коген, встал на ноги, положил руки на стол, опустил глаза и сказал им: зачем вам ехать в Страну Израила? Неужто неведомо вам, что много лиха выпадает на долю странников, не говоря уж о скудости пищи, страхе злых зверей, о ворах, а на море и того хлеще. Ответствовали ему

сердечные наши: нет в нас страха. Если достойны мы перед Всевышним — приведет нас в Землю Израиля, а если мы, упаси Боже, недостойны того — то достойны мы всех бед, что свалятся на нас.

Что он сказал мужчинам, то сказал и женщинам. Как ему ответили мужчины, так ответили ему и женщины. Сказал р. Шломо: блаженны вы, что прилепились сердцем к Стране Израильской, ибо создана Страна Израиля лишь для народа Израиля и никто не остается навеки в Земле Израиля, кроме народа Израиля. И все сказанное было говорено, лишь чтобы умножить заслуги ваши.

Положил р. Алтер-резник руку на плечо р. Алтера-учителя, а р. Алтер-учитель положил руку на плечо р. Алтера-резника, и стали они плясать и распевать: «Кто даст с Сиона избавление Израилу? Когда возвратит Господь народ Свой из плена, возрадуется Иаков, возвеселится Израиль». Спросил р. Шмуэль Иосеф, сын р. Шалома Мордхая Левита, у р. Моше: может, ведомо тебе, на какой лад распевал брат твой покойный р. Гершом «Введи меня, царь, в чертоги свои»? Ответил тот: не принято у нас распевать на этот лад, потому что так брат мой оставил мир сей, но ведомо мне, на какой лад распевал он «Влеки меня за собою, вместе мы побежим». Хотите послушать — напою вам. Опустили собравшиеся головы долу, и завел р. Моше: «Влеки меня за собою, вместе мы побежим». Встал р. Иосеф Меир и сказал: дай Бог, чтоб сподобил нас спеть «Введи меня, царь, в чертоги свои» в Иерусалиме — святом граде. И ответили ему хором собравшиеся: аминь, и разошлись с миром по домам.

Когда вышли из мидраша, весь городок уже дремал. Дома прятались под покровом ночи, скрывались во мраке. Ночное светило еще не вошло на небосвод, и лишь звезды освещали верхушки гор. Бучач стоит на горе, и казалось, будто звезды привязаны к крышам его домов. Внезапно вышла луна и ос-

ветила весь город. Речка Стрипа, что раньше пряталась во мраке, заблестела внезапно серебром, и из водопоя на рынке восстала пара серебряных подсвечников.

Сказал один из них: сроду не знал я, что городок наш так прекрасен. Кажется мне, что во всем мире не сыщешь града краше нашего. И товарищ его ответил ему: воистину и у меня та же мысль сейчас появилась. Сказал р. Алтер-резник: любой город хорош, если живут в нем хорошие люди. И сказал р. Алтер-учитель: а сейчас хорошие люди едут в хорошее место.

И в то время сказала одна жена соседке: не знаю, что со мной творится. Лишь сказала я, что подобной ночи не видала в жизни, и сразу показалось — ан нет, была уже такая ночь в моей жизни, и даже те же слова, что слышала сейчас, слышала я раньше. Хоть и понимаю, что не так это, а сказать, что это не так, — не могу. Сказала ей соседка: может, когда-то уже восходили мы на Землю Израилеву и все, что мы сейчас видим и слышим, — уже видели и слышали раньше, другой ночью. Сказала та: если так — то почему мы здесь, а не в Стране Израиля? Сказала ей соседка: соседка, уже были там. Сказала ей соседка: если мы были там, почему же мы сейчас здесь? Сказала ей соседка: соседка, ты меня спрашиваешь, как это случилось, и я тебя спрошу, как это случилось, что изгнали нас из Страны Израиля и рассеяли меж народами. Сказала ей соседка: не понимаю, о чем ты толкуешь. Сказала ей соседка: соседка, да не ты ли мне сказала: чудится, мол, мне, что уже видала я такую ночь.

Подрядили они себе две повозки, длинные и высокие, покрытые сенью, как в праздник Кушей, всю утварь домов своих, кроме той, что годится в пути, превратили в золото, а золотые запрятали в торока. Набили сундуки ушатами, мисками, плоскими и ложками и вяленным мясом и сухарями, что от вре-

мени не портятся, и отправились просить разрешения и благословения у покойников.

Эти пошли на могилы отцов своих и близких, а те пошли к могилам праведников, столпов мира сего, что приняли на себя погребение вне Святой Земли, а вместе с ним — и муки перекатывания под землей по скрытым норам и пещерам до Иерусалима. А прияли они на себя муку эту, чтобы защитить мощами своими городок от гонений и казней. Зарыдали они, ударились в слезы, и пробудились души их — ибо мощи праведников пробуждают души к покаянию. И плакали они и рыдали, пока не вышли обратно к воротам кладбищенским, к воротам Дома жизни вечной. Повернули лица к могилам и посмотрели вновь. Тут пришел р. Авраам — обрезатель крайней плоти, тот самый р. Авраам, что приобщил почти весь город к завету праотца Авраама, мир праху его, взял нож для обрезания крайней плоти и провел им под ступнями каждого из них и сказал: сынки, вот, отрезаю я, чтоб не держал вас прах града сего. И под своими ногами тоже провел он лезвием ножа. Ударились тут все в слезы и вернулись по домам.

Обули ноги в здоровенные башмаки, в дорогу справленные, железными гвоздями подкованные — чтоб износу им не было, — и как шли они — грохот башмаков слышен был от конца и до края города. Так и говорят в Бучаче о крикунах — шумят, как будто в Святую Землю едут. И обошли они все дома собрания и молитвы и все улицы города. Шли они с Торой, молитвой и подаянием, чтоб не пришлось возвращаться, загладить вред али грех какой. И шли они из дома в дом прощаться с живыми. Спрашивали каждого: может, затаил ты на меня что? Может, должен я тебе? И открыли копилки для сбора пожертвований — называют их копилками р. Меирачудотворца — и увязали деньги в торока, чтоб отвезти их братьям нашим в Земле Израиля, и поцелова-

ли каждую мезузу, пока не пришли к речке Стрипе. А когда пришли к речке Стрипе, встали, попросили прощения у воды. Сказали: все реки текут в море, закликаем мы вас, воды реки Стрипы, не гневайтесь на нас в пути. А затем пошли в свой мидраш и там помолились. А затем сели в повозки — женщины в одну повозку, мужчины в другую повозку. Повозку, где мужчины, взял на себя сам возница, а повозку, где женщины, передал он в руки Хананье — сделал его подручным своим, как принято в извозе, — если есть две повозки, то доверяют одну из них какому-нибудь ездоку и платы за проезд с него не требуют.

Весь город вышел провожать их, кроме раввина. Сказал раввин: те, кто едет в Землю Израиля до прихода Мессии, напоминают мне мальчишек, что поперек жениха-невесты под брачный венец лезут.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ. ИСХОД

Вышли они из города и положились на коней. Опустили кони головы и понюхали дорогу, что выбрали для них. Сел возчик на одну повозку, а Хананья — на другую. Натянул возница вожжи, понукая коней, трягнули кони гривами и уже было пустились в путь, но трогаться временили — вдруг забыли что дома. Но так как слышны были только слезы прощания, махнули ногами и пошли. Взял Хананья кнут и щелкнул им над головами коней, повернули кони головы, посмотрели на него и поскакали. Женщины, что привычны были к поездкам на ярмарки, сказали: отродясь не видали мы такой ровной езды, как сегодня. Спросили женщины у Хананьи: да ты никак возчик? Сказал он: нет, не возчик я, но лошади — они лошади, и знают, что от них требуется. Сказал Хананье возчик: мне ты будешь рассказы-

вать, что ты не возчик. Да ведь по одному посвисту кнута слышно, что ты — возчик. Сказал ему Хананья: отродясь не правил я лошадьми в упряжке, только раз, когда видал — тонет человек в реке вместе с лошадьми, вытащил я их и отвез его домой.

Так они ехали около двух часов по лесам и полям и по селам, пока не приехали в святой град Язловиц. Свистнул извозчик коням и остановил упряжку, ибо договорено было сперва задержаться в Язловице, чтобы перед восхождением попрощаться с близкими. Во всем мире не найдешь городка ближе к Бучачу, чем Язловиц, прямо хвост в гриву стоят они рядышком, а мира между ними нет как нет. А дело в том, что, когда оставил старый раввин Бучач, прельстил глаза отцов города молодой зять его, язловицкий раввин. Пришли просить его править над ними, но не принял он. Сказал: неужто оставляю я свой Язловиц — городок маленький, где никто меня от науки не отвлекает, и пойду в великий град Бучач, полный мудрецов и купцов, что все время дергают своего раввина: те — своими заумными рассуждениями, а эти — своими торговыми промыслами. Что же сделали бучачане? Взяли упряжку коней, приехали к нему ночью, усадили его в повозку и умчали в Бучач. Не успело воссиять солнце нового дня, как засиял Бучач от сияния молодого раввина, а свет Язловица померк. И с тех пор, если забредет какой бучачанин в Язловиц, не миновать ему трепки, да и шапки на голове не сносить — в память того, что Бучач похитил венец с главы града Язловица. Но сейчас, когда покинули они Бучач и отправились в Страну Израиля, исчезла ненависть из сердец язловичан, мало того — весь город собрался в честь их и вышел встречать их водкой и пряниками, и вареньем всяким, и водой ключевой студеной. И даже иноверцы воздали им почести — в честь Страны Израиля. Не видали почестей таких в этих краях: прямо бросались пред ними в прах и целова-

ли край их одежд, и коням их засыпали овса — так любя была им Страна Израиля,— всем, кроме армян, что участия в этом не принимали, потому что армяне — Амалекова семени, а Амалек — ненавистник Израиля. А живут армяне эти повсюду и ведут торг с полуденными странами и привозят оттуда зелья духовитые, ароматы и пряности и теснят народ Израиля. А царство их — недалеко от реки Самбатсион, за которой живут десять колен Израиля, и ходят они войной на Даниила Угодника, что одним махом тыщу из них побивахом, а престол его в Армении в Курьекровице, а сам он царь великий и грозный, росту великаньего, и тридесять царей со единым платят ему дань, и обычай есть такой у этих армян: если кто ударит ближнего своего и убьет, платит в искупление 365 золотых динаров, по числу жил в теле, но с Израилем им не совладать, ибо сокрушил силу их Иисус Навин.

А когда отдышались сердечные с пути, вошли они в собор Бога Израиля, в тот самый собор, что дети малые в складках горы отыскивали и откопали, и блаженной памяти и блаженного имени Бешт прятался там на чердаке — Каббалу учил — и там же сподобился Успения, и там язычество поганое не вредит молитвам, и те прибывают в целости и сохранности в небесные Врата Милосердия. Помолились там сердечные, чтобы и им добраться в целости и сохранности и чтобы сонмы злых зверей и воров на суше и на море не вредили им. А затем вновь сели они в свои повозки, и весь город провожал их до самого субботнего предела — городской черты. И кто не видал, как язловичане жмут руки бучачан, сроду не видал братской любви Израиля. А пока взрослые обнимались, дети гладили и расчесывали хвосты лошадей, потому что до рук сидевших в повозке дотянуться не могли. Так и говорят в Язловице человеку мелкому, что старается присесть к великим: иди, мол, расчеши кобыле хвост.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ. ИСКУШЕНИЕ

Проехали спутники еще несколько часов и приехали в святой град Ягельницу, переночевали там, а наутро пустились в путь и доехали почти до самого града Лешковича — тот самый Лешкович, что нет равных его ярмарке во всем свете. Съезжаются туда из года в год сто тыщ купцов и ведут торг друг с другом. А тут как раз начиналась ярмарка, и встретились им на пути и торговцы, и телеги, нагруженные всякой всячиной, да так, что дорога прогибалась под ними.

Тут явился Лукавый, стал им на пути и говорит: куда, мол, вы едете? Сказали ему: в Землю Израильскую. Сказал им: а с чего вы там жить будете? Сказали ему: кто из нас каменные палаты продал, а у кого еще какие доходы есть. Сказал он им: неужто неведомо вам, что дорога худит суму? Сказали ему: вестимо, потому и отложено у нас и на ночлег в пути, и на уплату корабельщикам. Сказал он им: а кто за вас глотки граничной страже зальет, а кто за вас выкуп царю агарян заплатит?

Сказали ему: ну, а сколько он просит выкупа?

Сказал им: дай Бог, чтоб оставил вам чем разговеться. Если так — что делать? Заехать в Лешкович и набить себе суму. Блажен, кто живет в Стране Израильской и не просит куска хлеба у ее святых обшин. Сколько человек мучится, пока не придет в Лешкович, а вы уже оказались здесь — так неужто повернете прочь без всякой прибыли?

В то же время, когда Лукавый соблазнял мужчин, соблазнял он и женщин. Платки и платья и кофты показал им, пока не забилося у них ретивое, как обычно у женщин, если прельстятся какой одежкой. Сказал Лукавый женщинам: Ревекка, прама-

терь ваша, когда приехала в Землю Израильскую, что сделала? Сказано: и взяла Ревекка покрывало и укрылась им. Для чего укрылась? Чтобы покрасоваться, что есть у нее такое прелестное покрывало. А вы — собираетесь следовать по пятам праmaterей ваших, а примеру их не следуете. Может, до Лешковича далеко? Да нет, вот он у вас прямо перед носом, здесь чихнете, в Лешковиче крикнут — «здоровьичка!». Даже кони — и те тянут в Лешкович: скотина знает, какую дорогу выбрать.

Вытащил р. Шломо кисет, набил трубку тютюном, взял кремь, ударил им по кресалу, разжег табачные листья, прищурился и затянулся наспех, чтобы помочь себе собраться с мыслями. Увидел, что и кони сомневаются, хоть и не в обычае лошадином сомневаться: хотят тянуть в одну сторону, а тянут в другую. Толкнул он длинным чубуком своей трубки возчика и сказал ему: а ну, правь-ка ты в сторону Борщева. И пошпынял его, чтобы ехал быстрее, ибо идущие в Святую Землю как идущие на молитву. Следует им поспешать. Махнул возница кнутом, потянул вожжи, свистнул коням своим и повернул их в сторону Борщева. Опустили кони головы, вскинули круп, да так, что пыль из-под копыт взвилась к небу. Сразу исчезли телеги с товарами, и наполнилась земля вокруг хромыми да кривыми да всякого рода калеками и увечными, а в руках у них — восковые слепки рук да ног, ибо принято нести их на могилы святых, делать из них свечки, чтобы увидели святые увечья их и исцелили. Поняли сердечные, что искушение было лишь для того, чтобы задержать их и сбить с пути, чтобы пустились в промыслы заработать денег для лучшей жизни в Земле Израиля, а тем временем душу бы растратили в чужой стороне. К примеру, царь пригласил своих любимцев на пир. Умные поспешили прийти, ни о чем не заботясь, — не чаша ли полная царев дворец? А дураки решили повременить, сперва наестся до-

ма,—вдруг не накормит царь? И вот умные сидят вокруг царя, его снедь едят и его мед пьют и царя славят, а дураки сидят себе по домам, от своего винища хмелеют, одежды свои нарядные прахом пачкают и не могут предстать пред лик царский. Рад царь умным придворным, всем одарил их, превыше всех поставил, а на дураков разгневался, и попали они в опалу. Так и Царь Царей, Всевышний, приглашает любимцев своих в Страну Израиля. Умные приходят сразу и величают Имя Его Святое Торой, славословиями и гимнами. Рад им Пресвятой и всем одаряет, а дураки сидят себе по домам, ждут, пока наполнят карманы золотом, чтоб хватило на все их нужды в Земле Израильской, а в конце концов хмелеют они от своего винища — то есть от золота, и прахом пачкают одеяния свои — то есть тело их, что будет погребено в прахе изгнания.

И ответил р. Алтер-учитель: ненавижу я нечистую силу за то, что людей до греха доводит. И ответил р. Моше ему: заслуживает нечистая сила ненависти, но я ее не виню, ибо все мои заслуги перед Господом через нее приходят. Но злодеям и впрямь пристало ненавидеть нечистую силу, потому что она всегда доводит их до греха, а они — где уж там ненавидеть — бегут за ней, как за возлюбленной своей. Сказал р. Шломо: хорошо ты это сказал. И возчик сказал: в Святую Землю едут, а на тебе — Искусителя жалеют. Дивлюсь я — не возьмут ли и его с собой в Святую Землю. Сказал ему р. Лейбуш-мясник: ты за нас не бойся, ты знай гони лошадей, чтоб тебя Искуситель не догнал. Гневно глянул на него возчик и сказал: да неужто я могу их в два кнута погонять. Посмотрел р. Иегуда Мендель добрым взглядом на Лейбуша-мясника, любителя самого себя послушать, сунул руки в складки одежды, ибо день был уже на исходе и сила солнца слабела. Взял возчик вожжи в руки и погнал коней. Ехали они, ехали и приехали в деревню одну недалеко

от Борщева, где обычно путники останавливаются на ночлег. Кони сами свернули в постоялый двор и стали у ворот конюшни. Слез возчик с облучка, распряг лошадей, засыпал им овса и напоил, а Хананья помог сердечным нашим снять подушки и перины и прочие пожитки. Размяли странники косточки и вошли в корчму — дать покой телу и вознести пополуденную и закатную молитвы.

ГЛАВА ПЯТАЯ. СПУСК И ВОСХОЖДЕНИЕ

Увидел их корчмарь и изумился: весь свет едет вниз в Лешкович на ярмарку, а эти забрались сюда. Ответил ему р. Шломо: весь мир сейчас под знаком спуска, а мы под знаком восхождения. Добавил р. Алтер-учитель: весь свет едет вниз на ярмарку, а мы оставляем низины и ярмарки и восходим на Землю Израиля. Обрадовался им корчмарь, побегал и принес две бутылки горилки, чтоб сполоснули глотки от дорожной пыли. Спросили их: вам какого, сладкого или крепкого, что больше любите? Захлопал р. Моше в ладоши от радости и закричал: и сладкого и крепкого, и невдомек было корчмарю, что не вино он имел в виду, а Отца своего Небесного. Благословили Пославшего вино, выпили на долгую жизнь и вознесли молитвы: пополуденную и закатную, мужчины в доме, а женщины — в сенях. Сколько лет простоял дом сей, не слыша ответа «аминь» на молитвы корчмаря с женой, а сейчас раздается в нем молитва в собрании. Собирались было корчмарь с женой перебраться на жительство в город, потому что в городе, как ни восхвалишь Господа, обязательно найдется еврей и ответит: «Аминь». Однажды остановился у них один праведник и сказал им: почем вам известно, что Всевышне-

му позарез нужны ваши амины? Может, Ему как раз подавай стакан горилки да миску гречневой каши? Готов я вам поручиться — угощение, что вы ставите путникам, угоднее Ему, чем все гимны и славословия и хваления, что возносят Ему в городе. Так они и не переехали в город из-за слов того праведника, но старались угодить путникам едою и питьем.

А пока они стояли и молились, стояла корчмарка у печки и стряпала. Блаженна жена, которой привелось принимать таких гостей, даже огонь в очаге — и тот признал гостей. Не успели завершить молитву, как ужин оказался на столе: гречневая каша, сваренная на молоке, что надоили во время пополуденной молитвы. Сели всей компанией за стол, мужчины — сами по себе, женщины — сами по себе. И р. Шмуэль Иосеф, сын р. Шалома Мордхая Левита, устроил их трапезу сказаниями, в коих славилась Земля Израиля. Хоть опустошена она и разрушена, а по-прежнему полна святости, и пророк Илия блаженной памяти приносит каждодневные жертвы на жертвенник Храма: хоть и разрушен он и опустошен, по-прежнему полон святости. А за ним стоят во свидетельство Отцы мироздания и святые патриархи и пииты-псалмопевцы Еман, Асаф и Едутун. А из кож закланных жертв делает Илия свитки, а на них пишет заслуги Израиля.

А как поели и выпили и Бога поблагодарили, вытащили они книги из дорожных торб и сели учить Тору, а женщины вытащили спицы и нитки и сели вязать носки. Возчик выпустил коней на лужайку пасться, опутав им ноги, чтоб не ушли в лес диким зверям на поживу. А Хананья переложил солому, постеленную в повозках, и наладил скамейки, чтоб с утра не задерживаться. А затем уселся и он в повозке, вынул Псалтирь из узелка и стал читать в лунном свете. Пришли иноверцы из села и стали у дверей корчмы. Сняли шапки в честь гостей и сказали: гость в дом — Бог в дом. Сидели сердечные наши

молча и глядели на вошедших: росту они великаньего, а волосья черны как смола и сзади сыплются на плечи, а спереди надо лбом коротко стрижены и блестят, потому что гребней они не знают, а мажут себе голову свиным жиром, оттого волосья и блестят, а борода у них сбрита и усы с обеих сторон урезаны, а глаза у них потухшие от неволи, потому что крепостят их паны.

Встал главный из них, подошел к столу и сказал: плюньте нам в очи, паломники. Достала Милька медовых пряников, что запасла в дорогу, и наделила их. Поднесли они пряники к глазам и сказали: дар Божий, дар Божий, поцеловали их и спрятали за пазуху к сердцу поближе, попрощались себе и ушли.

Увидел р. Алтер-резник, что Лейбуш-мясник сидит в раздумье. Спросил его: ну, о чем ты призадумался? Сказал ему: иноверцы эти — нет у них ни доли, ни наследия в Земле Израиля — чем она им так полюбилась? Ответил ему р. Алтер-резник: из-за головы праотца их Исава, что похоронен в двойной пещере Махпела. Спросил тот, имя которого позабылось, у р. Иегуды Менделя, которого еще кличут р. Иегуда Мендель Угодник: почему сподобился Исав погребения головы его в двойной пещере? Ответил ему: дело в том, что Хушим, сын Дана, взял посох и ударил Исава по голове, да так, что слетела голова с плеч и упала в ноги Иакову, и похоронили ее заодно с ним. Сказал р. Алтер-учитель, шурин р. Алтера-резника: это — простое объяснение, но за ним кроется великая тайна и подлинная причина: сподобился этого Исав, потому что не покидал он Страны Израиля, даже когда Иаков уходил на чужбину, и зачлось ему это в заслугу. Убоялся Иаков, а вдруг этим Исав и семья его заслужили Землю Израиля. И тут пришло Слово Божие научить нас, что лишь один народ в Стране Израиля — народ Израиля, а не Исав и семья его. А может, Измаилу суждена эта страна? Так нет, сказано в Торе: «Не унаследует

сын невольницы вместе с сыном моим с Исааком». Сказал Всеблагой: любя мне Страна Израиля, и народ Израиля люб мне, введу-ка я народ, что люб мне, в страну, что любя мне.

Вынул р. Шломо свою длинную трубку, набил ее тютюном, свернул бумажку, зажег ее, раскурил трубку и затыкнулся, а затем посмотрел добрыми глазами на своих спутников, что сидят и о Божественном толкуют. Сколько забот уже выпало на их долю с тех пор, как вышли из родного города, а сколько забот еще ожидает их в пути. Возвел он очи горе и подумал: неведомо нам, что просить у Тебя, но делай нам то, что делал нам до сих пор.

Молча сидела хозяйка и смотрела перед собой: свеча горит на столе и звук Учения раздаётся в доме. Была корчма прежде пустынна без слов Писания, а сейчас голос Писания гремит и откликается в ней. Пока она сидела — влетела ночная бабочка, упала в огонь свечи и сгорела. Что жизнь — одно мгновение, совсем недавно была жива, совсем недавно порхала по всему дому, совсем недавно крутилась вокруг свечки и наконец попала в пламя и превратилась в уголек. Так и она — совсем недавно одарил ее Господь, совсем недавно зажег перед ней свет великий, совсем недавно уселась она в мире и спокойствии, слушая слова Бога Живого. А завтра — уйдут гости, и снова она останется без Писания, и без молитвы, и без жизни. Пока она сидела, задумавшись, пришло несколько иноверок, поклонились они земным поклоном пилигримам и высыпали из передников своих груду сосновых шишек — положить их под подушки путникам, идущим в Землю Израиля, чтобы усладить их сон благоуханием. Но сердечные наши не спешили почивать: сидели и толковали и повторяли слова Писания, а женщины сидели и вязали носки. Повернула Сарра голову к мужу своему, р. Моше, и увидела, что сидит он, подперев голову одной рукой, с книгой в другой руке. Вспомнились

ей две ее дочери, что остались в Бучаче, и подумалось ей: сейчас пришли домой их мужья ужинать, может, и они сготовили гречневую кашу с молоком и сейчас посыпают ее мелким сахаром, чтоб усладить ее во рту мужей своих. А те и не замечают женских хлопот, сидят себе с книгой за столом, как тесть, так и зятья. Пока она так сидела, задумавшись, толкнула ее соседка и сказала: посмотри только на Цирль, усталилась на Песаха, мужа своего, будто они одни на всем свете. Вздохнула Сарра и сказала: кто никого за собой не оставил — хоть и покинул родное место, все равно радостно ему. Долго ли, коротко сидели так сердечные, только пришел наконец возчик и сказал: дайте роздых косточкам своим, пока не побледнеют петушиные гребни и не придется вставать.

Хорошо спится путникам, а тем паче майской ночью в селе, когда весь мир безмолвствует, деревья и травы притихли, а скотина пасется на лужайке, не гневаясь на людское племя; легкий ветерок веет во дворе, шуршит на крыше и перекачивается по соломинкам, а те шепотом шелестят, убажывая сон людской и услаждая члены тела. Но сердечные не забывали, что сон дан человеку лишь для укрепления тела, чтобы вставал человек с новыми силами на службу Творцу. И не вышла еще третья стража, как встали они. А в этот час возвел Всевышний зарю, и звезды и планиды померкли. Облака порозовели и разошлись в разные стороны. Травы и кусты зашелестели, деревья заблестали от росы. Солнце собралось взойти, и птицы отряхнули крылышки и приготовили свою первую песню. Кони заржали и затопали копытами и замотали хвостами. Встали сердечные и помолились, и утреннего каравая отведали, и сели в повозки — мужчины в свою, женщины в свою, расстались с корчмой и пустились в путь.

ГЛАВА ШЕСТАЯ. ПО ЗЕМЛЯМ
ПОЛЬСКИМ И МОЛДАВСКИМ

Мало-помалу тянутся повозки, кони тонут во всяких травах, больших и малых. Дуют добрые ветры и пробуждают сердце, травы выходят пошуметь в поле, а о чем шумят — одному только Богу ведомо. Немало сел прячется в полях и виноградниках, леса тихи, и сияние солнечное покоится на реках и на берегах рек и озер, и белые облака провожают небесной стороной сердечных наших. Так они ехали землей Польской, пока не пересекли рубеж земли той у городка ли, местечка ли, по названию Окип. Переправились они без урону через Днестр и заночевали в Окипе. Из Окипа поехали в Хотин, что на правом берегу Днестра, а там Израиль владеет домами, сидит в тени державной, и легки ему муки изгнания, и ведет он свои промыслы и торги в почете да величии. А в час смуты народной вельможи прячут их по домам, а вреда им не чинят.

И передают от отца к сыну, что живут они там со времен Второго Храма, кроме тех евреев, что приехали из Польши. Когда набегали степняки, уводили с собой в полон на продажу в земли басурманские, а владыки Польши посылали туда евреев — выкупать пленных. Увидели евреи, что земля богата, народу мало, дешевизна такая, что по всему свету не сыщешь, и сыны Израиля сидят меж сынов Эдома, а страха эдомитян не знают, а платят подать малую царю, — взяли и поселились там. И даже нашли там в фортеции монету времен царей из дома Маккавеев, а на ней отчеканено: Иерусалим, и виноградная кисть, и лимон, и пальмовая ветвь.

И много в тех краях соломенных вдов, и некому разрешить их. У кого ушли мужья на промыслы

в страны Эдома или Измаила и не вернулись, а у кого — сгинули в пути, и где в землю легли — неведомо. Одна из этих соломенных вдов повстречалась любезным нашим в пути, и вот ее рассказ. Жила она с мужем в мире да согласии, родила ему сыновей и дочерей и ни разу не слыхала от него бранного слова, а занимался он конским торгом по доверенности для вельмож Эдомских, а вельможи доверяли ему деньги вперед, чтоб купил для них коней, и был он верен своему слову как в делах, что между человеком и ближним его, так и в делах, что между человеком и Престолом. Уехал однажды покупать коней, да еще с набитой мошной, и не вернулся. Ясно было, что убит в пути. Подняли евреи большой шум и вышли на поиски убиенного. Спрашивали путников и странников, не видали ли часом еврея такого и эдакого, по имени Зуша-лошадник, и отвечали: нет, не видали, но слыхали, что напали лихоимцы на еврея одного в пути, и, уж конечно, живым он от них не ушел. И наподобие этому сказала и иноверка одна, колдунья старая: напрасно, мол, шумят евреи, человек этот давно уже сгинул. И наподобие этому, лишь другими словами, выразился один иноверец-звездочет. Так сказал: евреи, как дети малые, — тратят плоть свою во имя охалки костей, а больше ничего не сказал, ибо в обычае звездочетов умалчивать то, что им не ведомо. А когда умолять его стали, чтоб пожалел женщину с детьми и слова свои разъяснил, сказал он лишь: евреи, как дети малые, — ищут на земле то, что лежит в земле. Был там старый судья, сказал судья: если на того еврея — ватамана разбойницкого, что повесили в украинской стороне, — намекал, мое вам слово, что не сыщите его. А почему стали подозревать, что вор тот был Зуша, — дело в том, что несколько лет до этого пришли евреи и рассказали, что видали его, — стоял он, как супостат у большой дороги. Сказали они ему: жена твоя и дети о тебе все глаза выплакали,

а ты... Не успели и слова сказать, как навалились на них разбойники. Сказал им Зуша: мол, земляки мои, и не причинили им вреда и отпустили их. Прослышали власти предержажшие, послали за ним вдогонку, да не поймали — ушел он в чужую сторону. Долго ли, коротко, прошел слух, что поймался архистратиг разбойницкий на украинской стороне и повесили его, и Имя Божие на поругание иноверцам вышло, потому что нашли у него тфилин и поняли, что еврей был. А с тех пор ничего о Зуше не слышали. И жена его брала детей на руки и ходила от одного праведника к другому и рыдала перед ними, и никто не дал ей ответа, чтоб от соломенного вдовства разрешить. И пришла она к рабби Меиру в Перемышляны. Сказал он ей: хочешь поплакать, иди туда, где Дунай и море плачут друг о друге, и плачь там. Меир слез не терпел. Поехала она с детьми на место, где Дунай впадает в море, искать там мужа.

Сидят себе женщины и вяжут, и слезы так и текут у них из глаз — о женщине этой, что осталась соломенной вдовой, и о муже ее, что умер в грехе и детей осиротил. Однако женщина эта не отчаялась найти своего мужа и все ищет его. Может ли такое быть, что Зуша, что жил со всеми в мире и согласии и верою-правдой торг вел — да ушел к ворам. Наверно, все это лишь пустой поклеп. Остановил возчик повозку и окликнул Хананью. Подошел Хананья. Спросил его возчик: слышал слова соломенной вдовы? Ответил ему Хананья, слышал, мол. Спросил его: а по-твоему, Хананья, кто был этот казненный вор? Отвечал Хананья: и я думаю, что был это не кто иной, как Зуша.

Солнце спускалось вниз да вниз по небосклону. Уронили женщины спицы и утерли слезы с глаз. Вынул Хананья платок и завязал на нем узелок-памятку. В безмолвии катились повозки вдоль реки, пока не доехали до Липкан и остановились там на

ночлег. Из Липкан повернули они на Редуцы, а там возчик снял зги с лошадиной упряжи, чтоб молодцы с большой дороги не услышали, и поехали они в Штефанешти, маленький городок на реке Баше, недалеко от реки Прут. А обитатели Штефанешти велики телом и малы ученостью, и «малая толика» снеди у них в добрые три пригоршни размером, сколько в ручищи влазит — это, по-ихнему, и есть «малая толика», а из Штефанешти поехали в Яссы и приехали туда с наступлением субботы, к сумеркам. А в Яссах — 22 больших Собора Израиля, не считая 120 мидрашей, молельных домов и собраний, но когда приехали в Яссы, то ни в одной из них не довелось им встретить субботу, а вместо этого помолвились они себе вдесятером на постоялом дворе, потому что не успели они приодеться, как освятилась суббота. Но назавтра поспешили и побежали в большой хоральный Собор, приодевшись в нарядные субботние одеяния и завернувшись в талиты. Не успели войти, как собравшиеся уже дошли до молитвы «Слушай, Израиль», ибо жители яские — из тех, что бочками запасаются по словам р. Элизера и поспедают с молитвами. И кто не видал Ясс в часы покоя, не знает, что такое тишь да гладь да Божья благодать. А живут там более двадцати тысяч из Израиля, что едят и пьют и веселятся и о грядущей жизни не пекутся, и для некоторых из них важней отведать сладких пряников в Пурим, чем причаститься сухой мацы — опресноков — на Пасху. И немало старались праведники сего поколения поднять их из праха и приобщить к жизни духовной. Короче, вошли сердечные наши посреди молитвы «Слушай, Израиль», когда ни переговариваться, ни здороваться не разрешается. Стали они себе в сторонке, и никто на них внимания не обратил. А когда настало время читать Тору, пригласил их вдруг староста к амвону: взойти к Торе. А приглашая к амвону, каждого из них он по имени назвал и по батюшке ве-

личал, кроме Хананьи, а того и вовсе не пригласил. Принято в мире: придет незнакомец, и захочет староста пригласить его к Торе — спросит, как его звать-величать, а затем пригласит взойти на амвон. А этот — пригласил их по имени-отчеству, даже и не спрашивая имен. И если он не пророк и не ангел, то, может, еще и почище ангела, потому что и ангелу приходится спрашивать человека, как того звать, как известно нам из случая с праотцем Иаковом, что ангел спросил его: «Как твое имя?» А после молитвы, когда принято собраться и благословить Дающего вино и преломить хлеб, устроил в их честь настоящий пир. А когда уселись они, принялся он расспрашивать об их делах и промыслах, и дивились они, откуда ему ведомо, что творится у них в доме и в городе. Однако, судя по тому, как он ел да пил, за святого его не примешь. Но как только скрылось вино, раскрылась тайна. Спросил он их: неужто не признали меня? Ответили они: не достойны мы чести такой. Сказал он им: Йоске-казака, что нанимался за шапку серебряных талеров в кесарево войско, помните? Как же, сказали, помним, как ублажали его всякими яствами, хотел изюма — дали ему, хотел унгарского вина — дали ему, хотел постель с перинами и подушками — постелили ему постель с перинами и подушками, а когда повели его отдавать на кесареву службу, попросил, чтоб удвоили плату его — и удвоили ему плату, а в конце концов сбежал. Спросил он их: куда же, по-вашему, сбежал — в рай, что ли? Ответили ему: по деяниям его не явствовало, что в раю ему самое место. Сказал он им: хотите увидеть его — подымите очи и поглядите на меня. Глянули на него — и признали.

И еще одну диковину выдали сердечные в Яссах: человека, у которого выросли волосы на ладони, потому что толковал раз народ о пришествии Мессии-Избавителя, простер он руку и сказал: раньше, мол, у меня на ладони волосы вырастут, чем Мессия при-

дет. Не успел он сказать этого, не успел убрать руку, как покрылась густой волосней. И с тех пор носит он на ней рукавицу, не снимая никогда, разве только чтобы показать людям, чтобы не отчаялись и не разуверились в грядущем избавлении. И пробовали уже озорники вырвать эти волосья, говоря, что он их клеем приклеил, да они вновь отрастали.

А в первый день по субботе выехали из Ясс и приехали в Васлуй, городок на речке Васлуй, что впадает в реку Берлад. А там торг великий медом и воском и пятьсот дворов живут с него вольготно. Переночевали там, а поутру поехали в святой град Берлад, что именуется по речке Берлад, а она протекает по городу. И два погоста в городе, один новый, а другой старый, где больше не хоронят, и он прямо посреди города, а там — могильные плиты погибших за веру Израиля, что смертью своей освятили имя Божие. Черны они, как сажа, и обращены к востоку.

Переночевали они там, а поутру поехали в Текуч — великий град, где народу на пять-шесть молитвенных собраний хватает. Переночевали там, а поутру поехали в Ивешти, а оттуда поехали в великий град Галац, что лежит на берегах реки Дунай, а оттуда уже идут ладьи в Черное море, в тот порт, откуда отчаливают корабли на Стамбул.

А пока ехали любезные наши по сей державе, тянулись повозки их гуськом меж сел, окруженных садами и виноградниками, и стада овец разбросаны по всей земле и пасутся в полях и пьют из корыт у колодцев, а пастухи сидят себе со свирелями в устах и наигрывают на приятный и грустный лад. И напев их — как напев молитвы «Вознеси мольбы наши», что говорят евреи в Судный День. Необрезанные эти, простые пастухи, чем заслужили они право сказать «Вознеси»? А это объяснил блаженно имени и блаженной памяти Бешт: что много, мол, бед обрушилось на народ сей, но от Господа своего

он не отрекся, и поэтому заслужил он право сказать стих, что святой народ Израиля говорит в святой день в святом месте перед Пресвятым — да святится Имя Его. Тянутся себе повозки гуськом, и кони ржут, задирая хвосты к небу, и из далей отвечают им невидимые кобылы, и они поводят ухом и оглядываются. И овец без счету идут гуртом и трутся друг о дружку, и шерсть у них колечками, и пастушок идет за ними со свистулькой во рту и посвистывает себе. И высокие горы вздымаются из земли то к востоку, то к западу, и воды сбегают с гор, города появляются и исчезают, и повсюду принимают сердечных наших с любовью — постель им постелена и стол им накрыт едою да питием: мамалыгой, тонущей в масле, и брынзой, и вином, а в путь провожает их певчий, распевая «Радостен исход ваш и т. д.».

День приезда в Галац обернулся для путников днем расставания. Путники собирались ждать ладьи, что доставит их к Черному морю, а возчик пошел искать себе других ездоков. Сидели сердечные себе на постоялом дворе и писали письма братьям своим, что остались в Бучаче. Было о чем писать, затем и писали. Запомнятся им добром перья галацкие, что не царапают бумаги и чернилами не брызгают, потому что гуси у них жирные, а значит, перо мягкое. Отправился возчик на базар и подрядил одну повозку купцам, едущим на ярмарку в Лешкович, потому что продолжалась ярмарка иногда до четырех недель, а иногда и дольше, а другую телегу нагрузил он овечьими шкурами — на продажу в Бучаче, уповая на Господа, что удастся продать их с прибылью. По дороге пришла ему дума и встревожила сердце. Подумал он: ну не дурак ли я — ездоки мои восходят на Святую Землю, а я возвращаюсь в Бучач и снова буду поить коней и задавать им овса и соломы; что делал вчера, то же делаю и сегодня, и так всю жизнь до самой кончины, пока не бросят меня

в землю, зубами кверху червям на съедение. Но стоит ли об этом задумываться, если б дано мне было взойти, а я отказался бы, тогда — другое дело, а так, вот р. Авраам — обрезатель крайней плоти, спору нет, достоин взойти на Землю Израильскую, а Господь не сподобил его — и не вошел, остался в Бучаче.

Солнце уже садилось, и отблески его окрасили восток. Красным сиянием покрылись верхушки гор, пока не скрылось солнце за краем тверди, а лик востока все еще алел, но затем потемнел, а горы скрылись во мраке. Но купол небесный все еще не чернел. Внезапно застыла земля, и в небесной выси появилась звезда, и две звезды, и три звезды. Вышла луна и осветила путь. Весь мир утих. Лишь стук смертоубийственных колодцев раздавался — обычай такой у местных жителей: если убьют человека, то роют колодец во искупление греха, а над ним ставят журавель, воду черпать, — махнули кони хвостами, и копыта их стали заплетаться. Глянул возчик и увидел, что сбились кони с дороги. Дернул он вожжами и закричал: ах вы скоты, куда это вы утянули меня, я вас живо научу уму-разуму. Опустили кони голову и пошли куда следовало. Собрал возчик вожжи в руку и снова призадумался — то о себе, то о Хананье. Хананья этот — вот увязал талит и тфилин в платок, обмотал ноги тряпицами и пошел себе в Святую Землю, а я возвращаюсь себе домой в Бучач. И почему это я возвращаюсь в Бучач, а не восхожу на Землю Израиля? Потому что я «не готов» в путь. А если придет Ангел Смерти по мою душу, неужто спросит, ну как ты, готов отправиться со мной? И пока так толковал возчик с самим собой, упала голова его на грудь, оглянулись на него кони и увидели, что вздремнул. Пошли себе своим путем, пока не остановились вдруг. Пробудился возчик, схватил кнут да ну хлестать их, пока бока лошадиные не вспотели, и орал на них: ах вы скоты, вечно тянете куда не

следует, ну уж постой, отлуплю я вас так, что то, что вы лошади, — и то забудете.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ. ВЕЛИКИЕ ВОДЫ

Пришли артельщики наши в Галац и уплатили подать салтану басурманскому и вошли в город. Нашли они там базар со всякой едой, питьем да снедью разной да плодами всяческими, такими, что и в трактате «Благословение плодов» не упомянуты. Запаслись они в путь провизией, хлебом и вином, и плодами, и прочими подбадривающими яствами. А обыватели галацкие явили милость свою и дали всяких снадобий, что возвращают душу в тело на море. Обрили они головы и вошли в баню. Омыла горячая вода усталость с тела, и стали они совсем как новенькие. А затем вышли и подрядили ладью и отплыли вниз по реке Дунаю, до места одного, Вилков именуемого, где оный Дунай впадает в Черное море, а оттуда плывут корабли в Царьград. Обождали там несколько дней, пока не утихнет гнев моря, чтоб можно было сесть на корабль.

Прибыли они в Вилков предвечернею порою, расположились на ночлег, вознесли пополуденную и закатную молитвы и сказали псалом Шестьдесят Восьмой, что начинается словами: «Спаси меня, Боже, ибо захлестывает вода душу мою», а кончается радостно: «Ибо спасет Бог Сион и любящие Имя Его поселятся на нем». А море все больше отмалчивалось, и воды стояли безмолвно, а люди вытащили подушки и перины и миски и ведра, а женщины собрали хворосту и стготовили ужин. И каждый день, пока были там, выходил Хананья вместе с женщинами и собирал смолистые ветки, что благоухают в костре и придают вкус вареву. Сидели на своих сундуках и трапезничали в свете луны. Деревья и кустарники

чудно пахнут, и ночь пробуждает приятные запахи, и волны перекатываются в море, и звезды и планеты светят сверху, а земля нашептывает снизу, ободряя их. Встали артельщики и постелили себе на земле и улеглись спать и возгласили: «Слушай, Израиль» — и за себя помолились Богу, чтоб спас и уберег от погубителя и нечистой силы, от злых духов, злых грехов и от злых снов, и вспомянули перед Богом, что они прах да пепел, мразь да червь, чтоб смилостивился над ними и простил все их прегрешения, как сказано: «Ибо Тебе — прощение».

Вдруг навалились на них комары, огромные, как лягушки, и ну кусать их, пока лица не распухли. Ночей хуже этих они не знавали — и сидеть нельзя, и лежать нельзя, и книгу читать нельзя: сидеть нельзя из-за комаров, лежать нельзя из-за нарывов, книгу читать нельзя, потому что комары застят свет. Однако добром помянется р. Шмуэль Иосеф, сын р. Шалома Мордхая Левита, что подсластил муки их былями и небылицами о стране сынов Моисея и четырех колен Израилевых, что лежит за рекой Самбатсион, а палаты у них из драгоценных камней и хрусталя, и свечей им по ночам не надобно, ибо камня в стенах сияют в семь свечей, а дней жизни их — двадесят и сто годов, и не доводится отцу хоронить сына или матери хоронить дочь, а число их — как сорок исходов из Египта, и весь тук земли — в руках их, за то, что учат они Писание Господне и Заветы Господни блюдут, и нет в их местах никакой нечисти: ни скотины нечистой, ни зверя нечистого, ни птицы нечистой, ни всякой мерзости ползучей или погани летучей: ни клопов, ни комаров. И каждый день слышат они: раздается глас с неба и провозглашает... и т. д. И ждут они, когда же наконец возвратит их Престол в Страну Обетованную.

Велики деяния Господни, блажен, кто возложит их на сердце свое и сумеет напомнить о них бли-

жним своим. Блажен р. Шмуэль Иосеф, что всегда готов перечислить все блага, какие оказывает Всевышний народу Израиля. И так каждую ночь, пока ждали они у моря погоды, утешал их р. Шмуэль Иосеф рассказами о чудесных избавлениях и спасениях Израиля — к примеру, деяния р. Гада, жителя иерусалимского, и деяния Малькиэля-богатыря, и сказ о письменах, что послали сыны Моисея жителям иерусалимским.

А как занялся день, предстало пред ними море — ударились женщины в слезы: ой, боязно нам пуститься в море, ой, боязно нам взойти на борт, потому что кто умрет на корабле — то не хоронят его, а привязывают к доске и бросают в море, и набегают разные рыбины, одна из них ступни ног обгложет, другая — нос откусит и губы, а под конец приплывает огромная рыба и глотает покойника вместе с доской, к которой он привязан. Или извергнет его тело море на берег и налетают всякие нечистые птицы — мерзость крылатая — и глаза его выклевывают и мясо с костей сдирают — так ли, эдак ли, худо человеку, если не хоронят его по Закону Израиля. Тут же порешили женщины вернуться в Бучач, и ну плакать и кричать, чтобы дали им мужья развод. Пошли в город спрашивать, где у них раввин. Но местные евреи не поняли, о чем они толкуют, потому что в тех местах нет у них раввинов, а вместо того мудрец — хахам — заседает и людям Святое Учение и благонравное поведение проповедует. Спросили женщины: а где у вас судья? Ответили им местные евреи: споров-раздоров у нас мало, и судить между нами нет надобности. Под конец нашли учителя Писания из немецких земель ЕИВ, что проживал в этом городе, и он отписал разводные письма для женщин. А как развелись — вспомнили о муках нор и пещер, и начался рев да стон. Простерлись они перед бывшими своими мужьями и рыдали, пока не устроили им обручение и венчание, как положено во

Израиле. Сказал р. Моше р. Иосефу Меиру: блажен ты, р. Иосеф Меир, что развелся с женой своей перед поездкой, и сейчас не приходится тебе заботиться ни о разводах, ни о венчаниях. Только соберется еврей собраться с мыслями, приготовиться в путь, чтобы со всем сердцем взойти на Землю Израильскую — тут на него женин гнев: дай мне развод, поведи меня под венец. Не хорошо быть человеку одному, но и с женой не лучше. Не то что, упаси Бог, я на свою скромницу жалуясь, но как только решит человек разобраться в Талмуде или просто призадумается о чем — откуда ни возьмись, появляется жена и начинает заводить беседы да заговаривать зубы, так время и уходит попусту. Вздохнул р. Иосеф Меир и промолчал в ответ. Сроду не думал он о жене своей, пока не приключилась поездка, и не развелся с ней, а как развелся — так и вовсе думать о ней перестал. Однако в этот день, когда бушевали женщины над морем, вспомнилась ему его бывшая жена. Подумал р. Иосеф Меир: завтра Всевышний пошлет ветер и я уплыву в Страну Израиля, а она, бедняга, остается в Изгнании.

Долго ли, коротко, утих гнев моря и воцарился мир меж великими водами. Вал, что грозил раньше: восстану и потоплю весь свет, — как дошел до берега — упал ничком и уполз обратно. Приказал кормчий поднять утварь и людей на борт. Взял каждый пожитки свои в руки и поднялся на борт, а жены взялись за полы мужей своих и взошли на борт вместе с ними. А как взошли все на борт — взяли корабельщики весла в руки — проложить путь в море. И кричали: «Ой!» и «Эй!», но не успели накричаться, как подул легкий ветер в паруса корабля, и корабль тронулся и пошел.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ. В МОРЕ

Вышла ладья на течение морское и поплыла себе полегоньку. Восстали любезные наши и вознесли молитву морскую и те восемь стихов, что сложил Иона во чреве кита, и пели на слезный и покаянный лад Псалом 107, в коем зрится благодать Господня и чудеса, Им творимые на суше и на море, ибо Он освобождает страждущих и собирает их со всех сторон света, и наставляет их на путь истинный, и насыщает души тянущихся к Нему, и наполняет их всеми благами. И хоть бы, не приведи Господь, оказались они у смертных врат — умчит Он их оттуда в милосердии Своем и от тревог избавит и в желанный край приведет. А потом рассказывают они о Его подвигах с ликованием. И если насупится на них море и пошлет бурный ветер, немедля Он умерит море и укротит волны, и они радостно возблагодарят Господа, и горние силы взирают на них, ведая, что во всем на свете видна благодать Господня, надо только посмотреть с умом, и тогда поймешь и возликуешь от благодати Господней.

А как завершили песнопение, уселись они на свои котомки, взяли книги в руки и читали из Торы, из Пророков и прочих книг Святого Писания. Если занесло человека в чужое место и попалась ему в руки какая вещь из дому — то-то он возвеселится, то-то радости будет ему с этой вещи, а тем паче если это книга, что каждый день читал и учил и штудировал. Сидит р. Моше и читает: «Земля сия очень, очень хороша... если Господь захочет нас, то приведет нас в землю сию и даст нам ее — эту землю, текущую молоком и медом...», а р. Иосеф Меир сидит себе и читает: «Оставил Я дом Мой, покинул удел Мой», и вместе они завершают: «Когда вернутся сыны Израиля, възыщут они Господа Бога своего и царя своего Давида и будут они в страхе Божьем благоговеть пред милостью Его в последние дни». А затем отло-

жили они книги, встали, обняли друг друга за плечи и запели: «Кто даст с Сиона избавление Израилю, когда возвратит Господь народ свой из плена, возрадуется Иаков, возвеселится Израиль».

Плывет себе ладья полегоньку, и хороший дух идет от моря. Воды идут своим путем, и волны живут в мире, не ссорясь. Разные белые птицы летают над кораблем, машут крыльями и кричат. Светило катится вниз с небосклона, и море чернеет, и Господь возводит луну и звезды и ставит их сиять с небосвода.

Глянул один из артельщиков и увидел: какой-то свет сияет в море. Спросил друга: братец, мол, не ведомо ли тебе, что это? Но не ведал тот. Спросил у друга, а друг — у дружки. Открыли глаза и посмотрели в море и подумали: если это — огонь преисподней, то почему нет дыма? А если это — зрачок Левиафана, то где же сам глаз? Сказал р. Алтер-учитель: наверно, нечистая сила. Сказал р. Шломо: пора вознести вечернюю молитву. Поспешили и встали к молитве, ибо никакой нечистой силе с целым собранием не совладать. А как встали к молитве, увидели, что одного человека до десяти — до молитвенного собрания — они не досчитываются. Этот самый Хананья, что мыкался с ними всю дорогу, исчез. Утром пошел на рынок купить себе съестного и не вернулся. Тут принялись они хлопать себя по башкам и кричать: ой, ой, так ли поступают со спутниками, лучшего из нас — да потеряли. Надо было нам идти и держаться друг за дружку и так вместе взойти на борт, а вместо этого каждый схватил свои пожитки, взбежал на борт и сказал: ныне отпускаеши, аминь. Сколько хлопот и забот избыл Хананья, пока не пришел в их края, полсвета обошел, и догола раздели его, и меж татями обретался, и, когда Суббота и Праздник Божий, позабыл, и в Судный День оскоромился, и босым по дорогам мыкался,

а как к ним пришел, так заботился о них неустанно, книги починил и лампадки приделал, и сундуки для пожитков сколотил, и мзды не взял, и всю возню с лошадьми на себя принял, и число их до полного молитвенного собрания восполнил, а сейчас — они взошли на корабль и отплыли в Землю Израиля, они тут — а он там. Стояли они так и горевали: был, мол, меж нами скромник, да и того лишились за грехи наши. Стояли они и молились поодиночке — так как на собрание их теперь не хватало — и, молясь, бились головой о борт, чтоб мысли смешались. Наконец разошлись они по местам и сели наземь, как скорбящие по покойнику.

Мгла сгущалась все более, но корабль шел своим путем. Корабельщики прикрепили паруса и сели за еду-питье. А любезные наши, напротив, сидели и ели себя поедом. Бог знает, где теперь Хананья, а вдруг он попал в полон, не дай Бог, и продали его в неволю. Крысы и крысенята шуршат в трюме и грызут провиант и снасти. Сон любую заботу может избыть, да разве можно уснуть, если один из артельщиков покинул артель и никому не ведомо, на жизнь или на погибель покинул. Сколько выпало Хананье мыкаться по дорогам, и перед бедой не дрогнул, и жизнь на кон ставил и телом не дорожил — и все, лишь бы увидеть Землю Израилеву, а как пришло время взойти, так в недобрый час не повезло ему, и не взошел.

А как наступила полночь, сели любезные наши на котомки свои и вознесли гимны да хвалу Имени Того, Кто обитает во Сионе. Звезды в тверди поменялись, и луна то выйдет, то спрячется. Воды текут своим путем, и корабль плывет себе, и глас несется ввысь: то глас хвалы и гимнов, что возносятся от тверди земной к тверди небесной и выше, вплоть до сапфирового подножья Престола, где переплетаются и собираются мольбы всего Израиля, а выше им

нет пути, пока не рассветет заря над Землею Израиля. А с другой стороны раздастся хвала Богу и из вод морских.

Воды бессловесные и безмолвные, как им хвалить Господа? А это голоса загубленных отроков, что бросились в море во дни оны. Когда Тит Злодей захватил Иерусалим, было с ним три тыщи ладей, и набил он их отроками иудейскими — увести их в полон. Но как вышли ладьи в море, сказали отроки: мало, что прогневили мы Господа в Его вотчине, сейчас велят нам гневить Его на чужбине, в землях эдомских, — и бросились в море. А Господь что сделал? Простер десницу и привел их на обширный остров, а на нем деревья плодоносящие, а вокруг волны чудного цвета, цвета лазури и акинфа и мрамора, видом подобны камням Храма; и трава благовонная, коей кадят во Храме, растет там, и кто увидит траву эту — так и бросает его то в смех, то в слезы; в слезы — потому что вспоминается вся сгинувшая слава Храма, а в смех — от радости, ибо суждено этой славе вернуться. А отроки те невинны попрежнему, и от зла ограждены, и ликом подобны лилиям и румянцем — розам, как те цветы, что упомянуты в притче о розовом саде Иерусалимском, и светоч лиц их — как сияние Утренней звезды, что возжигают серафимы, и морщин нет у них ни во лбу, ни на лице, лишь две бороздки под глазами, а по ним слезы текут и капают в море-окиян и остужают пламя геенны вокруг тех сынов Израиля, что хоть и взяли лихо на душу, но от Земли Израиля не отреклись. И никакому царю-воеводе они не служат, ни кесарю христианскому, ни салтану агарянскому, ни еще какому владыке из плоти и крови, но стоят они в тени Всевышнего, и кличут они его: Отче; а Он их зовет: дети мои; и каждый день поминают они всю славу Иерусалима и славу Храма Господня, и славу Первосвященников, и алтарь, и фимиам, и тук жертв, и хлеб приношения. И всякий раз, как вспомнит Го-

сподь о сынах своих, что рассеяны между народами, и нет у них ни Храма, ни жертвенника искупления, ни первосвященников, ни служителей Храма, ни царей, ни воевод — и сразу преисполняется он жалости и берет деток этих в руки и прижимает к сердцу и говорит им: сынки мои и дочки, помните ли вы славу Иерусалима и славу Израиля в те дни, когда стоял еще Храм и Израиль был во всей красе? И тотчас они рассказывают Ему, что видали во младенчестве, и ведут рассказ совсем как Даниил Прелестный или Ионафан, сын Узиила, только что Даниил и Ионафан говорили на языке Перевода, по-арамейски, значит, а эти говорят на святом языке Писания, на нем и сам Господь говорит. И пуще радости нет у Господа, как забавляться с этими детками, ибо слышит Он от них хвалу Дому своему — то есть Храму — и домочадцам своим — то есть Израилю, и говорит Он: Создал Я народ сей, пусть возвестят Мне хвалу; и говорит: утештесь, суждено Иерусалиму отстроиться, да еще в тыщу тыщ раз больше, чем был, и Храм будет простираться от конца и до края земли и крышей касаться светил небесных и даже колес Божьей колесницы, и Дух Божий осенит всех детей Израиля, и все дети Израиля вознесут хвалу Богу. И из года в год сидят отроки эти посреди моря и ждут неустанно Избавления, и как поплывет какой корабль в Землю Израиля — отроки враз идут за ним, ибо как заметят они корабль меж волн, так и говорят друг другу: настало время Возврата Изгнанников. И хватают они большие валы и садятся на них, как на коней, и скачут к ладье. И в скачке распевают они: «Из Башана верну изгнанников, из пучин морских верну», и глас их подобен звону золотых колокольчиков в полах ризы первосвященника, и мореходам знаком он. И слышали мы от верных людей, что плыли они раз по морю-окияну в Землю Израиля и раздался тут чудный глас. Хотели они было кинуться на голос в море, да привязали их ко-

рабельщики канатами, пока не отделилась ладья и не затих голос.

Луна закатилась, и звезды зашли, и планиды исчезли. В это время привел Господь рассвет — и озарил весь мир. А как рассвело — увидали сердечные наши очертания человека в море. Пригляделись и увидели, что борода у него окладистая, а по щекам — пейсы, и книга в руках, а под ним разостлан платочек, и сидит он себе на нем, как ни в чем не бывало. И вал морской не торопится потопить его, и гад морской не норовит пожрать. А что иноплеменики говорили, увидав, что плывет себе человек в море на разостланном платочке? Одни говорили: чудится такое путникам в морях да пустынях, а другие говорили: прокляли его, вот и нет ему покоя на свете, так и носит его с места на место, вчера видали его на суше, а сегодня — на море. Из семи десятков народов и языков были на этой ладье, и все расшумелись и испугались, увидев эти очертания. Так они и стояли — Израиль сам по себе и прочие народы мира сами по себе — и смотрели на чудо это, пока ресницы их не опалило солнце. Сказал р. Шмуэль Иосеф, сын р. Шалома Мордхая Левита: это Дух Божий возвращается с Израилем в чертоги Свои. Зарыдал р. Моше и сказал: «Тайны Божьи — страшшимся Его, и завет Его — в оповещение им».

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ. ТАЙНЫ МИРОЗДАНИЯ

Плывет себе корабль путем своим, и чудный запах встает из вод морских. Легкие облака плывут по небу, и волны целуются в море. Воздух на свете влажен и на вкус подобен соли. Рыбы высовывают рты и веселят народ, и птица-легица, что летает туда-сюда и людского ига не принимает и с людьми не водится

и от милостей их не кормится, порхает себе в воздухе и машет крыльями неподалеку от того образа в море. Волны набегают и катятся, а корабль идет себе полегоньку и ездовых своих не беспокоит. Сидят себе любезные наши, кто толкует о новых душах, что получают святые силы Израиля, когда вступают в Святую Землю, а кто ломает голову над тайнами мироздания, например вот, почему Земля Израиля дана была сперва ханаанеянам, ведь уготована она была Израилю? А затем чтоб показать грядущим поколениям, что хоть и правят иные народы в Земле Израиля, а народ Израиля предан в руки их, в руки Синахериба и во власть Навуходоносора и под иго Тита Злодея — а все же не удерживаются народы эти в Земле Израиля, теснят оттуда друг дружку, и лишь разрушить успеют, как уже изгоняют их другие; но Израиль поселился там навеки. И наподобие этому знаем мы из Писания, что дал Господь Вирсавию, она же Бат-Шева, сперва в жены Урии Хеттеянину, хоть и была она суждена царю Давиду еще с шести дней Творения, и вот — Урия умер бездетным, а Давид сподобился, и вышли из чресел его многие цари и вожди Израиля.

Прощается солнце и уходит восвояси, чтоб уступить место луне и звездам. Выходят звезды и планеты и стоят в небесах, и свет их отражается в волнах, и сладкий голос раздастся из моря, подобный пению гимнов и псалмов. Сказал один: братец, слышишь голос? Что это? Ответил ему тот: братец, это рыбы в море хвалят Господа, а из трактата «Гимны» ведомо нам, что поют рыбы, и поют они стих «Глас Господа над водами». Сказал ему тот: нет, я точно слышал, что раздастся стих «Помощь моя от Господа, создавшего небо и землю». Сказал ему тот: этот стих птица-летица говорит, как учит нас трактат «Гимны», поет птица-летица: «Помощь мне от Господа, создавшего небо и землю». Сказали любезные наши: и мы споем гимн. И запел один: «На ма-

лое время Я тебя оставил, но с великой милостью к Себе соберу». А товарищи его подхватили хором: «И выкупленные пленники вернутся и в радости воступят во Сион».

Чудный дар есть у Господа, и это — суббота, и дана она от любви Его великой и жалости к Израилю. Таково величие субботы, что даже простому люду сверкает ее святость, ибо, когда приходит суббота, сияет светоч Господень, и в том сиянии горнем все сверкают и стремятся приобщиться к его святости. Если так обстоит дело с простым людом, что уж говорить о хасидах и людях Дела Господня, что о себе не пекутся, но лишь порадовать Господа стремятся.

С самого утра Шестого дня Деяния воспрянули сердечные наши и стали готовиться к сретению субботы. Зарезал р. Алтер-резник курицу в честь субботы и сжег лоскут и пеплом покрыл кровь. Фейга развела огонь и сварила курицу, и прочие женщины стали готовить еду на субботу. Прошел мимо них главный корабельщик и глянул по-доброму. Увидели это корабельщики и принесли им рыб, что выудили из моря, и научили их печь хлеба, как пекут их в Стране Прелестной, где рассыпают уголья по земле и на них выливают тесто, и так сподобились женщины исполнить заповедь отделения теста на Храм и испекли хлеба и на вечернюю трапезу, и на завтрашний день, и на третью трапезу, что едят перед исходом субботы. И еще до полудня все было уже готово к сретению субботы.

Поспешили сердечные и умыли лица и руки в теплой воде и постригли ногти, и переменяли одежды, и облачились в нарядные одеяния в честь субботы, одеяния исподние и облачения наружные, и пояс и накидка сверху. Сели они в сторонку и взвесили все дела свои, совершенные за шесть дней деяния, и призадумались о непостижимости путей Господних, что возвысил их из всех обитате-

лей Бучача и дал им силу и мужество покинуть обжитые места и пуститься верной дорогой в Землю Израиля. Но по ком болело у них сердце, так это по Хананье, что все время был с ними и принял на себя всякие тяготы и мучения, лишь бы взойти на Землю Израиля, а как настало время подняться на борт корабля, так в недобрый час не повезло ему и остался в чужелюдных странах. Неужто все еще гневается на него Господь за то, что потерял счет субботам и Судного Дня не признал, и не хочет впустить его в Свою вотчину, или есть в этом иной умысел, которого нам не понять. И тут вселился великий страх в сердца сердечных наших, и поняли они, что не в заслугу за праведность, а лишь по милосердию Господню дано им было пуститься в Святую Землю. И порешили они исправить все недоброе, что совершили делом, словом или помыслом, чтоб, не дай Бог, ничто не отвратило бы Горнего Хранителя от решения ввести их в Землю Израиля. И поклялись они возвысить всякие уделы души своей и придать ей силы. Так сидели сердечные, каждый сам по себе и с каждым — Господь, пока не пробудилась душа их в восхищении и как бы новое дыхание духовное пришло к ним. Открыли они Пятикнижие и прочли очередную главу, что положено было читать в эту субботу, два раза прочли на святом языке Писания и один раз в арамейском переводе и затем толкование Раши и Песнь Песней; а женщины вынули из котомок книгу «Огонь Свеч Субботних и Зерцало Премудрости для дочерей Израиля» с объяснениями Закона Божьего для женщин и неучей.

Солнце спускалось в море очиститься омовением пред субботой, однако не спешило: пока не встретили субботу в юдоли, не встречают ее и в выси. Потопились женщины и сняли варево с угольев, и накрыли на стол, поставили вино и хлеб и зажгли свечи. Покрылось солнце многосветным покрывалом

и ушло в Чертоги Отдохновения, встречать субботу в кругу небесной свиты.

Встали сердечные и вознесли пополуденную молитву и сказали 18 Благодарений и Благословений. Кто вознес Благодарение с намерением и чувством, тот постиг, сколько благодати и милосердия оказывает Господь всем сынам Адама, а особенно знают это мореходы в море, что воочию зрят деяния и чудеса Божьи. Кто вознес 18 восклицаний с намерением и тщанием — и меж ними стих «И в милости своей вернись в Иерусалим», — тот наверняка духом приблизился к Иерусалиму, а особенно мореплаватели, ибо, пока произносят они слова эти, Господь движет челн их и приближает к Иерусалиму.

А так как завершились 6 дней Деяния и будни окончились, запели сердечные наши Гимн Субботного дня. И весь мир заблестал сиянием венцов, что к сретению субботы возвращает Моисей народу своему, а лишились их сыны Израиля, когда согрешили и поклонились золотому тельцу вместо Единого Бога. А как завершили они вечернюю молитву, освятили вино и преломили хлеб, и ели и пели, пока свет свеч не померк, а свет звезд не умножился. Плоть и кровь зажигает свечу — то ли разгорится, то ли нет, да хоть и разгорится, так потом погаснет, а Господь сколько свеч зажег в небе — и ни одна не гаснет.

Хороша суббота тем, что дает покой телу. Но еще лучше суббота на корабле, ибо там и в будние дни человек не трудится, и покой субботний приходит не от усталости, а лишь в честь субботы.

Сидели сердечные, руки в рукава, и смотрели себе в море. Сидит человек неподвижно — уже большое достоинство, ибо не грешит; а если при этом он еще сидит на корабле, плывущем в Святую Землю, то не просто не грешит, а напротив, доброе деяние и Божий Завет исполняет, ибо восходит он на Землю

Израиля, а она стоит всех добрых деяний, заслуг и заветов.

Все заповеди и заветы касаются лишь частей тела: тфилин — руки и головы, малый талит — покрывало с кистями — сердца, и только днем, а ночью не обязательно, и только мужчинам, а женщинам не надо. Кущи заповеданы лишь в свой праздник только мужчинам, а женщинам — не надо.

Опресноки — маца — заповеданы только на Пасху, и то лишь в первый вечер. А умрет человек — и вовсе от заповедей освобождается.

Но бытование в Земле Израиля касается всего тела, касается и мужчин, и женщин, и детей, выполняется и днем, и ночью, и конца ему нет во веки веков, ибо умирает человек и хоронят его в Святой Земле и Земля искупает его грехи, ибо сказано: «Земля Народа Его Искуплень». И стоит Земля Израиля всех заветов и заповедей, и поэтому едва соберется еврей в Святую Землю, Лукавый тут как тут — стоит на пути и не пускает его.

Сказал р. Алтер-учитель: как собрался я в Землю Израиля, встретил меня Искуситель и спросил: куда ты путь держишь? Сказал я ему: в Землю Израильскую. Говорит он мне: а я, мол, вернулся с полпути из-за муравьев проклятых, что каждый кусок хлеба на корабле облепили. Сказал я ему: напротив, стоит нам поучиться у муравьев, как сказано в Притчах: «Пойди, лентяй, к муравью, учись его повадкам и набирайся ума». Муравей — самая мелкая из Божьих тварей, а летом запасается хлебом впрок: сын Израиля тем более должен впрок запастись.

И вторил ему р. Моше и сказал: как сел я в повозку, отправляясь в Святую Землю, встретил меня Лукавый и спросил: куда ты идешь? Сказал я ему: в Землю Израиля. Сказал он мне: сиди-ка ты лучше спокойно и служи Господу, как прочие хозяева, пока не настанет и твой черед взойти вместе со всем народом Израиля.

Сказал я ему: а когда я дом продавал, не ты ли мне нашептывал: запрашивай, мол, побольше, ты, мол, в Святую Землю едешь, а сейчас, когда я дом продал, ты хочешь мне отсоветовать ехать. Нет, нечего мне тебя слушать.

Вторя ему, сказал р. Моше: как сел я в повозку, чтоб ехать в Святую Землю, подошел ко мне Смутитель и говорит: старик, в твои-то лета хочешь еще пуститься в разъезды и промотать все заработанное в поте лица. Сказал я ему: расчетлив ты, но и я умею счесть прибыли и убытки от исполнения заповеди.

Вторя ему, сказал р. Шмуэль Иосеф, сын р. Шалома Мордхая Левита: как собрался я в Святую Землю, подошел ко мне Совратитель и спросил: куда это ты собрался? Сказал я ему: в Землю Израиля. Говорит он мне: зачем тебе туда стремиться, много дополнительных заповедей нужно исполнять еврею в Земле Израиля. Неужто ты уже все заповеди здесь исполнил, что в Святую Землю понадобилось? Готов я побиться об заклад, тебе еще осталось немало заповедей исполнить и вне ее. Сказал я ему: да не ты ли, мол, приходил как-то к одному праведнику и просил его: «Исполни, мол, все заповеди и заветы, только такой-то заповеди не исполний»? Помнишь, какой ответ он тебе дал, праведник этот? Сказал он: раз ты просишь, то я все заветы нарушу, лишь бы эту заповедь исполнить, как положено. И вмиг оставил меня Совратитель.

Сказал р. Иегуда Мендель Угодник: со мной Нечистому не пришлось долго возиться, потому что мы с ним живем, как соседи добрые. Как пришло мне в голову взойти на Землю Израиля, сказал я себе: чего это люди боятся взойти на Землю Израиля? Неужто нечего там есть-пить, неужто там люди не как мы? Так нет, кто живет тут, может жить и там, ведь не ангелам небесным дана Земля Израиля в вотчину, а нам, грешным. Раз так, то почему бы

и мне не поехать? Как услышал это Нечистый, так сразу и отстал от меня.

Сказал р. Песах-казначей: именно это и я сказал жене своей, Цирль. Сказал я ей: ты что думаешь, Цирль, что в Земле Израиля только руины да кущи? Ан нет, и там дома стоят, и там не на святой воде кашу варят. Сказал Лейбуш-мясник: если так, то почему носятся с этой Землей Израиля, как дурни с писаной торбой? Сказал р. Алтер-резник: чтоб в домах тех не грешили. Вздохнул р. Иосеф Меир и сказал: хулой обернулось бы дело, коль дома те были — лишь то, что око видит.

И снова сидели сердечные и толковали о Лукавом, что старается отговорить сынов Израиля от поездки в Святую Землю, потому что вступивший на Землю Израиля получает новую душу. Блажен, кто взошел и сподобился жить в Святой Земле, горе тому, кто взошел, но не сподобился, ибо вокруг Земли Израиля стоят ангелы и не пускают недостойных, как рассказал нам р. Шмуэль Иосеф, сын р. Шалом Мордхая Левита. Речь идет о двух старцах, что ехали-ехали и доехали до границы Земли Израильской. В ночи услышали жители радостный возглас с одной стороны и горестный — с другой. Глянули и увидели: стоит собрание ангелов с арфами и гусями и вводят одного старца в Страну Израиля с превеликими почестями и гимны пред ним поют, а далее шайка бесов тащит с позором другого старца. Спросили их: Бога ради, почему вы этому дудите, а этого — срамите? Ответило собрание ангелов: этот сподобился взойти на Святую Землю, вот мы и провожаем его туда, ликуя. Ответила шайка бесов: а этот не сподобился взойти, а взошел, вот мы и выкидываем его оттуда.

Спросил р. Моше у р. Шмуэля Иосефа, сына р. Шалом Мордхая Левита: может, ведомо тебе, почему не сподобился р. Авраам — обрезатель крайней плоти поехать с нами в Святую Землю? Ведь

он — человек достойный и богобоязненный и добродей, и заветы исполняет, особенно завет обрезания, через который и Земля Израиля была нам завещана. Сказал р. Шмуэль Иосеф, сын р. Шалома Мордхая Левита: за то, что самого праотца Авраама утрудил и понудил Страну Израиля покинуть, за то и наказан, потому и нет ему удела в Земле Израиля. А дело было так: однажды разгулялись школяры в городке, и весь Израиль попрятался по домам и погребам, а р. Авраам пошел совершить обрезание, отец же младенца был убит при этом буйстве. Пришел р. Авраам, но не нашел ни стула — присесть, ни мужа — младенца подержать. Сказал: да неужто я могу и обрезать и держать младенца? Глянул в окно и видит: идет по улице старик со скамеечкой в руках. Постучал он ему по стеклу и поманил пальцем. Вошел старик, уселся на скамеечку и положил младенца себе на колени. Обрезал р. Авраам младенца и благословил Возлюбившего дитя еще во чреве матери. А после благословения старик исчез. И все были уверены, что Илия — ангел Завета явился ему, а на самом деле это был праотец Авраам, что явил ласку потомку, вступающему в завет его.

Все семь небес омрачились, и луна и звезды укрылись. Воздух на свете мокрый, и вкус его как вкус соли. Весь мир безмолвствует, кроме морских волн, что целуются себе во мраке. Встали артельщики и пошли почивать. Луна закатывается, и звезды заходят, и планиды уходят себе.

Плывет себе ладья, а Господь расстилает тьму перед светом и свет передо тьмой и наводит ветер и движет ладью. С каждым днем светило крепчает, так что глазу больно, а ночью каждая звезда сияет, как месяц, и волны морские плещутся и бьются, и искорки-светлячки блестят в них, а на них парит платочек, как ладья среди морей, а на платочке сидит человек, и лик его обращен к Востоку. И вал морской не топит его, и гад морской не норовит

пожрать, и птица-летица летает и порхает и кружится над ним.

Сколько дней уже плывут они на корабле, легко понять: перед выходом в море побрили головы, а сейчас при молитве чубы тфилин покрывают, но как ни глянут они в море — видят огоньки в воде, а на них плывет платочек, как ладья среди морей, а на платке сидит человек, и лик его обращен к Востоку.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ. СТАМБУЛ

Долго ли, коротко, приплыла ладья в Царьград Великий, он же Константинополь, он же Стамбул. Наняли там малый челн и вошли в город — ждать там большого корабля, идущего в Землю Израиля. А корабль этот подряжает стамбульская община, чтобы каждый сфарадийский еврей — богобоязненный и с достатком — мог бы взойти на Святую Землю, броситься в прах перед могилами праотцев или обосноваться там. А Стамбул — град великий, во всем свете нет ему равных, и дворцов и палат там без счету, и живут там дети всех племен и народов, а правит ими салтан басурманский, возлежит он на ложе слоновой кости, что сон наводит, и одни говорят, что спит он по полгода кряду, а другие говорят, что спит он весь год подряд. А пред ним — табакерка душистого табаку, а на ней сидит Золотой Петушок, и как наступит время пробуждения, открывает Золотой Петушок табакерку, подносит табак к его салтанским ноздрям, он чихнет, а Петушок ответит: «Будь здоров». Тут же прибегают все визири и паши и вельможи и осведомляются о здравии салтана. А окружают его 365 визирей, по числу дней года, на каждый день по визирю. И как визирь кончает свою службу, получает от салтана золотой снурок и понимает, что настало ему время попрощаться с белым

светом, идет домой и удавливается, а салтан смотрит из окна и видит это и хлопает в ладоши и радуется. И часы висят во дворце салтана, из человеческих костей сделаны, и бой их слышен от конца и до края города, и даже плод в чреве матери содрогается от этого звука. И много там садов и виноградников, и бань и домов неги, один краше другого, внутри — красны, снаружи — грязны. И бродячим псам там числа нет, во всем мире нет стольких бездомных собак, как в Стамбуле. И стервятники расхаживают по городу в свое удовольствие и кормятся помоями и мертвечиной. А крысы там размером с гуся и живут повсюду, даже во дворцах вельмож. И пожары там часты — как займется один дом, так вся улица сгорает, потому что дома там из дерева, и иногда 300 домов сгорит, а иногда 400, а иногда и того больше. А пожаров они не тушат, а вместо этого стоят кругом стражники и кричат: нет Бога, кроме Бога, и Магомет — пророк Его. И соборов Израильских в Стамбуле немало — сотня, а может, и больше, парчой да коврами устланы, аксамитом убраны, и восседают там хахамы — великие мудрецы, и учат Явному и Тайному, тому, что видит глаз в Горе Божьей, и тому, что не видит. И много книг есть у них — блажен глаз, узревший сие, — и даже свиток «Прелесть Жизни» есть у них, а это — великое диво и редкость, как ведомо сведущим. И есть у них разрешение судить и рядить от властей салтана, а языка нашего они не понимают, и говорить с ними приходится на святом языке. И помыслы их чисты, и одеяния их чисты, и речь их приятна, а манеры привольны, и облик — как у сынов царских. И обычаи у них ненашенские, тфилин они налагают сидя, как учит «Дом Иосифа», а некоторые налагают оба тфилин одновременно. И суемудрых споров не любят, но главная сила их — в ведении. А в сердцах их бушует любовь к Стране Израила, и когда отправляются в паломничество в Страну Израила, берут

с собой ковры, на которых учили Тору, и в праздник Костров — Лаг баОмер — зажигают их на могиле р. Шимона Бар Иохая.

Есть в Стамбуле и караимы, что не верят Талмуду, учению мудрецов наших, блаженной памяти, но в Пятикнижии они сведущи и все 24 книги Святого Писания знают назубок, как евреи — Отче наш, и у них свои молельни, и одеяние с кистями — малый талит — они не носят, а вешают на стенке в молельне и лишь глядят на него, ибо в Пятикнижии сказано лишь: и узрите покрывало с кистями, а Талмуду, что указал носить его на теле, они не верят, и так же они поступают и с пальмовой ветвью во время праздника Кущей. И есть у них свои мудрецы, что каждодневно освежают толкования Торы, но с раввинами у них спору нет, потому что нуждаются в нас: сами блюдут древние законы чистоты и не оскверняют себя прикосновением к покойникам, а если умрет караим — нанимают бедных евреев, чтоб убрали и похоронили. И раньше сидели они субботними вечерами в потемках и свеч не зажигали, пока не явился им свет Ученья мудрецов наших. И Земля Израиля любезна им, и горюют они о разрушении и запустении ее и шлют утварь и деньги в мидраш свой в Иерусалиме. И они всяко ухищряются, лишь бы взойти на Святую Землю и увеличить свою общину в Иерусалиме, но не выходит у них, потому что однажды хотели они осрамить и опозорить учителя нашего Рамбама, блаженной памяти. Однажды понадобилось мудрецам Иерусалимским тайный совет держать из-за лютых казней, что навалились в то время на Израиль, собрались в караимской молельне, ибо она находилась в долине, в укромном месте. Когда вошли, увидели — одна ступенька торчит. Подняли — и нашли под ней «Мощную длань», книгу Рамбама; положили ее под ноги караимы, чтоб все на нее ступали на позор Рамбаму. Был меж ними раввин — сочинитель «Светоца Жизни», и на-

ложил он на них страшное проклятие, чтоб община их не росла и чтоб никогда не сподобились караимы в Иерусалиме молиться вдесятером. И с тех пор, если какой караим приедет в Святой город,— другого выносят оттуда вперед ногами. А был случай—попробовали они приехать целым кагалом, и все сгнули от мора, не про нас будь сказано.

Сидели себе любезные наши в Стамбуле и ждали корабля. Раз пойдут посетят могилу праведника Иова, другой раз—могилу написавшего «Посвящение в Мудрецы», что скончался здесь на пути в Святую Землю, а то пойдут в порт, посмотреть—а вдруг пришел корабль, а с ним—Хананья, потому что все еще не отчаялись увидеть его. Хананья, что полсвета обошел и во всех испытаниях устоял,—неужто отчаялся, когда корабль уплыл без него? Наверняка запасся терпением и подождал следующего корабля.

А тем временем р. Шмуэль Иосеф, сын р. Шалом Мордхая Левита, сидел пред мудрецами Константинопольскими и читал все книги и свитки, большие и малые, мудрые и прямые, богобоязненные и отменные, и набирался ума и страху Божьего и постигал Явное и Тайное, а также слог и правила святого языка с секретами его. Дошла до нас грамота, что послал он Собранию любезных наших хасидов во граде Бучаче: Д[а] Х[ранит их] Г[осподь] С[паситель]. Сим сообщаем, что прибыли благополучно в сл[авный] гр[ад] Царьград, на кой и в «Сиянии» намек содержится. Слава Богу, путь наш был легок. Не задержал нас дождь на суше, не испугала буря в море. И здесь к месту было бы описать всю дорогу и все блага, коими осыпали нас б[ратья наши] с[ыны] И[зраиля] в пути, как едой и питьем и ночлегом, так и добрыми советами и честными наставлениями, как в стране басурманской, так и в державе ЕИВ К[есаря австрийского]. Однако от горести сердечной нет сил писать обо всем этом, ибо пречестной р. Хананья, ведомый вам, потерялся в пути,

и неизвестно нам, что с ним приключилось. Так и сообщите об этом п[ремудрому] с[удии] г[рада], многая ему лета. Хоть и знаем мы, что не оставил р. Хананья супруги, но, может, один из братьев его умер бездетным и вдова нуждается в Хананье, чтобы восставил семя покойного или освободил ее от обета. Прошу сообщить нам, как поживают учителя наши и раввины и т. д., и р. Авраам — обрезатель крайней плоти Д. Х. Г. С. — что случилось с ним, и передайте привет всем друзьям нашим и возлюбленным, образ которых всегда хранится в нашем сердце и т. д.

На том постоялом дворе, где остановились любезные наши, остановился и хахам — раввин сфарадийский, что вышел посланцем доброго дела, — пробудить в городах Изгнания сострадание к горю и нищете жителей Иерусалима. А сам он — мудрец и знаток, и лик его — как лик царский, а очи темны от слез, ибо все города стоят себе под небом, а Божий град низвергнут до самой Преисподней. Спросил посланец артельщиков, куда, мол, путь держат? И где хотят обосноваться — в Иерусалиме, или Хевроне, или в Цфате, или в Тиверии? Рассказал он им о прелестях каждого града, и какая там стоит погода, и какие святые места есть там. Кто жил в Цфате и погребен в земле его — а Цфат построен выше всех городов Страны Израильской и воздух его слаще всех, — вмиг душа его влетает в двойную пещеру Махпела, а оттуда — прямо в рай. И в Цфате народы иноплеменные не притесняют Израиль, и даже женщина может гулять без провожатых по городу и за его стенами. И с жильем в Цфате вольготно, и все можно купить втридешева, и там мидраш святого Ари, а в нем амвон, с которого он позвал читать Тору самих отцов мироздания — Аарона-первосвященника позвал первым, а Моисея-левита вторым и Авраама — третьим и т. д. А жители Цфата на Горе выращены и богобоязненны и жа-

лостливы. А в двух часах от Цфата стоит гора Мерон, а там пещера, где скрывался р. Шимон Бар Иохай от гнева римлян. Собираются там три раза в год со всех городов Страны Израиля и плачут на могиле его, и сидят там день и ночь и учат книгу Зоар, и три раза это: в месяце Элул и в конце Адара и в праздник Лаг баОмер. А в Лаг баОмер собираются там евреи даже из Дамаска и из Междуречья и из Египта и разжигают костры в бочках с оливковым маслом, и устраивают настоящие пиршества, и пляшут и бьют в тимпаны, и водят хороводы, и поют псалмы и гимны. Это — великое празднество в честь р. Шимона Бар Иохая, ибо в тот же день Дух Божий веселится с праведниками в священных чертогах.

Но важнее Цфата Хеврон, прах его прельстил праотцев, и они погребены там в двойной пещере Махпела, а над ней высится замок, что построил еще царь Давид, мир праху его, но за грехи наши не дают детям Израиля войти в пещеру. Но в воротах есть маленькая скважина, прямо напротив могил праотцев и праматерей, и там зажигают свечи и молятся. А неподалеку от пещеры Махпела — могила Рамбама, блаженной памяти, как написано в заключении трактата его «Поучение Человеку»: пошел я вырыть себе могилу рядом с патриархами. А рядом там могилы Иессея, отца царя Давида, и Атаниэля бен Кназа. А внизу — пещеры прочих праведников. И обыватели хевронские — собой молодцы и полны добродетелей, а в особенности отличаются они гостеприимством, наподобие того, как отличался этим и праотец Авраам, мир праху его. И весь город окружен виноградниками и апельсиновыми рощами, и там же дубрава Мамре, где ангел явился Аврааму и Сарре, и ключ с живой водой, где омывалась сама праматерь Сарра, мир праху ее, и шатер праотца Авраама, мир праху его. А шатер обложен тесаным камнем, и внутри — колодец, выложенный

тесаным камнем, и источник бьет из колодца, и вода его сладка, как мед, и приятна на вкус.

А не хорошо ли жить в Тиверии, она же Тивериада, она же Ракат-Пустица, что там даже пустыцы и пустомели полны достоинств, как гранат зерен. Жители Тиверии более проворны и скоры на руку, чем жители других городов, и говорили мудрецы наши и учителя блаженной памяти: «Дай мне, Господи, встречать Субботу в Тиверии». И покойно растут там все злаки и древа заповеданные, в особенности пальмы, и из них они делают себе кущи. А о берег Тиверии плещется Генисаретское море, которое пуще всех морей возлюбил Господь, и источник Мириам сокровен в пучине вод, и открыл нам святой Ари, мир праху его, что вода эта исцеляет душу. С другой стороны, горячие источники Тиверии возвращают здоровье телу и исцеляют от всяких болезней. А в конце света восстание мертвых начнется с Тиверии, и из Тиверии придет Избавление, как говорится в трактате «Новогодие», на странице тридцать первой.

Но кто променяет на них святость Иерусалима, престол святости нашей, что стоит против врат небесных?

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ. ВЕЛИКАЯ БУРЯ В МОРЕ

По истечении нескольких дней настало время кораблю пуститься в море. Поднялись они на борт, а с ними — множество сфарадийских евреев из Стамбула и Измира и из прочих городов Порты, — мужчины и женщины, и, не рядом будь помянуты, необрезанные и обрезанные изо всех народов мира, больше тыщи человек, не считая служителей корабельных и служителей их служителей.

Положили пожитки и стали к молитве, чтоб довелось им прибыть в целости и сохранности в Землю Израиля и чтобы не пострадать по дороге ни от грома, ни от лиха, ни от гада морского. А завершив молитву, разделились на две кучки — одни пошли смотреть, где брать воду для питья и хворост на растопку, а другие пошли посмотреть на корабль и на корабельщиков, что стояли на мачтах, вязали канаты и распускали паруса. И братья наши — сфарадийцы — тоже устроились, развязали торбы, разложили пожитки, вытащили книги, да такие, что приятно посмотреть, — украшенные красными и зелеными кожами и обернутые в разноцветную бумагу, как писанные изразцы в царевых дворцах, и уселись, поджав под себя ноги, и помолились, чтоб сподобились ходить под Богом в Стране Живых и быть похороненными в Иерусалиме.

Любо-дорого посмотреть, как они сидят. Наряды чистые, движения приятные, облик — как у сынов царских, борода падает на грудь, и читают они со страхом Божиим и скромностью, истово и степенно, шевеля губами и с радостью в сердце. Труд учения приличествует паломникам, идущим в Святую Землю. А жены их сидят рядом, с разрисованными трубками в зубах, и курят табак из круглых стеклянных кальянов. А как услышат они — имя Иерусалим вылетело из уст их мужей, — простирают они ладони к глазам и радостно вторят тем и целуют кончики пальцев, как будто на них отпечатано: Иерусалим. Тем временем солнце спряталось за твердью и воды потемнели. Корабельщики проверили снасти и мачты и сели есть-пить, распевая песни и былины про вино и про русалок в море, что замечают моряков и похищают их души своими напевами. А евреи, со своей стороны, вознесли вечернюю молитву и освежили душу всякими яствами, а затем перечли Песнь Песней и то место в книге «Зоар»,

где говорится о грядущем полном слиянии Господа с Собранием Израиля.

Фейга и Цирль, бой-бабы, у которых все в руках горит, убрали и приготовили для себя и спутников своих удобные места и постелили постель. Улеглись почивать, дать роздых телу, пока не встали на полуночную молитву. Звезды сверкают и прячутся, и другие светила выходят им на смену. В полночь встали сердечные на молитву, а тем временем братья наши сфарадийские терли бобы и варили кофий, питье, пробуждающее сердце и гонящее сон с глаз; в земле Польской кофий почти неведом, но в трактате «Накрытый стол» он упомянут. К братьям своим ашкеназским они отнеслись приветливо и дали им всего — и не только кофию, но и вина, и книг, а в час нужды и заступались за них пред корабельщиками, потому что сфарадийские мудрецы сведущи в иноплеменных языках и некоторые из них по 70 языков знают, как в Великом Синедроне.

Так мирно протекли три недели. Корабельщики покоряли волну, и корабль плыл себе полегоньку, а сердечные сидели и учили Святое Писание, Мишну и Талмуд или восхваляли Страну Израиля в своих разговорах. Особенно р. Шмуэль Иосеф, сын р. Шалома Мордхая Левита, скрашивал время чудными сказаниями, которыми славится Страна Израиля, к примеру, царь повесил занавес у входа в свой палатин — умный человек раздвинет и войдет. Так и р. Шмуэль Иосеф — раздвигал пред ними врата Иерусалима и входил с ними и показывал им все скрытое там. А рядом сидят братья наши сфарадийские, что языка польских евреев не понимают, но видят они ликование собратьев и спрашивают: чему вы так радуетесь? И те отвечают на святом языке: так, мол, и так рассказал нам р. Шмуэль Иосеф, — и тем тоже интересно послушать. Немедля открывает уста р. Шмуэль Иосеф и ведет рассказ на святом языке, как ангел Господень, во славу Иерусалима и про

ликование Духа Божьего по прибытию их, ибо с тех пор, как разрушен был Храм, ни дня не проходит без гнева, потому что поклялся Господь, что не вступит он в небесный Иерусалим, пока Израиль не вступит в Иерусалим земной. И братья наши сфарадийские слушают и устами припадают к его словам.

Так мирно протекли три недели, корабль шел себе полегоньку, солнце светило на него днем, а месяц — ночью, и твердь небесная полна звезд и море ведет себя как положено, и валы бегут, как на игрище. Но в глубинах моря поднялся гнев вод, и ветер ударил в мачты корабля. Поднялась огромная буря. Ладью качало туда-сюда, то вправо, то влево, то ее возносит кверху, то кидает вниз, и волны гневно борются с ней, готовые поглотить и ее, и плывущих на ней людишек. Все море полно пены, как будто подменили море-окиян морем белой пены. Блажен, кто обретается в такую ночь у своего очага, огражденный стенами от ветра и крышей от дождя, кто улегся в постель и накрылся пуховым одеялом и слышит шаги ночного сторожа пред домом, кто утром пойдет в талите и тфилин на молитву, затем плотно позавтракает, а затем выйдет на рынок — вести честной торг, кто проводит дни свои и годы в почете людском и умирает, снискав себе доброе имя, и сподобится лечь в землю близ родителей своих и праотцев. Эта ночь прогнала сон с глаз и отняла покой у тела. Постель просолена насквозь, как соленая вода. Шестьсот тысяч валов плюют тебе в лицо да еще и гневаются. Где ты, речка Стрипа, в которой окунались перед наступлением субботы в солнечные дни и куда стряхивали все грехи перед Судным Днем? Несколько сот верст ходу от них до речки Стрипы. Сейчас стоят они среди морей, и валы, огромные, как горы, вздымаются до самой небесной тверди, и ладья то плывет, то летит, как из пращи, и руки моряков устают держать снасти и обуздывать воду.

И все плывущие на корабле бьются о борт и кричат, и плачут, и стонут, и лица покрываются холодным соленым потом, и соль стекает капельками с чуба и катится в рот. Кто уже материнское молоко отрыгивает, а у кого подвело живот. Не дай вам Бог, путники морских караванов, испытать такое. А к полночи еще больше разгулялась буря и била по бортам корабля, и снасти лопнули, а рев все нарастал, так что голоса в двух шагах не слышно. Меж мореплавателями поднялось смятение, один простирает руки к небу с мольбой о помощи, а другой рвет на себе волосы, но кто обуздает воду, кто поможет товарищу в трудную минуту? Однако попомним добром славного корабельщика, что места своего не оставил и сердца моряков укреплял, чтоб не отчаялись они в милости Божией и не опускали рук. И вскорости так раскачалась ладья, как будто налетела на рифы и готова разломиться. Вещи полетели вверх, а люди полетели вниз.

Как увидали сердечные, что беда — не шуточная, вспомнили, что когда шли святые паломники в Страну Израиля — р. Нахман из Городенки и р. Менделе из Перемышлян и прочие праведники, — приключилась им подобная беда на море. Взял тогда р. Нахман свиток Торы в руки и сказал: если, не дай Бог, приговорил нас Небесный суд архангелов к гибели, мы — суд Земной вкупе с Господом Богом и Духом Божиим — с этим приговором не согласны и отменяем его, — и все хором ответили: аминь. В этот самый миг взобрался один моряк на мачту и закричал: гляжу я в подзорное стекло и вижу селения Страны Израиля.

Подумали сердечные: вот это были праведники, вот это были богатыри духа, спаси нас, Господь, от беды этой во имя их и во имя Земли Израиля.

Молитва их полбеда откачала, да корабельщики с другой половиной справились, а Господь Бог, в милости своей, всю беду разогнал. И вскорости

утих гнев морского царя и вид моря переменился к добру. Так и миновал день без вреда, и ночью никакого ущерба не приключилось.

Месяц вышел и засиял, и корабль поплыл себе спокойно, хворые понемножку оправились.

Луна бледнеет и исчезает, вот уже и настало время солнцу взойти. И с бликом рассвета утихли воды морские и красноватый покров повис над ликом моря. Ладья без сил стояла в открытом море, и легкий ветерок оведал стан мореплавателей.

Сказал один: знаете, что я вам скажу, братцы, похож я на человека, которому показывают сокровищницу царскую. Спускаются с ним в подземелье, ноги его заплетаются, но так как знает он, куда его ведут — в сокровищницу царскую, — все равно радуется. И сказал р. Иосеф Меир: «Кто взойдет на гору Господню и кто восстанет на месте Его святости?»²»

Сказал р. Иосеф Шмуэль, сын р. Шалома Мордая Левита: когда бушевало море и заливало корабль, знаете, о чем я думал в тот час? Думал я о том, что приключилось со святым раввином р. Шмельке, да оградит нас Господь во имя этого праведника. Однажды наслали власти лютые казни на общину святого града Никльсбурха, но кесарь еще не утвердил указа о казнях. Поехал святой мудрец к кесарю в Вену, а дело было во время ледохода, когда по реке на корабле не пройдешь. Сказал мудрец своему ученику, св. раввину Моше Лейбу из Сасова: поди принеси, мол, люльку. Пошел тот и принес люльку. Сели они в люльку и отплыли, вышли на течение и стали на ноги. Прочел святой мудрец Песнь Моря, ту, что сложил Моисей, когда разверзлось Чермное море, а ученик повторял за ним, пока не прибыли они благополучно в Вену. А в то время стояли жители Вены на берегу, и видят они: плывут два еврея в люльке по реке, в то время когда и в лодке не проплывеешь: льдины огромные, как горы, плы-

вут по реке, гневно наваливаются друг на друга, с шумом, подобным грому. Услышал про это кесарь, вышел со своими советниками и увидел: стоят два еврея в люльке и поют гимн, а льдины, с гору величиной, трутся и наваливаются друг на друга, но люльку не затирают, а раздвигаются и дают ей дорогу. А как пришел праведник к кесарю, сказал ему кесарь: исполню я твою волю, человек Божий,— и отменил указ.

Сказал р. Алтер-учитель: ну, что вы скажете об этом? Сказал р. Алтер-резник: ой, где сейчас найти такую люльку. Вздохнула Фейга и сказала: а мы плывем на большом корабле, и не к кесарю из плоти и крови, а к Царю царей, Кесарю кесарей, а добрых знамений покамест не видать. И сказала Цирль: и я то же самое говорю, едем в Страну Израиля, а ни тебе чудес, ни знамений.

Шикнула на них г-жа Милька и сказала: ах вы неблагодарные, да мало ли чудес и знамений явил вам Господь: вселил в сердце понимание, чтоб пуститься в Страну Израиля, и по суше провел Он нас, и провел Он нас напрямиком без препятствий и вреда, и послал нам корабль, чтоб пуститься по морю, и выпустил ветер из кладовых своих — гнать ладью по морю. А когда море разбушевалось, Он унял его и приказал царю морскому унять гнев свой, и унял гнев его, и воды вновь потекли как по маслу, и не сегодня-завтра введет Он нас в Страну Израиля, а вы после всего этого говорите: не видать, мол, добрых знамений. Господи Боже мой, если так, то что уж должен был сказать Хананья, сколько горя он измыкал, шел пешком из города в город, из страны в страну, и граничная стража отняла у него все добро и раздела догола, и в плен к разбойникам попался, и счет субботам потерял и святой день осквернил, и немало помучился, лишь бы добраться до Страны Израиля, а как настало время взойти — ушел корабль без него.

Сказал р. Алтер-учитель: вот это да, надо нам брать пример с Мильки. Клянусь вам, что, когда она говорила, все мое тело прочувствовало, какие чудеса явил нам Господь. А как вспомнили Хананью — перекосились их лица, от горести и жалости по тому бедолаге, что собой пренебрег во имя Страны Израиля, а как настал час сесть на корабль и отплыть в Страну Израиля — уплыл корабль и оставил его — и неведомо, живым или, не приведи Бог, мертвым. Хоть и огорчилось сердце их, глаза заблестели, как всегда у добрых людей, что вспомнят доброго человека, и глаза у них заблестают.

Сказал Песах-казначей: помните, платочек был у Хананьи, все пожитки он в него увязывал, а в час молитвы вынимал пожитки и подпоясывался платочком. Однажды сказал я ему: Хананья, мол, на тебе пояс, чтобы не возиться с пожитками — развязывать-завязывать, — но не взял он. А какой ответ он мне дал? Сказал он: к вещи надо относиться с уважением, хоть и нашел другую, краше прежней, нельзя перестать прежнюю пользоваться. И так же ответил он и Мильке. По дороге дала ему Милька котомку, а назавтра видит: он с тем же узелком. Сказала ему: да разве не дала я тебе котомку для пожитков? Ответил он ей: дала. Сказала ему: а ты все в платочек увязываешь? Ответил он ей: так что, если платок говорить не умеет, так на него уже наплевать можно?

Сказал р. Алтер-учитель: сейчас, когда облегчил нашу долю Господь и успокоились воды моря, не след ли нам вознести утреннюю молитву?

А когда помолились, ничего не смогли отведать, потому что морская вода просолила их припасы. Солил Господь Левиафана впрок, и море наполнилось солью. Да кому нужны еда-питье, если не сегодня-завтра вступят они в Страну Израиля, потому что говорят — близок корабль к пристани. И тут вылетели у них из сердца все дорожные хлопоты,

и скудость пропитания на корабле, и буря на море. Тяжелые, как камни, ноги вдруг полегчали, глаза, что померкли от слез, засияли светом Утренней звезды. Оделись они в субботние одежды и украсили себя во имя Страны Израиля и особо постарались стряхнуть с одежд прах иных земель, чтобы чистыми вступить в Землю Израиля. У р. Моше на шее висела ладанка с прахом Земли Израиля: как показалось им, что вступают они в Святую Землю, развязал ладанку и бросил прах в море. Сказал р. Моше: сказали мудрецы Израильские, что суждено Земле Израиля простереться по всему свету, — вот я бросаю прах Земли Израиля в море, и станет он скалой, и на ней выстроится один из великих городов Земли Израиля. И завели они гимны и хваления и благодарения, что довелось им добраться до пределов Земли Израиля, и сложили они пожитки и увязали их, чтобы не задерживаться, как наступит время сойти на берег.

Однако не пришел еще их черед стоять в Царских чертогах. Когда взобрались корабельщики на мачты, посмотреть, куда занесло корабль, посмотрели они и увидели очертания большого города, но не Яффы, и не Аккры, и не Тира, и не Сидона, и никакого иного города из городов Земли Израиля, а города Стамбула. И тут опустились руки гребцов и дрожь пронизала их кости. Три недели и долее возились они, чтобы приплыть к берегам Страны Израиля, а затем подхватили ветры корабль и возвратили его в Стамбул. Решил Господь испытать званных гостей, достойны ли быть в его легионах, и навел на них бурный ветер, и воротил их, несолоно хлебавши. Кто хочет в Страну Израиля, пускай, мол, останется на корабле, а кто захочет вернуться в страны Эдома и Измаила — пусть вернется себе. Но все как один ответили: вперед, в Святую Землю, назад не поворотим.

Послал главный корабельщик моряков в город,

принести провизии — затем, что все припасы на корабле заплесневели. Взяли моряки весла в руки, спустились в лодочки и отплыли в город. Запаслись там всеми благами Порты и вернулись. Поднял главный корабельщик паруса и натянул снасти. Вмиг выпустил Господь ветер из своих кладовых и предупредил его: смотри, мол, не вреди знакомцам моим. Отплыл корабль и пошел радостно, как в хороводе.

Дважды беде не приключиться. Благословен Проведший их прямым путем по морю и по суше и по морю. Пять дней и пять ночей плыла себе ладья полегоньку и благополучно доплыла до Яффы. Когда занялся рассвет дня шестого — последнего дня их плавания, — вынырнула Яффа из моря, как солнечный диск, что всплывает из Огнь-реки, — воссиять миру. Вот она, Яффа, — врата града Божьего, сюда приходят изгнанники Израиля, и отсюда начинают они восхождение в Иерусалим.

Утро занимается, и светило сияет все сильнее и пышет жаром на корабль. Небесный огонь обжигает до пузырей. Моряки разделись и все равно потели, как медведи. И евреи, со своей стороны, тоже скинули верхние облачения и сняли шляпы — но не ермолки, — и ну ими обмахиваться, и все равно кипели от солнечного жара и солнце кипятило пот и сушило кости в теле.

Обратился Лейбуш-мясник к р. Алтеру-резнику, когда оба они сидели и обмахивались, и спросил его: скажи мне, мол, р. Алтер, почему это солнце такое неистовое? Ответил тот ему: жарит Господь Левиафана на пир праведникам, для этого и растопил солнце.

А одна из женщин сказала подруге: что это, глаза мои меркнут. Ответила ей подруга: ты что думаешь, у меня вместо глаз — стекляшки? Чувствую я, как будто их колют раскаленными спицами. Сказала Цирль: не солнышко здесь на небе, а прямо печь огненная. Услыхал р. Моше и сказал: меркнут глаза

ваши от сияния Духа Божия. Даже Фейгу, что доброй волею ехала, и ту обеспокоило видение глаз ее. Где они, эти дуновения ветра, что в сказках всегда веют в Стране Израиля, меж садов и апельсиновых рощ и меж пальмами и лимонами, и меж горами благовонными, как в Эдеме? Вместо этого жар геенны наваливается на них и сжигает кости. Неужто занесло их ладью, не дай Бог, в мертвую пустыню, где самумы и скорпионы, и снова приключатся им всякие несчастья? Хоть и знали женщины, что в разрушении стоит Страна Израиля и что много бед поджидают там человека, но помнилось им лишь то, что по вкусу, а что не по вкусу — забылось. Сидела напротив Милька и улыбалась. Сказала Фейга Мильке: да ты никак подсмеиваешься надо мной? Сказала ей Милька: не над тобой, а над собой я смеюсь. Помню, по дороге в Лешкович пригрезилась мне меховая накидка, пышная, длинная, чтоб целиком укутаться можно было. И как хотелось мне ее купить, а сейчас я думаю — что бы я делала с этой накидкой? Разве что укутать в нее солнышко, чтоб не простыло. Сказала Фейга: и я тогда сидела в повозке и грезила, и явился мне кожаный тулунчик, и нашептывал мне Лукавый: заезжай, мол, в Лешкович, какие там тебе товары уготованы. Сказала Милька: думаешь, услужить нам хотел Лукавый? Лишь задержать в пути хотел.

Солнце стояло посреди небес и калило ладью, как чан на угольях. Однако кому в сердце засела любовь к Стране Израиля, тот лишь крепнет от святости страны, где горний свет снисходит без препон, хоть и в развалинах она.

И тут оставили сердечные все помыслы о тягости дорог и жалобы, и загорелись лица их от силы Единого Желания. Простер руки р. Алтер-учитель и запел, отбивая ритм пальцами на сундуке, что перед ним: чада храма восходят в ряд, зеницы малый свет узрят — и р. Алтер-резник подхватил: на царском

застолье сядут в приволье, Явление Царское хмелем почтят. И день не избыл, как подошел корабль к берегу Яффы. Прозвучал залп с корабля. Налетели арапы из города. Одежонка на них похабная, рубашонка грязная и короткая, едва колени покрывает, и куском бечевки подпоясаны, и ноги босые — без чулок, только сандалии к ступням привязаны. И речь их шумная, как будто сами на себя гnevаются. И людям язык их непонятен. Поднялись на борт, заорали во всю глотку и стали расхватывать людей, как пленных, схватили их и побросали вместе с пожитками в свои худые лодчонки. И сколько платы им ни давали, все им было мало, хотели уж побить любезных наших, да Господь спас их из рук арапов и привел в целости и сохранности на сушу.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ. СВЯТАЯ ЗЕМЛЯ

А как взошли сердечные на берег, бросились они на землю и целовали прах ее и возрыдали великим плачем, пока не потекли глаза их, как источники соленные. Возвратятся сыны в отчий дом и найдут его в развалинах — неужто не возрыдают? Но и в час горя обрадуются, что довелось им вернуться. Взялись они за руки и запели: «Возликовал я призвавшим: пойдем во храм Господень». И еще они пели: «Любит Господь врата Сиона пуще всех обителей Иакова». А агаряне стояли в стороне и поглядывали. Так они и шли и пели, пока не пришли на постоянный двор, что именуется Еврейское подворье. А там отделения есть: одно — для молитвы в собрании, если соберется десять евреев, и еще два отделения, что называются богоугодными — а там постелены постели для заболевших в пути, — одно для мужчин, одно для женщин. И еще одно отделение было

там — для скотины. Туда загоняют вьючную скотину, на которой едут в Иерусалим.

Караван пустился в путь и дошел до цели — конечно, рады путники, а тем более если приключилась им беда в пути и миновала. Но если недосчитались одного и неведомо, меж живых ли недосчитались его или меж мертвых, как возвеселятся — так и вспомнится он им и потревожит их веселье. Так и они — сколько времени мыкался с ними Хананья, сколько приключений испытал — лишь бы взойти на Землю Израиля, а когда пробил час взойти — не взошел, и кто знает — жив ли он или мертв. Да может ли радость их быть полною? Дали они обет помянуть его в Иерусалиме и помолиться за него в святых местах. А теперь не след ли узнать, что стряслось с Хананьей? Когда пошли товарищи его запасаться припасами в путь, пошел и он с ними. По дороге отстал от них и пошел в одно место, а они и не заметили. А когда вернулся, то их не нашел. Пошел к причалу. А как подошел к причалу, увидел, что отплыл их корабль. Сколько забот изведал человек этот, чтобы взойти на Землю Израиля, а как настало время взойти — уплыл корабль без него, а его оставил. И он стоит и видит, а уплыть на нем не может.

Хананья проворен был, что ж задержался в пути? Дело в том, что, когда был он на рынке, подвернулся ему один иноверец. Спросил его Хананья, иноверца этого: не ты ли хотел однажды провести меня в Землю Израиля через глубокую пещеру? Сказал он: так, это я. Спросил его: что ты здесь делаешь? Сказал тот: я и сам не пойму. Каждый раз, когда надеваю я тфилин покойного нашего архистратига, слышу я его: плачется по жене и детям. Вот я и брожу по свету, ищу их. Сказал ему Хананья: сто лет тебе жизни, получил ты долю в мире Грядущем. Пошли вместе. Подошли к одному дому. Постучался Хананья в окно, открыл хозяин окно и спросил: что вам надобно? Сказал Хананья: где она, эта женщи-

на из Хотина? Сказал хозяин: не знаю, утром вышла с детьми и не вернулась, может, уже вернулась в Хотин. Охнул Хананья и замолчал. Сказал хозяин: что у тебя к этой женщине? Указал Хананья на необрезанного и сказал: этот иноверец может засвидетельствовать, где он видал ее мужа. Сказал хозяин: хорошо, если бы мог он засвидетельствовать это в присутствии раввина. Пока говорил Хананья с хозяином, отошел необрезанный в сторону — возложить тфилин. А тут пришла и эта женщина, увидела тфилин и завопила страшным воплем: это тфилин моего мужа. Сказал необрезанный: если звали твоего мужа Зуша, то это его тфилин. И сразу рассказал, что случилось с Зушей. Из-за этого Хананья и задержался.

Много у нас есть сказаний про чудесное избавление, одно красивее другого. Как, например, сказание о путнике, что заблудился в пустыне. Налетела огромная птица, усадила его себе на крылья и отнесла домой — час лету как несколько лет ходу. Однако никакой орел не явился Хананье. Еще лучше был бы плащ царя Соломона, мир праху его. Садился на него Соломон, и нес его ветер, да так, что утреннюю трапезу вкушал царь в Дамаске, а вечернюю отведывал в Мидии, та — на Востоке, а та — на Западе. Однако потаился плащ сей в день, что скончался царь Соломон, мир праху его, и неведомо, где потаился. Да хоть бы и нашел этот плащ Хананья, что бы он мог с ним сделать? Ведь ни одному существу не дано усидеть на этом плаще, кроме самого царя Соломона и четырех его вельмож: один вельможа был из людского племени, один — из бесей, один — из зверей и один — от птиц. Да и в поколении отцов наших совершались чудеса над водами. Как, например, случай со святым мудрецом р. Шмельке из Никльсбурха и его учеником святым р. Моше Лейбом из Сасова, что прошли в люльке реку Дунай в час ледохода. Однако где сейчас найти такую люльку? Как увидел Хананья, что горе его — на

этот раз и впрямь горе, возвел он очи горе и сказал: Властелин Вселенной, нет у меня опоры, кроме Твоей жалости. И вселил Господь в сердце его совет: чтоб бросил он свой платок на воду и уселся на него. Расстелил он платочек и сел на него. И тут же поплыл платочек по морю и понес Хананью, пока не приплыл в Страну Израиля. И мало этого — еще и раньше своих товарищей приплыл, потому что они задержались в Стамбуле, ждали там корабля, а когда взошли они на корабль — разбушевалось под ними море и немало они лиха измыкали, а он пересек море в целости и сохранности.

А теперь вернемся к прочим сердечным. Короче, вошли они в воды Яффы. Это воды Яффы, что берегут сокровища для праведников на грядущие дни: все корабли, что тонут в море-окияне, и все их золото и серебро, и драгоценные камни и жемчуга, и хрусталь и украшения — все это выбрасывает море в воды Яффы, и суждено Мессии, помазаннику Божию, собрать все это богатство и разделить его меж праведниками во времена грядущие. Сошли с корабля и сели в уютную лодочку арапов. Взяли гребцы весла и закричали: эй, эй, и обуздали воды, и проложили в море дорогу, и провели лодку меж скал и утесов, что стоят там с шести дней творения, ибо все валы морские и все речки, что впадают в море, приходят поначалу поклониться пред водами Страны Израиля. И если бы скалы в море не унимали их, то ни одному кораблю не причалить бы к берегам Яффы из-за толчеи волн.

Прошли они море благополучно, и скалы миновали благополучно, и получили все свои пожитки в целости и сохранности, и взошли на сушу, в город Яффу, врата града Божьего. Бросились они на землю и целовали прах ее, и плакали о запустении ее, и радовались, что дано им было добраться. Пришли два сборщика податей и отвели их на Еврейское подворье, а это — постоянный двор для возвращаю-

щихся из изгнания. А постоялый двор этот окружен стеной, а посреди — колодезь с водой и плодоносящие деревья посажены. Стали они и помолились по своему обычаю — и отдышались с пути. Пробыли там долго ли, коротко, пока не нашлась выючная скотина, чтобы пуститься в Иерусалим.

И вышли они в путь в добрый час, в день, что дважды помянут добром в книге Бытия, в главе о Творении, в третий день по субботе, когда дважды сказано: «И увидел Господь, что это хорошо», и ехали, пока не свечерело и не похолодало. Слезли они с ослов, развязали тюки, вытащили подушки да перины, закутались в одеяла, но все равно было им холодно. Сели вновь на ослов и пустились в путь и доехали до места, именуемого Рамле, — это Гат древних, коий покори́л Царь Давид. Слезли с ослов и остановились там на ночлег и разложили там свои пожитки и лежали там всю ночь, пока не забрезжил рассвет. А как забрезжил рассвет — помолились, и ломтем утренним закусили, и пустились в путь.

На закате приехали к одному водоему. Слезли с ослов и остановились там на ночлег и разложили там свои пожитки и лежали там, пока не забрезжил рассвет. А как забрезжил рассвет — помолились и ломтем утренним закусили, и сели на ослов и поехали, и ехали, пока не приехали в одно место, Моца именуемое, а оттуда приносили вербы речные на жертвенник в Храме, как ведомо нам по сказанному: «Место сие перед подъемом в Иерусалим находится и зовется Моца, спускаются туда и собирают ветки верб, а затем ставят их у жертвенника». И по сей день вербы растут там. Остановились там на ночлег и опочивали.

А все эти дороги безлюдны из-за разбойников, так что и самим измаильтянам проехать нельзя, разве что караваном. Но по милости Божией с любезными нашими никаких напастей в пути не приключилось, не считая того, что несколько раз тюки с ослов сва-

ливались. А вокруг возносятся высокие горы и теснят дорогу, и облака разноцветные лежат на них, лазурные и пурпурные, и сияющие, как зарево солнца, и мягкие, как свет луны,— из-за отблеска райских цветов да яхонтов. И с каждым часом новый свет разгорается над ними, непохожий на прежний. И разные ароматические травы издают благовоние. А дворцы и замки, что изяществом своим украшали лик страны, лежат в развалинах, и селений нет там, лишь черные шатры кочевников-бедуинов разбросаны меж гор и козы сбегают по склонам гор, а все пропитание их — терние да волчцы, как сказано в Писании. А жители местные ходят полуголыми, лишь рубашки с пояском на них да черная косынка покрывает голову, шерстяным снуром подвязана. И ключи там бьют, и ручейки текут с гор и по долине, и вкус у них — вкус рая. Из одних отпили любезные наши, в других омывали руки перед молитвой, в одних смывали с глаз слезы о разрушении Иерусалима, а в других освятили руки в честь Святого Града. Так миновало три дня, пока не наступило утро шестого дня по субботе, и тут показался Святой Город, радость всяя земли. Тут же слезли они с ослов и порвали одежды свои с превеликим плачем, как подобает скорбящим, и шли пешком, пока не подошли к вратам Иерусалима. И целовали камни стен его и вновь порвали одежды в память о Храме, да будет воля Твоя, чтоб отстроился вскорости в дни жизни нашей, аминь.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ. ПРИБЫЛИ В ИЕРУСАЛИМ

Лишь они прибыли, распространилась весть об их прибытии по городу. Вышел встречать их весь Иерусалим — и хасиды, и фарисеи приветствовали их,

и порадовались с ними великой радостью, и почтили их разными почестями, и сказали им: блаженны вы, что пришли сюда, не заботясь о состоянии суммы и тела, что поставили душу во главу угла, и вот — сподобились стоять в чертогах Царя Царей, Всевышнего, да благословится имя Его. И глава иерусалимских хасидов, наипервейший из сфарадийских мудрецов, что в Святом Граде, явил паломникам Порты свою благодать и призвал их в свой мидраш. И там они изо дня в день и из ночи в ночь чудные молитвы совершали. И так — четыре недели — супротив четырех времен в жизни человека, на каждую пору — по неделе: одна неделя — это за пору рождения, когда растет младенец, но суть его еще не завершена, а затем и суд небесный его не карает за провинности до двадцати годов, а другая неделя — это за пору мужества — до сорока лет, это — лучшие годы человека, ибо силы человека растут. И еще неделя — супротив поры старения, когда человек все слабеет. И еще одна неделя — это преклонная пора седин, когда дни и годы человека завершаются, пока не расстанется он со светом и не умрет. Но умершие в Стране Израиля не считаются мертвецами: стоят они под престолом Всевышнего и в сиянии Помазанника-Мессии блаженствуют и видят, как хорошо Израилю и сколько еще хорошего сделает Господь Израилю. И когда порой темнеют небеса, не пугаются и не кричат, ибо знают — все это из-за туч, что выходят забрать народ Израиля и принести его в Иерусалим, как объясняли учителя наши: суждено Иерусалиму простереться по всей Стране Израиля, а Стране Израиля по всему миру, и тучи соберут Израиль со всех концов света и принесут их в Иерусалим, по словам пророка: «Кто это — летят, как тучи». И каждую субботу входят они в небесное собрание и там слушают объяснение очередной главы Писания из уст Адама и Эноха, и Ноя, и Сима,

и Эвера, и Мелхиседека, из уст Авраама, Исаака и Иакова и из уст Моисея и Аарона и 70 старцев Синедриона, кроме главы о Творении, вплоть до слов: «Так совершены были небо и земля и все воинство их», и кроме рассказа о старости Израиля, начиная со слов: «И призвал Иаков сыновей своих», ибо эти места толкует им сам Всемогущий. А к полуденной в субботу приходят все пророки и учат с ними очередной отрывок из Пророков, и сам р. Авраам Ибн Эзра разъясняет трудные места, что пророки пророчествовали, а что говорили — и сами не знали. И из всех его объяснений больше всего любо им объяснение стиха: «И купил Иаков часть поля, на котором раскинул шатер свой», почему о такой простой вещи написано в Писании? А чтобы научить нас великому достоинству Страны Израиля, что доля в ней важна, как доля в Царствии Грядущем.

А сейчас — сейчас вернемся к любезным нашим. Короче, приняла их святая община Иерусалимская со всякими почестями и не оставляли их любовью своей, пока не отвели по домам. Принесли им еды-питья и постелили им постели с перинами и подушками. Отдыхались сердечные и размяли косточки, пока не настал полдень, а тогда пошли они в баню очиститься в честь субботы да в честь Города. А Иерусалимские бани прекрасней всех бань на свете. Есть там отделения внутренние и отделения внешние. Во внешних раздеваются, а во внутренних — купаются голыми, и еще есть ореарий, где хранят одежду и где банщики растирают моющихся после купания. И печь там врыта в землю, и топят ее навозом и сором. И все отделения — жаркие, одно жарче другого, и миква — купальня с проточной водой, не горячей и не холодной, а теплой, — есть там. Кто приходит в баню, платит две копейки банщику и копейку служителю и получает полотенце срам прикрывать. Вошли и окунулись, и вышли, и зашли

в ореарий, растер их олеариус и ополоснул. Пошли снова и окунулись в микве, вышли и вытерлись и надели чистое исподнее и вышли как новенькие. А уходя, дали еще копейку банщику, и тот сказал им «с легким паром». Вернулись домой и надели субботние одежды и пошли к Стене Плача. А Западная стена — она Стена Плача — последняя отрада наша с былых времен, что оставил нам Господь по великой милости своей. Высотой она в 12 ростов человека, в память 12 колен Израиля, чтобы каждый сын Израиля мог бы устремить свое сердце по росту да по племени своему. И сложена она из больших камней, каждый — по пять, а то и шесть вершков, и нет равных им ни в одной постройке на свете. И не скреплены они ни глиной, ни замесом, а все же скреплены воедино, наподобие собрания Израиля, что хоть и нет властей, чтоб держали его воедино, все ж нераздельно оно в мире. А напротив Стены Плача и со всех сторон — дворы арапов, что живут себе там со своей скотиной, а Израиль от молитв не отвлекают. Преклонили колена сердечные, простерлись, и вновь преклонили колена, и разулись, и омыли руки и лицами в прахе шли, пока не дошли до самой Стены, и в слезах лобызали камень — каждый камень и камень, — и открыли молитвенники, и прочли с пробуждением духовным Песнь Песней, и с каждым стихом все больше пробуждались души их. Припал р. Моше головой к Стене и почувствовал, что стоит он на месте, что Божий Дух вовеки не покидал. И стал читать Песнь Песней с пылом неистовым и на тот лад, что читал брат его р. Гершон, мир праху его, когда оставила его душа мир сей, пока не дошел до стиха «Введи меня, Царь, в чертоги свои», на котором и скончался р. Гершон, и не успел р. Моше завершить этот стих, как осенила его радость бытия в Стране Израиля и новая жизнь вошла в него. А когда окончили Песнь Песней, сказали несколько псалмов и вознесли пополуденную молитву. И еще помолились они за братию, что в изгнании, и за пропавшего Хана-

ню. Много они оплакивали его на море и много плакали по нем на суше, но все эти слезы — как капля в море по сравнению со слезами, что пролили по нем перед Стеной Плача, как почувствовали они святость места, а его там нет. К примеру, пришли к царю царицы любимцы и явил им царь свои сокровища. Стоят они пред царем и вспоминают, что самого близкого царю нет меж ими. Печалются они, что не видит он царевых сокровищ, тем более что тот больше всех души вложил, чтобы сюда добратся, и конечно, порадовался бы ему царь. Достоин был Хананья стоять во главе их в этом месте, а вышло, что он — вдали от всех благ. Наконец встретили они субботу песнями и ликованиями, и пошли по домам и благословили вино, и разделили хлеб, и вкусили субботнюю трапезу, и вошла святость Субботы в суставы их.

И дражайшие иерусалимцы пришли к ним, как приходят посетить новорожденного младенца перед обрезанием — заветом Авраама, ибо подобен пришедший в Страну Израиля новорожденному, — приняли они на себя другой завет Авраама — завет Страны Израиля. И бодрствовали они всю ночь напролет и сказывали сказания и распевали гимны и псалмы, пока не заблестал рассвет, а тогда пошли в Собор Израиля.

Пришли в Собор и со спокойным сердцем помолвились. Кто укажет границы величию молитвы в Стране Израиля, а тем более в Иерусалиме, в святом месте, о котором сказано: «Да пребудут там мои очи и сердце» и т. д.? И р. Шломо дважды вошел к ковчегу, совершить благословение потомков Аарона-первосвященника, ибо в Иерусалиме каждый день священники-когены стирают длани, благословляя собрание, а в праздник и в субботу стирают длани и во время утренней и во время особой праздничной молитвы. А р. Шмуэль Иосеф, сын р. Шаломы Мордхая Левита, полил им воды на руки из

серебряного кувшинчика, что привез с собой р. Моше, а тот получил его от деда своего р. Авиддора. Р. Шмуэль Иосеф любое Божье повеление выполнял с пылом, а тем более — повеления, что напоминали о Храме. И так взволновались руки его от радости, что ударил кувшинчиком по чаше, и раздался звон, подобный звону тимпанов в Храме. Взошли священники к ковчегу, обратили лица к собранию, простерли сжатые персты, с запечатленными на них благословениями, и вознесли длани и благословили собрание гласом, подобным шуму крыл херувимов в райском саду, и так благословляли, пока не откликнулось собрание благодарственным «аминем». А р. Шломо, велика была его радость и велика любовь, когда выпало ему взойти к ковчегу в Иерусалиме — Святом Граде — и благословить Израиль любовью. Благословения так и рвались из его уст сами собой.

А читать из Пятикнижия позвали первым р. Шломо — священника-коэна, а затем р. Шмуэль Иосефа Левита, а затем р. Песаха — третьим, а затем р. Иосефа Меира — четвертым, а затем р. Алтера-учителя — пятым, а затем р. Алтера-резника — шестым, а затем р. Иегуду Менделя — седьмым, а затем р. Моше прочел из Пророков, а Лейбуша-мясника почтили подъятием Торы, а того, чье имя не упомянем, почтили свертыванием свитка. И вознесли они благословения до чтения Торы и после нее, и благословили Избавляющего и Проносящего, как положено мореходам, что вышли из моря на сушу. И ответили им собравшиеся «аминь», и пожелали им стоять в царевых чертогах, пока не явится Помазанник Божий, Царь-Мессия, вскорости, в наши дни, аминь.

И в тот миг раздался чудный звук, превыше всех звуков, подобный звуку, что слышали мы над морем. Глянули они и видят: стоит Хананья перед ними, и лицо его сияет от радости, и лик его лучезарен, как озаренные луной волны морские. И ростом он выше,

чем прежде, и на ногах — обуть. Приветствовал он их и порадовался с ними великой радостью и сказал: сыны Бога Живого, блаженны прибывшие сюда. Спросили его: а кто же возвел тебя сюда? Сказал он им: постелил я платочек по волнам и сидел на нем, пока не прибыл в Страну Израиля. Тут сразу все поняли, что тот облик, носимый по морю, был Хананья. И славословили они и возвеличивали Того, Кто достоин всех величаний, но все величания недостойны Его, Того, кто милостив к уповающим на Него, как сказано: «Милостив Господь к уповающим на Него», и сказано: «Я Господь, что уповающие на Меня не устыдятся». И применили они к Хананье сказанное: «Надеющийся на Господа окружен Его благодатью». После молитвы собралась святая община Иерусалимская на освящение субботы в их честь, и устроили целый пир с вином лозы и с вином горючим, что все гнали для своих нужд во время сбора винограда, перед праздником Кущей. И со всего города послали им лимонного варенья, и фигового, и варенья прочих добрых плодов, коими прославилась Страна Израиля. И явили им ласку во всем, а превыше всех явили ласку Хананье, что принял на себя завет мученичества и завет Страны Израиля. Хотели усадить его во главе стола, но он умалил себя и остался сидеть у самых дверей. Сказал Хананья: когда придет праведник наш, Мессия, неудобно ведь будет нам рваться к нему, вот и придется ему попросить меня подвинуться, дать ему пройти, а значит, и я чего-то в его глазах стою. Ну а не придет — кто я такой, чтоб сидеть во главе стола?

Так они сидели, и от всех вин отведали, и благословили Благого и Благотворящего, и учили главу из Мишны о десяти святостях, коими Страна Израиля святее всех прочих стран. И поставили перед ними овощ, что на вкус — как курятина, зажаренная в гусяном жиру. Ты только подумай, сколь славна Страна Израиля, — простой овощ, стоит на рынке

грощ за пару, а зажарить его в масле с пряностями — и будет на вкус как курятина в гусином жиру. Благословили Творящего плод лоз и Дающего жизнь и омыли руки к трапезе.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ. ПОД БОКОМ У БОГА

По исходе субботы сняли себе жилье, рядом со Стеной Плача, так что окна выходили прямо на место, где был Храм, и стали себе жить прямо у Бога под боком, под сенью у скинии. Женщины обзавелись одеяниями из белой шерсти, и пили, и вкушали от благ Страны Израиля и от плодов ее. И стряпали и пекли и с умом дома вели. И ни в чем им недостатка не было, даже в козьем молоке на Пятидесятницу. Жили себе под Богом в Стране Живых в Иерусалиме с Торой и молитвой, и добрыми деяниями, и доброхотными даяниями, и любовью, и страхом Божьим, и смирением. А в канун Нового месяца и в прочие важные дни Покаяния ходили к святым местам и молились за себя и за братию в Изгнании.

Однако не ровен час — ведомо всем, что праведнику, восходящему из чужих земель на Землю Израиля, суждено упасть, прежде чем возвысится, ибо свят воздух Страны Израиля и пустота предшествует Бытию. Однако Господь был им в помощь и дал им сил все принять с кротостию, пока не обрели нового разумения — разумения Страны Израиля. И изо дня в день испытывал их новыми испытаниями — то ударами и бранью, то ущербом денежным и ущербом душевным, ибо не схож с иноземьем Иерусалим, ни разу грешник не провел ночь в Иерусалиме, не расплатившись за грехи свои, — каждый день взимает Господь с жителей иерусалимских пеню за деяния их, чтоб не множилась задолженность

Иерусалима. Как судья, что крутит-вертит и так и этак, чтобы только оправдать людей, так и Господь Бог — как будто очи его Иерусалиму, а мучит Он жителей города, чтоб чисты были от грехов. Песиль, дочь р. Шломо, погибла от злобы ослицы, и Фейга умерла от злобы измаильтян: принес однажды водонос воды Фейге, а день был дождливый и колодцы переполнились, и вода его не понадобилась, — опрокинул на нее мех с водой, простудилась и умерла.

Но сердечные все принимали любовно, и от мук не отбрыкивались, и к Духу Божьему не придирались, и любой ущерб и вред переносили, и, утешаясь, говаривали: завтра Господь пошлет нам Избавление, и все беды окончатся. А если простой народ спрашивал, почему, мол, не отомстит Господь злодеям иноверским, что издеваются над сынами Его, как над пленниками, отвечали: как вы сравнили, так и мы сравним. К примеру, напали враги на царевича. Решил царь: стоит ли посылать войска отомстить врагам — сейчас я сам выйду со своими воинствами и их прогоню и осужу за то, что сына моего печалили, а сына возвращу домой с почестями великими и с весельем.

Одна беда тяжелей другой, а всего тяжелей — коли беда с заработком, если доходит человек до суммы и голод тревожит его ежечасно. Кошель их развязался, и деньги рассеялись и разошлись. Не прошло и года, как почувствовали, что заработка не хватает, ибо Страна Израиля от всякой суеты очищена и денег взять нам неоткуда, кроме того, что привозят из-за границы. В конце концов, пришлось им возложить заботу о пропитании на святые общины Страны Израиля.

Этим временем расстался Лейбуш-мясник со всей артелью и решил вернуться в Бучач. Сказал Лейбуш: посмотрите сами — ничего нет в этой стране, кроме баранины. С самого прибытия не полю-

бился ему Иерусалим; то, что искал,— не нашел, а то, что нашел,— не насыщало его тела. Другое дело — р. Иосеф Меир. Хотел р. Иосеф Меир жить в Стране Израиля, но не дали ему: постановили древние, чтоб не жил человек холостым больше года в Иерусалиме.

Но Господь Бог, чем мучит несправедного, тем же и ублажает праведника: на том же корабле, что увез Лейбуша, приплыла бывшая жена р. Иосефа Меира. Как прибыла, послал ей привет, а потом и обручился и повенчался с нею и узрел от нее поколение праведных, богобоязненных и боголюбивых. И р. Песаху и Цирль отплатила Страна Израиля, и продолжился их род, их сыны в свой черед стали в строй Легиона Всевышнего.

Так и жили без смятения, ожидая себе Избавления, братья наши со всей святой общиной Святого Града и исполняли завет жития в Стране Израиля, пока не пришел им конец, и тогда простились они с миром и вернули души Творцу всех душ, а тела вернули в лоно матери-земли и удостоились погребения в освященной земле на Масличной горе в Иерусалиме, против чертогов Господних, у подножия Всевышнего, вплоть до восстания к жизни вечной в день, о коем сказано: «И в тот день станут стопы Его на Масличной горе».

Однако дни и годы Хананьи продлились, и из года в год лишь прибавлялось ему силы и крепости. К восьмидесяти годам был как двадцати лет — в исполнении обетов и в добрых деяниях, и старости и усталости заметно в нем не было.

Много о Хананье складывают небылиц, что, мол, к примеру, когда прибыли любезные наши к берегам Яффы, сразу увидели Хананью — сидит и сушит платочек на солнышке. Но только неправда это: не успели друзья его прибыть, а Хананья уже был в Иерусалиме. И о платочке немало баек и небылиц сложено — мол, нашел его император Напо-

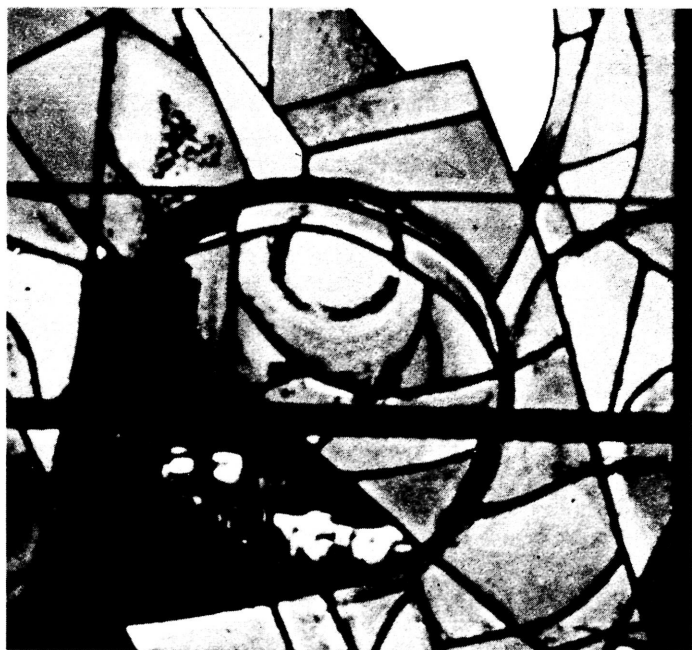
леон, сделал из него штандарт и под ним побеждал в битвах. Но только неправда это, ибо как скончался Хананья, покрыли этим платочком ему глаза.

А умер Хананья в новолунье Нисана. Препоясал он чресла платком и собрался на молитву. Вдруг ноги его подкосились. Сказал: просят эти ноги, чтоб я их не беспокоил. Помолюсь дома. А как дошел до стиха «Небеса — небеса Господу, а землю отдал сынам человеческим», вышла душа его чистая. Пришли и закрыли глаза и покрыли платком, и с трудом вытащили молитвенник из рук его, и омыли тело, и принесли в Дом Вечного покоя. Многие провожали его на вечный покой, и многие славил его. Кто славил силу простоты его, кто славил силу преблагости его, кто славил силу поспешания его, кто славил силу любви к Земле Израиля, кто славил силу упования на Господа, а кто славил все силы души его, ибо всеми отменными и благими силами души, что только даны Израилю во украшение мира Божия, отличался Хананья, мир праху его.

И наставники и мудрецы иерусалимские чаяли, чтоб записали его подвиги в книге, но от тяжести ига, скудости пропитания и раздоров отлагалось дело сие со дня на день и из года в год, пока не восстал я и не записал все похождения Хананьи в книге, и назвал ее «В сердцевине морей», во имя Хананьи, мир праху его, что проник в сердцевину морей и вышел оттуда с миром. Не убавил я ни слова из того, что слышал, и ни слова не прибавил к тому, что душа мне подсказывала. Одни прочтут сию вивлию, как читают сказку, а другие прочтут и извлекут из нее пользу. К первым я применю сказанное (Притчи 12): «Доброе слово развеселяет человека», доброе слово веселит душу и избавляет от забот, а последним я скажу (Псалтирь 36): «Уповающие на Господа наследуют землю».

Свершилась вивлия «В сердцевине морей».

ПУТЕВОДИТЕЛЬ
ПО
АГНОНУ

ВСТУПЛЕНИЕ

ОТКРЫТИЕ МИФА

Великого еврейского писателя Шмуэля Иосефа Агнона сравнили в час присуждения ему нобелевских лавров с Сервантесом. Но если уж нужны кастильские, а не только кастальские сравнения, то следовало бы уподобить Агнона Колумбу, ибо и писатель открыл перед нами неведомый дотоле мир — внутренний мир еврейского народа. Казалось бы, что тут загадочного? Евреи известны русскому читателю, как никто — они и сами перед глазами, и Библия — святая книга евреев — под рукой. Но это ощущение обманчиво. Как Том Кенти щелкал орехи королевской печатью, так евреи воспринимаются и воспринимались христианским миром вне всякой связи с их собственными духовными устремлениями, занятиями, чаяниями и идеалами. Когда украинец таскал еврея за пейсы, он видел перед собой грязного шинкаря или просто бездельника, обладатель же пейсов воспринимал себя как преемника древней традиции и проводил все свое свободное время в изучении древних законов и уложений Израиля. Духовный контакт — в отличие от делового — между сынами Израиля (как именуют себя евреи) и сынами Эдома (так евреи называют европейцев) был утрачен около двух тысяч лет назад. В те времена результат предшествующих духовных усилий Израиля стал известен миру — сначала через посредство Септуагинты (греческого перевода Библии), а затем — через христианство, дочернюю религию по отношению к библейскому иудаизму и сестринскую по отношению к иудаизму современному. Но духовные поиски евреев после окончательного раскола между христианством и иудейством по сей день почти совершенно неизвестны западному миру. Поэтому можно сказать, что евреи — один из самых загадочных народов мира, хоть они и часто появлялись в русской и мировой литературах, увиденные извне.

Пользуясь киношным термином, до Агнона мы не видели положения «с обратной точки». Наш век богат на открытия «обратных точек» — наши отцы читали повесть Арсеньева «Дерсу Узала» и видели азиата Дерсу глазами русского Арсеньева. Японец Куросава узнал в Дерсу своего родича и увидел весь мир Приморья и самого Арсеньева раскосыми глазами гольда. Таким образом, в его фильме мы увидели ту же ситуацию с «обратной точки».

Другой пример повествования «с обратной точки» — это «Слово о полку Игореве» с точки зрения половцев, как его переписал потомок половцев Олжас Сулейменов. (С «Аз и Я» Сулейменова настоящий путеводитель сближает и заведомое дилетантство комментатора.)

В повествовании с сврейской «обратной точки» у Агнона читателя поразит, насколько по-иному та же реальность «шинка, синагоги и евреев в лапсердаках» воспринималась изнутри и как мало замечали евреи, со своей стороны, своих иноверских соседей, если те не затевали погром.

Но, скажет читатель, и до Агнона было немало сврейских писателей, описывавших быт еврейства изнутри. Дело в том, что известные русскому и западному читателю первые современные еврейские писатели учились ремеслу светской литературы (невиданному раньше у занимавшегося лишь Библией еврейства) у окрестных народов и имитировали присмы иноязычных литератур, как Шолом Алейхем или Исаак Башевис-Зингер, или входили в иноязычные литературы, как Бабель или Беллоу. Агнон был первым, избравшим другой путь. Он создал светскую литературу — современницу и сестру религиозной сврейской словесности, как бы перекинув мост на тысячу лет назад и дописав — иногда сдиной фразой, — что написали бы евреи — современники Сервантеса, Данте или Пушкина, если бы они писали светскую прозу. По своей роли в современной ивритской литературе Агнон больше всего похож на Пушкина — он как бы привел свою литературу на самый высший современный уровень после долгого-долгого отставания. С Пушкиным Агнона роднит и то, что оба гораздо более важны для своих литератур, чем для мировой литературы в целом — недаром и Пушкин мало и плохо

переводился на иные языки и так нигде и не привился, знающие его по переводам иностранцы даже не понимают, чем так восхищаются русские.

Агнон родился в конце прошлого века в Галиции, в той части Польши (или Украины), что тогда входила в состав Австро-Венгрии, а сейчас является частью советской Украины, в городке Бучаче (ныне Тернопольской области). В начале века он взошел на Землю Израиля, провел несколько лет в Яффе и в Иерусалиме, затем на много лет вернулся в Европу: в Польшу и Германию — и уже в 20-х годах вернулся в Иерусалим, где и жил до самой смерти (он умер двадцать лет назад). Агнон немало описывал жизнь евреев своей родной Галиции, находя в ней невиданные красоты и прелести. К евреям в те дни все были склонны относиться с долей презрения, сами же евреи из России и Польши относились с немалым презрением к евреям Галиции. Тут было легко сбиться на апологетику еврейства вообще и галицийского еврейства в частности. Но этого нет у Агнона — красота еврейства, краса Израиля, так очевидна для него, что нет надобности отстаивать ее. И краса галицийских евреев в том, что они суть евреи, проводившие дни в молитвах и учении, в том, что Галиция — это преходящая пора в их жизни, вызванная Изгнанием евреев из Страны Израиля.

Получая Нобелевскую премию в 1960 году, Агнон начал свою речь ключевыми для его творчества словами: «Из-за Тита Злодея, разрушившего Иерусалим и изгнавшего Израиль, я родился в одном из городов иноземных, но я должен был родиться в Иерусалиме». И действительно, все его труды можно было свести к устранению последствий римской победы.

Для выполнения этой сверхзадачи он пробудил к жизни дремлющую в народе энергию мифа. Язык мифа легче понятен нам, чем нашим предпочитавшим реализм отцам. В шотландской церкви св. Андрея напротив горы Сион в Иерусалиме погребено сердце шотландского короля Роберта Брюса, гласит традиция. Как попало туда сердце короля? Брюс завещал похоронить свое сердце в Святой Земле, но на корабль, везший его останки из Шотландии к берегам Палестины, напали пираты. Корабль уже тонул, когда капитан вынул сердце Брюса из ларчика, раз-

махнулся и бросил его в сторону Святой Земли. В то же утро сердце шотландского короля оказалось в Иерусалиме. Этот христианский миф похож на многие еврейские мифы, и там, где наши отцы увидели бы либо акт веры, либо сказочку, мы видим прямое, непосредственное отношение к Святой Земле, подобное тому, что показано в рассказе Агнона «Прах Земли Израиля». Труды современных культурологов и фольклористов все чаще напоминают классические еврейские экзегезы — комментарии и пояснения к древнему мифологическому материалу. Каин убил своего брата Авеля. Господь заклеил ему лоб Каиновой печатью, чтоб его узнавали и не трогали. Вульгарные антирелигиозные авторы прошлого посмеивались: зачем нужна эта печать, ведь людей на земле, по словам Библии, тогда не было, кроме самого Каина и его родителей Адама и Евы. Современный фольклорист Гастнер, ученик Фрэйзера («Золотая ветвь»), разъясняет: печать, по логике мифа, должна была защитить Каина от духа убиенного Авеля. Перед нами — древний ритуал защиты от духов. Эта готовность разобраться, а не отмахнуться от логики мифа сближает нас с древними. Прогуливаясь по страту у врат Тивериады, составитель Путеводителя и галилейский житель Анри Волохонский обсуждали, например, падение стен Иерихона. Воины Иисуса Навина обошли Иерихон, трубя в трубы, и рухнули стены Иерихона. Сколько шуток придумали на эту тему вульгарные антиклерикалы, сколько историй про резонанс навывдумывали апологеты, Анри же Волохонский предложил блестящее фольклористское объяснение: Иерихон, как и прочие ханаанские города, был построен на костях человеческих жертв — чтоб стоял навеки. Намек на это содержится в книге Иисуса Навина (6:25): «На первенце своем», хоть в современном чтении речь идет только о проклятии на будущее, за ним, несомненно, кроется и воспоминание о прошлом Иерихона. Иисус Навин трубил в трубы, чтобы эти мертвецы подумали, что настал день Восстания мертвых, — и встали. Когда встали мертвецы, рухнули стены города. Иными словами, обычай человеческих жертвоприношений был притивен сынам Израиля, и миф показывает это отношение: человеческие жертвоприношения Ханаана — одна из причин гибели его городов, одна из причин того, почему хананеяне

лишились Земли Ханаанской, а сыны Израиля получили ее в наследие, или, как сказано в Книге Второзакония (9:5): «Не за праведность твою ты наследуешь землю сию, но за нечестие народов сих Господь изгоняет их».

Из всех форм проявления религиозного чувства миф ближе всего к искусству, поэтому Агнон обратился именно к мифологическому выражению единобожия евреев для создания новой еврейской литературы.

ЯЗЫК АГНОНА И БИБЛИЯ

При переводе Агнона на русский многие из его оборотов будут немедленно узнаны интеллигентным читателем: это цитаты из Библии, известные и христианам. Действительно, современная еврейская и христианская культуры выросли из одного дерева, и эта общность истоков, общность первичного мифа должны были бы, казалось, помочь читателю понять подтекст Агнона. Именно это иногда смущает израильских ортодонсальных переводчиков с иврита на русский: возникла цлая концепция борьбы с «охристианиванием» еврейского текста вообще и в частности у Агнона. Так, по этой концепции, описание героини Агнона, Техилы из одноименного рассказа (проф. Флюссер сравнил ее с Матреной из «Матренина двора»), которое без украшений и отсебятины можно было бы перевести так: «Праведница была, мудра была, миловидна была и смиренна была», следует переводить так: «Умная, справедливая, скромная удивительно, симпатичная необыкновенно», потому что такие слова, как «праведница», «смиренна» и т. д., носят «христианский» оттенок. По этой же концепции, нельзя использовать в переводах такие слова, как «лампада», «молитвенник», «сретение» — так как они пахнут ладаном. У переводчиков, следующих этой концепции, болезненное отношение к синодальному переводу Библии на русский. Использование лексики этого перевода в их глазах равнозначно измене еврейскому народу, поэтому они придумывают несуществующие слова или не переводят очень много слов, оставляя ивритские слова в русском тексте, где и перевести было бы несложно, как, например, «сидур» вместо «молитвенник». Особенный гнев сторон-

ников этой концепции вызывает попытка передать слово «Ш'хина» как «Святой Дух» (или «Дух Божий»), хотя ясно, что эти понятия возникли в одно и то же время в еврейской среде и, видимо, были более или менее тождественны. И Ш'хина и Дух Божий представлялись в виде птички-голубки, были и частью Бога, и отдельно от Бога и т. д.

Христианская терминология легко переводится на иврит и наоборот, что несколько озадачивает. Евреи как во времена Иисуса, так и в наши дни совершают омовение в живой (проточной или дождевой) воде. Это омовение очищает от скверны и — метафорично — от грехов. Обряд омовения (твила) был принят Иоанном и сделан центральным как в его секте, так и в учении его последователя Иисуса. В наши дни христиане называют этот обряд «крещением» и совершают его раз в жизни. Евреи же продолжают совершать ритуальное омовение по крайней мере раз в неделю. Все же трудно переводчику написать по-русски: «Перед наступлением субботы он пошел креститься в купели», хотя на иврите одна и та же фраза передает и ритуальное еженедельное омовение еврея перед субботой, и крещение Иисуса и его учеников в водах Иордана.

Хотя синодальный перевод очень хорош, в нем все же содержатся и ошибки, и толкования, не принятые в настоящее время у евреев. Примером ошибки по невведению может послужить перевод «эц хадар» как «красивое дерево» вместо «цитрусовое», пример разночтения еврейской и русской Библий, основанный на различных толкованиях, можно найти в Песни Песней. Там содержится фраза: «Мошхени ахареха наруца», буквально: «Влеку меня за тобою вместе победим». Вопрос, где следует поставить запятую? Современная еврейская традиция ставит запятую за словом «тобою», и получается — девушка говорит юноше: влеки меня за тобою, вместе мы победим. Синодальный перевод ставит запятую (вслед за одним из еврейских символических толкований Песни) за словом «меня», имея в виду то, что Церковь говорит Христу: влеки меня, за тобою (Христом) вместе мы (все христиане) победим. Почти любая трактовка синодального перевода основана на той или иной еврейской традиции, но не всегда на ос-

новой, принятой и в наши дни. (Иногда бывают и простые ошибки, как, например, перевод имени Бат Шева — Вирсавия, очевидно, в результате путаницы с Беэр Шевой — городом в Негеве.)

Немало сложностей и с переводом имен.

Будучи абсолютно последовательным, переводчик должен либо называть пророка Самуила Шмуэлем, либо самого Шмуэля Иосефа Агнона — Самуилом Иосифом. И то и другое режет глаз. Решение этой проблемы было предложено знаменитым Лоуренсом Аравийским, издавшим в 20-х годах свою эпопею «Семь столпов мудрости». Книге предпослана «Переписка автора с корректором», где корректор замечает, что одно и то же наименование каждый раз пишется у Лоуренса по-разному: иногда Рувалла, иногда Руалла, а то и Руэли. Лоуренс отвечает: «Здорово это я вколоч! А будет еще и Рувала и Руала, чтобы показать, какой, в сущности, это вздор — передача звуков одного языка на другом языке, совершенно неродственном ему». Лоуренс был прав — записью имен и мест на другом языке можно пользоваться лишь для удобства, но не для далеко идущих выводов. Олжас Сулейменов в уже упоминавшейся книге «Аз и Я» пытается произвести многие еврейские имена, в частности Рахиль, от имени египетского бога солнца Ра, причем в результате его разбора читателю становится ясно, что Сулейменов не подозревает, что в слове Рахиль на иврите нет буквы «а» вообще, и, более того, ему и невдомек, что «алиф», «аин», «хет», «хаф» и «хей» — все разные буквы и звуки, хоть на русском они передаются как «а» или «х».

Существуют и другие языковые проблемы в переводах Агнона. Иногда у него попадает стандартный разговорный язык, легко переводимый на современный русский, иногда — библейская лексика, как в этом отрывке из «Идо и Эйнам» в прекрасном переводе Ицхака Орена: «Гевария, сын Геуэля, был мужественнейшим из мужей. Лик его — словно лик льва, сила его — словно сила вола, а бег его легкий, как полет орла». Но обычно он отворачивается от языка Библии, бывшего, к слову, весьма модным у ивритских писателей XIX века, и обращается к архаическому и шершавому средневековому «языку мудрецов», языку религиозной средневековой словесности, напоми-

нающему язык «Жития протопопа Аввакума» или тыняновской «Восковой персоны». Он использует своеобразную пунктуацию, как бы размывающую грань между прямой речью, цитатой и авторским текстом (переводчик попытался сохранить пунктуацию Агнона), выбирает сухие, книжные архаические выражения. Если перевести это на стандартный русский — исчезнет своеобразие агноновской прозы. Обычный довод в защиту такого метода перевода, приводившийся, например, при спорах советских переводчиков Мольера и Шекспира, таков: «Ведь своим современникам и Мольер, и Шекспир не казались архаичными». Этот довод неприменим в случае Агнона. Ибо главная особенность Агнона состоит как раз в том, что он архаичен для своих современников — для нас, ибо Агنون — совершенно современный писатель.

КОПИЯ НЕСУЩЕСТВУЮЩЕГО ОРИГИНАЛА

Но почему Агنون решил писать архаичную прозу? Осторожный читатель заподозрит в этом стилизацию, и напрасно — за стилизацию не дают нобелевских лавров. Не умел писать по-иному? Тоже неверно, Агنون был человеком образованным и просвещенным, знатоком современной литературы, он разбирался и во французской поэзии, и в немецкой философии. Почему этот писатель решил писать языком старинных легенд? Дело в том, что Агنون был собратом Пьера Менара — вымышленного Борхесом автора «Дон Кихота».

Пьер Менар — герой рассказа Хорхе Луиса Борхеса, символист, поклонник Валери и Малларме, — поставил перед собой задачу написать заново «Дон Кихота», подобно тому как Шмуэль Иосеф Агنون решил воссоздать средневековую литературу на иврите. Как поступил Менар? «Он не собирался написать нового «Дон Кихота» — что было бы нетрудно, — но того самого «Дон Кихота». Нет нужды говорить, что Менар не собирался механически переписать оригинал; его достойным восхищения намерением было создать несколько страниц, совпадающих слово в слово с текстом Сервантеса», — пишет Борхес. И брат Менара, Агنون, не собирался стилизовать свои

истории под отжившие средневековые легенды или переписать сохранившиеся, хоть он и посвятил немало времени сбору, обработке и публикации легенд из Талмуда, мидрашей и хасидских сборников. Он хотел написать несколько страниц, абсолютно идентичных со средневековой легендой и абсолютно оригинальных в то же время.

«Чтобы добиться этого, Менар мог пойти по «простому» пути,— пишет Борхес,— овладеть старинным испанским, стать ревностным католиком, забыть историю Европы с 1602 года по наши дни, стать Мигелем Сервантесом и затем естественно написать "Дон Кихота"». Агнон мог бы забыть о Просвещении, Кафке и Ленине, писать на языке средневековья, проводить дни и ночи среди книжных червей того или иного еврейского гетто, короче — стать средневековым летописцем, преисполненным Духа Божия и чуждым новомодным ухищрениям. Тогда легенды и сказки сами потекли бы с его пера.

Но Менару и Агнону этот путь показался менее трудным и менее интересным, а отказ от знаний и широкого кругозора — унизительным. Оба взяли на себя «почти невозможный труд воссоздания средневекового произведения, которое было так легко написать в средние века и так трудно — триста лет спустя», на основе жизненного опыта человека XX века.

Вот что пишет Борхес об успехе своего героя (прошу прощения за длинную цитату): «"Дон Кихот" Менара, несмотря на свою фрагментарность, гораздо тоньше сервантесовского. Хотя их тексты совпадают до последней буквы, проза Менара куда глубже и сложнее, ибо культура XX века сложнее культуры XVII века. Например, Дон Кихот в известном рассуждении о словесности и оружии решает в пользу последнего; для Сервантеса — бывшего солдата — это очевидно, но почему на эту же удочку ловится и Менар? По мнению критиков, в этом сказывается влияние Ницше. Откровению подобно сравнение «Дон Кихота» Менара и Сервантеса. Так, Сервантес пишет: «История, мать истины». В устах человека его времени — это пустая риторическая похвала истории. «История — мать истины», — пишет Менар. Казалось бы, те же слова, но какая ошеломительная идея: Менар — современник Уильяма Джеймса — рассматривает историю не как исследо-

вание реальности, а как ее источник. По словам Менара, историческая правда — не то, что случилось, а то, что нами решено, что случилось».

Агنون тоже неизмеримо глубже средневекового сказителя. Если его герои избирают следовать по пути веры, они близки в этом героям Камю и Сартра. Подобно поступкам героев экзистенциалистской литературы, их важнейшие поступки совершаются вне рамок каких-то обязательных идеалов, они готовы на гибель не за «что-то», но во имя своей собственной цельности. Герой «Сретенья невесты» не боится камней мальчишек, потому что он уже прочел дорожную молитву, — и это написано человеком, знавшим, что тысячи праведников вышли дымом сквозь трубы крематориев Освенцима и Майданека, и вера не защитила их, и чудес не произошло. Поэтому он может себе позволить — и это не смешит современного читателя — описывать чудо над водами в «Сердцевине морей» и еще большее чудо в «Деяниях посланца».

Статика Агнона — не средневековая застылость, но точно рассчитанная неподвижность современника Беккета. Беккет разработал стратегию долгого, затянувшегося ожидания, неподвижности, после которой любое движение приходит, как гром. Агنون тоже понимает этот прием и пользуется им. Для этого — и повторы и длинноты у Агнона. Эти повторы используются для гипнотизации читателя, они становятся бесконечной молитвой «Наму Амида Бутсу» буддизма Чистой Страны, чтобы потом одним словом добиться озарения, «сатори».

Но в одном Агنون «переборхесил» борхесовского героя: он воссоздал — слово в слово — несуществовавшего «Дон Кихота». У нас не было средневековой литературы, частью которой могли бы стать его «Сретенье невесты», «В сердцеvine морей» или предлагаемые здесь рассказы. Агنون реконструирует никогда не существовавший храм никогда не исповеданной религии: ни литературы такой не было, ни евреев таких не было, а был огромный пробел от классической до новой ивритской словесности, который Агنون заполнил — и заполнил массой жанров. Вот его огромный роман «Сретенье невесты», этот «Возвращенный рай» еврейской литературы, где праведникам хорошо и при жизни, роман, который Шведская Академия

сравнила, присуждая автору Нобелевскую премию, с «Дон Кихотом» (конечно, Менара). Вот повесть «В сердцеvine морей», одно из наиболее совершенных произведений, средневековая легенда, в которой, как в вогнутом зеркале, отражается весь мир еврейства. Вот его рассказы — они могли бы быть написаны гениальным средневековым писателем, которого у нас почему-то не было, но насколько они глубже и тоньше!

Возникает вопрос: почему же не был написан средневековый оригинал? Это можно понять, сравнив развитие духовной жизни еврейства с другой историко-литературной аномалией — с Японией периода Хэйан. Тогда вся японская литература создавалась женщинами — от «Повести о принце Гэндзи» до «Записок у изголовья», — в то время как мужчины занимались более достойным и важным делом: они заучивали стихи китайских поэтов и версифицировали на их темы. Писать по-японски для мужчины считалось делом недостойным: надо было заучивать и подражать образцам поэзии Танского Китая. Евреи в средние века, от разрушения Второго Храма и до новых времен, не писали — упаси Боже! — светских книг, они заучивали классические образцы — Библию и Талмуд — и обсуждали их с превеликим почтением. Их рассуждения и образ жизни духовной были бы вполне понятны принцу Гэндзи. Среди еврейских женщин — может, из-за незротичности еврейской культуры — не нашлось Мурасаки Шикибу. Из-за этого евреи не писали великих книг, а оставались в мире цитат из Библии. Поэтому в средние века и не был написан оригинал повести «В сердцеvine морей» или рассказ «Деяния посланца». Человек агноновского таланта в средние века написал бы еще один комментарий на книгу «Зоар», но не такой рассказ. Писатель светских книг — занятие недостойное в глазах традиции, а писатель религиозных светских книг — этого бы и Борхес не выдумал.

УСТРОЙСТВО НАШИХ ГЛАЗ

Но почему Агнону, не вымышленному, а взаправдашнему писателю, удалось выполнить такую искусственную

задачу, как воссоздание ненаписанной повести? В этом ему помогло особое свойство еврейского видения мира. В еврейских глазах мир плосок и начисто лишен перспективы. Когда и где происходят описываемые в его «средневековых» рассказах события? Можно ответить на этот вопрос, как можно установить географию и хронологию у Фолкнера или Толкина; агноновская Йокнапатофа или Средиземье — это Галиция, время — где-то конец XVIII — начало XIX века. Но отвечать на этот вопрос не следует. Одного учителя дзэн-буддизма спросили: если во всем есть Будда, то есть ли Будда у собаки? Он ответил: «Му» («ничто, пустое место»), то есть на такой вопрос нельзя дать ответа, сам вопрос неверен. Так же и с вопросом о месте и времени у Агнона.

Агнон интересен именно своей абсолютной вневременностью. У Агнона нет описаний былого, несхож он с Исааком Башевисом-Зингером, глядящим в прошлое. Для Агнона нет различия между прошлым и настоящим, нет перспективы, как нет ее на картинах Брейгеля или на египетских барельефах. Еврейский народ живет так долго, что любой угол перспективы, как бы широк он ни был, привел бы к потере целой эпохи. Чтобы избежать этого, еврейская традиция отказывается от всякой перспективы, и все события — от разрушения Храма до вчерашнего погрома — существуют для нее «одновременно». Этому помогает технический прием «совпадения дат». Сколько горестных событий у евреев — на каждое не нагрестишься, поэтому традиция объединяет их, заставляет выпадать на то же число. В девятый день месяца ава, по традиции, был разрушен Первый Храм, разрушен Второй Храм, залито кровью восстание Бар Кохвы, изгнаны евреи из Испании и произошла «Хрустальная ночь» в 1938 году в Германии — начало «окончательного решения» еврейской проблемы. Еще больше этому эффекту «единовременности» помогает особое свойство иврита — очень древнего семитского языка. Даже по очень подробному описанию события на иврите трудно догадаться, идет ли речь о библейской древности или о наших днях. Враги Израиля — все те же «сыны Эдома», «сыны Исава», «агаряне» — как в древности, так и в наши дни. Король Франции и правитель Трансиордании называются одинаково — «Царь

Эдомский». Погибший от копья бедуина в XII веке Иегуда Галеви и убитый вчера арабским террористом еврей «пали от злобы агарян». «Да сотрется имя его», — говорится и после имени Тита, разрушившего Храм, и после имен Гитлера или Петлюры. В гениальном рассказе Агнона «С приходом дня» невозможно понять ни по началу («Когда разрушили враги мой дом, взял я маленькую дочь на руки и бежал с ней в город»), ни по последующим страницам, когда и где происходит действие: в Палестине при муфтии Хусейни, или на Украине при Богдане Хмельницком, или в еще более глубокой древности.

Этой неизвестностью выражается абсолютная универсальность еврейской судьбы, то, что она не зависит и не меняется со сменой места и времени. Место и время случайны для еврейской истории и литературы. Можно сказать, что действие всех рассказов Агнона происходит в одной стране — в Еврейской стране, которая, из-за злодея Тита, разрушившего Храм, простиралась пятнами и полосами от России до Америки, в стране, где не только никогда не заходило солнце, но никогда не уходила и ночь, солнце Торы и ночь Изгнания, как сказали бы герои Агнона. И где именно в этой стране происходит действие — в Польше, Алжире или в самой Стране Израиля до прихода Мессии, — совершенно неважно: после разрушения Храма мы носим Изгнание на подошвах (это сказано не для того, чтобы умалить достоинства Земли Израиля, а для того, чтобы не умалить тяжести нашего Изгнания). И время также не важно, ибо наши часы остановились с разрушением Храма. На вопрос о времени действия можно ответить просто: Храм уже был разрушен, а Мессия еще не пришел.

ЕВРЕИ И ЗАПАДНАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ

Хотя на протяжении последних двух тысячелетий евреи жили в среде народов мира, а последние несколько сот лет даже активно участвовали в их жизни, все же духовный мир евреев этой поры остался совершенно неизвестным иноплеменным народам. Можно сказать, что

все, чем мы занимались с момента завершения Библии, известно европейцам меньше культурных поисков Японии эпохи Токугавы. Древняя культура Израиля — в первую очередь Библия, ее этика, поэтика и принципы — стала одновременно основой и последующей, никому не ведомой еврейской культуры и всем известной западной христианской цивилизации. Эти две дочерние культуры практически не влияли друг на друга в течение многих веков и шли разным ходом. Одна из них стала универсальной и всемирной, другая замкнулась в себе, пошла вглубь, а не вширь.

Христианская культура восприняла наследие Греции и Рима, способствовала созданию произведений искусства — литературы, живописи, музыки. Еврейская культура осталась на чисто религиозной почве, полностью отказалась от всех нерелигиозных форм выражения человеческого духа. Евреи, как уже сказано, не писали светских книг — лишь толкования к Библии.

Создание Библии было самым фундаментальным событием в истории евреев — не менее важным, нежели открытие единого Бога. Это и послужило одной из причин раскола между еврейством и христианством. Со времени возвращения пленников из Вавилона, со дней Эзры, дух религиозного бунтарства и культурного творчества был ограничен абсолютным приматом Библии. «Бог не имеет права изменять Закон». «После разрушения Храма дар пророчества дан лишь пьянчугам и дуракам», — говорится в Талмуде. Иными словами, в еврействе Второго Храма и позднее не было места даже для прямого вмешательства Господа, не то что для вмешательства опосредованного — через пророка. В Талмуде говорится о двух ученых мужах, споривших о Законе. Один из них призвал себе в свидетели стены дома — и они послушно наклонились, но другой сказал: когда беседуют люди, стенам вмешиваться нечего, то есть и чудо меня не убедит. Тогда раздался глас Божий: прав первый. Второй возразил: Закон не на небе, с тех пор, как Ты дал его нам, Ты ему не хозяин. В конце этой легенды Господь соглашается со вторым богословом.

Этот максимализм, по которому «нам не нужно Бога — он уже все сказал и не вправе дополнить или уба-

вить», хотя и не был единственным направлением религиозной мысли, был, возможно, одной из причин появления христианства — поначалу бывшего бунтом за Бога и против недвижимого Писания. Однако вскоре выяснилось, что за пределами этого максимализма, этой полной верности Писанию, трудно соблюсти и принципы единобожия. Так, христианство быстро отошло от всех основных норм материнской религии и завело себе иконы, которых не одобрил бы праотец Авраам; бунт «за Бога» стал бунтом «против Бога». Возникновение христианства оказалось травмой для еврейства, и оно еще глубже ушло в себя, — недаром «нашу собственную» Библию перевели на другие языки и использовали против нас, для оправдания идеи других богов. «В день, когда старцы перевели Писание на гречкий язык для царя Талмая (Птолемея), мгла на землю легла и лежала три дня, ибо не все в Писании перевелось достаточно», — говорит легенда.

А то и почище: пост есть у евреев 9-го тевета, а почему — в книгах не сказано. Но указали мудрецы, что был это день смерти Эзры-книжника. А почему в книгах не сказано? Из почтения к Эзре, ибо в те же дни (века спустя) вышел перевод Торы на греческий язык, и заслуги Эзры не уберегли от этого. Сказано ведь: не опередил бы его Моисей, достоин был Эзра получить Тору с Синая. Но Моисей и по смерти защитил народ Израиля: так, собрался злодей Аман (см. кн. Эсфири) погубить евреев в месяц, когда умер Моисей, и вышло наоборот — как раз тот день нам в помощь. А день смерти Эзры нас не уберег от напасти перевода, и потому, хоть и есть пост, скрыли мудрецы, что в честь Эзры, чтоб не срамить его.

«Время рвать и время шивать», — говорится в Екклесиасте. Легенда объясняет: перевод Писания на греческий разорвал, привел к разрыву между евреями и крестившимися, а перевод обратившегося в иудаизм Онкелоса сшил еврейство с пришедшими к нему.

Именно после разрыва с христианством, после того как евреи выбрали чистоту вместо универсальности, еврейская культура стала совершенно эзотерической, герметической, в чем-то схожей с другими эзотерическими культурами Азии, хотя народ — ее носитель — и жил в центре западной цивилизации.

Культура развивается либо революционно, либо эволюционно. Революционное развитие культуры породило Ренессанс, а у евреев дало Пророков и другие книги Писания. При революции создаются новые жанры и совершенно новые произведения. При эволюционном развитии увеличивается до бесконечности изощренность и точность работы мастера, та же вещь делается все лучше и лучше, стремясь к недостижимому идеалу, однако никто не отбрасывает идеал, чтобы сделать нечто совершенно новое. По такому эволюционному пути развивалась культура Японии во времена Токугавы; среди ее достижений — чайная церемония, где новшества немыслимы, театр Но, где все позы актера заранее записаны и где существует — в кантовском смысле — идеально сыгранная пьеса.

Еврейская культура после ликвидации последствий христианского бунта стала на путь Токугавы, на путь эволюционного развития и стремления к совершенству. Ее целью стало абсолютное знание и понимание Писания и исполнение его Заветов. В течение веков евреи составляли комментарии к Писанию, комментарии к комментариям, а в свободное время — молились. Такая концентрация позволила достичь невероятных результатов, в частности всеобщего знания текста Писания с десятками комментариев и объяснений. Поэтому Агнон может назвать сборник своих рассказов «На скобы замка», и образованному еврею будет ясно, что речь идет о цитате из Песни Песней (5:5): «И с перстов моих капала мирра на скобы замка». Поэтому герои его рассказов перебрасываются замечаниями, для понимания которых требуется просидеть немало времени в мидраше — этих медресе, библиотеке, университете и клубе, слитых воедино.

Таким образом, ценности еврейской культуры, ее достижения не понятны непосвященному, как непонятно для постороннего совершенство мастера чайной церемонии. И это сравнение не случайно — и японцы, и евреи смогли уединиться на многие века и тихо полировать результаты предыдущего взрывообразного развития своей культуры.

Из-за такой плотности ассоциаций и Агнона, и Мураками Шикибу читать трудно — в переводе ли, в подлиннике ли. Но зачем вообще тратить время на эзотерическую литературу? Западная цивилизация далека от стремления

к идеалу. Поиски совершенства — это, скорее, восточная идея. Но все же интересно посмотреть, что получится, если сотни лет практиковаться в церемонии подачи чая или объяснять все Библией. Вторая причина — эзотерическая литература может быть прекрасной литературой, как в случае Агнона. До сих пор в смысле влияния на окружающий мир евреи могли бы жить не то что в Японии — на острове Пасхи, и созданная ими абсолютно совершенная герметическая культура пока так же неэкспортна, как сады Киото и пьесы Но. До последнего времени мир и не мог узнать о еврейской культуре, однако оказать влияние никогда не поздно.

Для понимания Агнона нужно многое объяснять. Единственный выход — снабдить перевод комментариями. Правда, комментарий, раскрывая загадку, тем самым полагает предел поискам читателя, но он же и указывает возможное направление поиска.

Предлагаемые комментарии основаны на тех же книгах, на которых основывался и Агنون, — на Библии и комментариях к ней: на Мишне и Талмуде, на древних и средневековых сказаниях, отраженных в легендах и в Каббале. Это не комментарии ученого, не толкования богослова, но пояснения читателя-дилетанта другим читателям-дилетантам. Поэтому в них могут найтись смешные ошибки и результаты непонимания текста и незнания основ, но переводчик — это всего лишь читатель, а не идеальный сверхчитатель, и, как всякий читатель, он не все понимает и не все замечает. В результате русский читатель сможет оценить Агнона, как средний — а не идеальный — ивритский читатель.

При составлении комментариев переводчик избегал ссылок на источники, чтобы не утяжелять книгу. Не все ли равно читателю, на какой странице Талмуда сказано то или другое? Да и Талмуд — не первоисточник, а лишь запись воспоминаний о первоисточнике. Устная традиция Израиля насчитывает более трех тысяч лет, уходя корнями в древние царства Вавилона и Египта. Все записи этой традиции гораздо более позднего происхождения, в результате точность ссылок на самом деле лишь вводит читателя в заблуждение.

И главное — переводчик не стремился охватить весь

свод еврейских знаний и традиций, но лишь упомянул непосредственно связанные, по его мнению, с текстом Агнона.

Здесь представляется удобным поблагодарить всех тех, без кого эта книга не вышла бы в свет: мою жену Ингрид Биргитту, поощрявшую меня, мать Эстер, помогавшую с редактурой, сына Иони — первого слушателя, Израэля Садияэля из кибуца Кфар Эцион, Шломо Цукера из Национальной Библиотеки, проф. Орбаха, проф. Флюссера, Ицхака Орена, Дова Садана, проф. Версеса, отвечавших на мои частые вопросы, Наташу Рубинштейн, Сашу и Иру Верник, помогавших с редактурой и корректурой, Майю Каганскую и Рафаэля Нудельмана, сделавших ряд ценных замечаний, Володю Глозмана и Феликса Дектора, организовавших набор, и, last but not least, издательство «Радуга», донесшее эту книгу до советского читателя.

ПОЧЕМУ УЧИТЕЛЯ НАШЕГО МУДРЕЦА РАББИ ИЗРАИЛЯ ИССЕРЛЯЙНА НЕ СРАЗУ ВПУСТИЛИ В РАЙ ПО КОНЧИНЕ

...по кончине — рабби Иссерляйн (Исерлин, Иссерлейн), р. Израиль бен Птахия, известный как Марбургский мудрец, скончался в Винер-Нойштадте в 1460 году.

Стр. 23

«Тук Жертв» — назвал он так свою книгу ответов на незаданные вопросы еврейского закона («Все, что вы хотели знать, но стеснялись спросить» XV в.) еще и потому, что тук — «дашан» на иврите — при переводе букв в цифры даст 364, — число отвеченных вопросов в книге.

...шесть десятков тем ангелов... — в память шести десятков тем сынов Израиля, что вышли из египетского плена. Евреи, как и японцы и китайцы, считают не только тысячами, но и десятками тысяч — тьмами. Эти шесть десятков тем (шесть тем тем) ангелов уже спускались с неба (по другой легенде — двенадцать тем тем), чтобы возложить венцы на сынов Израиля у горы Синай при получении Торы — Закона Божия.

...два венца на лоб — как сынам Израиля у горы Синай. Почему два венца? Спросил Моисей народ: будете ли исполнять Тору? и народ ответил: Н'ШЭ ВНШМ? (Исход 24:7), по синодальному переводу: «Все... сделаем и будем послушны». Но «НШМ» означает не только «послушны», но и «выслушаем», поэтому традиция объясняет эти слова так: выполним и выслушаем, повинемся и выслушаем. Все народы говорят обычно: слушаем и повинемся, то есть: сначала выслушаем, а затем повинемся, а евреи еще не услышали слов Торы (по традиции, Тора была дана после этого), а уже пообещали исполнять ее. И за эти слова ангелы и возложили венцы на лоб сынам Израиля, каждому два венца, один — за «выполним» и один — за «выслу-

шаем». Что же стало потом с этими венцами? Когда Моисей ушел на гору Синай и не возвращался 40 дней и 40 ночей, решили сыны Израиля, что он сгинул, и отлили себе золотой кумир в форме тельца, тельца потому, что, когда Престол Господень явился сынам Израиля (Исход 24:10), народ разглядел одного из небесных Зверей, несущих Престол Всевышнего, и Зверь этот был подобен быку. Решили сыны Израиля, что это и есть их Бог, и потому отлили золотого тельца. Тельца этого потом разбил Моисей и приказал народу: «Твердо держите в душах ваших, что вы не видели никакого образа в тот день, когда говорил с вами Господь на Хориве» (Второзаконие 4:15). Но тем временем ангелы отобрали венцы и дали их на хранение Моисею. При входе в рай возвращают праведнику эти венцы — возвращают, потому что души всего Израиля — родившихся и не родившихся — были у горы Синай в час получения Торы, по сказанному (Второзаконие 5:3): «Не с отцами нашими поставил Господь завет сей, но с нами, которые сегодня живы».

восемь миртов — мирт растет в раю, а на земле благословляют над ним Господа в течение восьми дней праздника Кущей, потому и восемь.

«...иди и вкушай...» — Екклезиаст 9:7.

Тора (Учение) — в узком смысле слова — Пятикнижие Моисеево, первые Пять книг Библии. Тора была дана Моисею Богом на горе Синай, но существовала она всегда, даже до сотворения мира, и по ней, как зодчий по чертежу, Господь создал мир. Поэтому каждая буква в ней важна, и меняющий в ней одну букву губит целый мир. Начинается Тора с буквы «Б» (Берешит — в начале), а не с «А», потому что Господь Благословил, а не Анафему наложил на мир. Еще один пример того, что каждая буква полна смысла и тайны: сказано (Бытие 1:31): «И увидел Господь все, что Он создал, и вот, хорошо весьма». «Хорошо весьма» — на иврите «тов ме'од». Но у мудрецов наших хранился свиток Торы с опиской: «тов мавет» — «И увидел Господь все, что он создал, и вот — хороша смерть». Прочесть вслух такой свиток — рухнет мир.

Поэтому к Пятикнижию у евреев особое отношение и никогда не перестанет Израиль изучать Тору.

Но Торой именуют и другие части Библии, и Закон вообще. Тому есть основание: устный Закон, позднее изложенный в книгах Мишны и Гемары, также был дан Господом на горе Синай Моисею, но его Моисей не записал, а устно передал Иисусу Навину, тот — Судьям, те — Пророкам и т. д., пока не записали его уже в первые века христианской эры, когда от гонений Закон забываться стал.

Кроме тайн, Тора содержит законы. Мудрецы докапываются до тайн мироздания, но все евреи исполняют законы Торы. Законы Торы — Божьи Повеления — охватывают все области жизни еврея. Исполнение Божьих повелений (мицвот) — это, по мнению рационалистов, и есть смысл жизни верующего еврея, как смысл действий футболиста — забивать голы, или буддиста — собирать «обретенные заслуги». 613 Повелений регулируют жизнь еврея, как воинский артикул. Не все они прямо основываются на Писании: дело в том, что у евреев всегда была склонность создавать дополнительные запреты и ограничения на основе «расширенного» толкования Писания, но, в случае необходимости, обходить и самые суровые запреты, пользуясь «сужающим» чтением. Например, запрет бриться основан на фразе в Писании: «Не поражай волос», и религиозные евреи ходили из поколения в поколение с бородой. Но затем появилось более модернизированное еврейство, которому захотелось отделаться от бород, но не нарушать запрета. Тогда решили, что запрет лишь на бритье бритвой, но ножницами стричься можно, а что такое электробритва, если не очень быстро работающие ножницы? В результате теперь многие религиозные евреи бреются, не спрашивая о намерении Господнем: хотел Он, чтоб Израиль ходил бритым, или нет.

Появление многих запретов основано на применении принципа Ограды Торы. Этот принцип, провозглашенный в ст. 1 трактата «Почтения отцов», описывается так: «Как домохозяин, желая защитить свой дом от нарушителя, сооружает ограду вокруг своего дома,

так и мы сооружаем ограду из дополнительных запретов вокруг запрета Торы». Например, запрещено зажигать свечи в субботу, а для ограды этого запрета запретили и передвигать свечи и лампы. В результате жизнь евреев до Просвещения оказалась опутанной двойной сетью запретов, многие из которых были неизвестны евреям Первого и Второго Храмов. Например, в Пятикнижии нет запрета на смешение мяса и молока, кроме туманной фразы: «Не вари козленка в молоке его матери», что, возможно, на самом деле запрещает готовить сыр в козьем желудке. Запрет смешения молока и мяса считается теперь одним из основных запретов иудаизма. Нельзя исключить возможность того, что этот запрет был известен евреям еще до принятия Торы, так как такой запрет встречается и у других скотоводческих народов, например у масаев Восточной Африки, и обычно объясняется магическими соображениями. Если возникновение этого запрета и не было связано, видимо, с Торой, мудрецы на всякий случай запретили есть не только мясо с молоком, но и птицу с молоком, хотя птица и не славится своими надоями.

В результате возникшей сложной системы запретов, когда пришло Просвещение, и «ограды», и «дома» были сметены, и большая часть еврейства отошла от исполнения законов Торы, как они понимались в средние века.

Но что является законом Торы? Все ли, что решили мудрецы, остается навеки? По традиции, решения мудрецов умеряются одним фактором: приняло ли их Собрание Израиля, то есть стал ли народ исполнять эти решения. Если не стал или перестал исполнять, то решение утрачивает силу. Это делается, чтобы не виноватить народ Израиля, а также потому, что святой народ Израиля, конечно, чувствует, что исполнять, а что отвергнуть. Иными словами: глас Народа — глас Божий. Поэтому, следуя этой традиции, можно предположить, что в наши дни подлинный закон Израиля, закон Торы — это то, что исполняет большинство народа Израиля. Конечно, ортодоксальные круги с этим не согласятся, но они оказались в том же положении, что и караимы в средние века, то есть они стали крайней

сектой, не представляющей собой основного потока иудаизма. В наши дни идет вовсю процесс новой консолидации Закона Израиля — не на основе средневековых запретов и ограничений, но непосредственно на древних и живых традициях нашей веры. Пока все еще существует разрыв между религиозным ощущением большинства и требованиями меньшинства, и этот разрыв отталкивает людей от религии вообще, вместо того чтобы подтолкнуть их к реформе и обновлению ее в духе законов древности. Отход от религии прекратится только тогда, когда большинство осознает, что его путь — путь праведных, и освободится от комплекса вины по отношению к средневековым запретам.

Но для еврейства Агнона этого разрыва еще не существовало, и любой запрет или веление мудрецов имели силу и служили руководством к действию. В этом — основа рассказа: «В те дни лишь Тора правила в народе».

«...пей в довольстве...» — Екклесиаст 9:7.

«Приди, возлюбленный...» — Песнь Песней 4:16.

«Израиль, краса моя!» — Исаия 49:3.

Израиль — Иаков, сын Исаака, сына Авраама, праотец наш, вышел из чресел матери вторым, держась за пятку своего брата-близнеца Исава, и назвали его Иаков, именем, в котором слышится слово «пятка», 'КВ. Но у того же корня 'КВ есть и другой смысл: «обогнул», «обогнал», «скривил». И так и поступил праотец наш Иаков: скривил душой и обманул своего брата Исава и обогнал его — вышел вторым из чрева матери, а получил благословение, как первенец. И путь его был непрямым, и пострадал он за это немало — и с Рахилью его обманул отец ее Лаван, и приходилось ему бежать ночью и из отчего дома, и из чужой страны. Но вот у речки Иавок он встретил ангела, и сражался с ним всю ночь напролет, и не уступил ему, и поутру ангел дал ему новое имя «Израиль», в чем слышится «борющийся с Богом», «бившийся с ангелом». Но есть у имени Израиль и другой смысл — по корню ИШР — «прямой». Господь руками ангела «выпрямил» Иакова, как бы сказав ему: раньше ты ходил криво, впредь

будешь ходить прямо. И сыны Израиля-Иакова, народ еврейский, стали называть себя: сыны Израиля, или просто: Израиль. Итак, Израиль — это еврейский народ, поэтому понятно, что нужно говорить «государство Израиля», а не «государство Израиль». Чтобы подчеркнуть эту множественность и единство Израиля, Агнон часто пишет: «Израиль собрались», «попытались на Израиль, что они — милостивцы».

Стр. 24 *Австрийские казни* — весной 1420 года австрийских евреев обвинили в кощунственном издевательстве над обрядом причащения (облаткой, олицетворяющей тело Иисуса). В мае герцог Альбрехт V арестовал всех евреев Австрии, конфисковал их имущество (это было необходимо ему для ведения войн с гуситами), многих изгнал или насильно окрестил, а в 1421 году сжег на костре несколько сот мужчин и женщин, отказавшихся креститься; тогда погибла и мать р. Израиля.

Стр. 25 *...завет он нарушил...* — грех для еврея — это не отступление от неписаной моральной нормы, как у иных народов, но нарушение конкретного религиозного предписания — одного из заветов Торы, наподобие того, как преступление — это нарушение конкретного уголовного закона. Вся система законов Торы называется Галахой, и, формально говоря, иудаизм сводится к следованию законам Галахи. Но такое формальное определение будет неверным, как и любое формальное определение. Есть ли на самом деле что-нибудь в еврейской религии важнее исполнения заветов? Как помнят читавшие Новый Завет, к этому сводилась и значительная часть полемики Иисуса с фарисеями. Иисус считал, видимо, что исполнения заповедей еще недостаточно, нужно стремиться и к исполнению нравственного закона, более строгого, нежели данный на Синае. (Это не означает, как обычно понимают христиане, что он отменил заповеди — он, видимо, исполнил все заповеди закона Моисея.) Евреи сомневаются в возможности коллизии между нравственным и религиозным законом: религиозный закон учел нравственные требования и дал им приоритет (во имя жизни и здоровья человека, и даже животного, можно нарушить даже святость субботы, и пост, и все, что угодно,

если речь не идет о трех смертных грехах — убийстве, идолопоклонничестве и кровосмесительстве). Тора дана, «чтобы жить по ней», в отличие от Евангелия, с его стремлением к недостижимому высшему нравственному идеалу. Кто может жить по закону Евангелия, раздать все добро, подставлять правую щеку, не заботиться о завтрашнем дне и забыть своих близких? Только святой. Но по законам Торы может — и живет — весь народ. Можно говорить о двух подходах: установки высокого идеала, к которому можно только стремиться, но нельзя достичь, что приводит к размытию самой идеи нравственного императива, и установки реальных целей, которые можно осуществить, что приводит к забвению сверхзадачи: быть очень хорошими людьми. Коллизия в этом рассказе — это коллизия между сверхзадачей и задачей — реальными нормами еврейской религии. Можно ли поступать так хорошо, что это будет против заветов Торы? Ответ сказки, как всегда, поучителен.

Рабби Акива — мудрец, талмудист, герой множества легенд. До сорока лет он был пастухом у богача. Затем он влюбился в его дочь, та тоже полюбила его и заставила изучать Тору. Так он стал крупнейшим мудрецом. Рабби Акива проповедовал любовь земную и любовь духовную и главным правилом Торы считал заповедь: «Возлюби ближнего, как самого себя». Он углубился в тайны Скрытого — того, что впоследствии стали называть Каббалой. Хотя принято считать, что Каббала возникла в IX—X вв. в Европе под влиянием христианских мистиков, в настоящее время ученые склоняются к мысли, что она основывалась на древних восточных мистических учениях, вошедших в иудаизм в качестве одного из подспудных течений. Если нормативный иудаизм считает своей целью исполнение заповедей и далее не смотрит, это подспудное течение в иудаизме — назовем его условно трансцендентальным, иррациональным иудаизмом — видело в заповедях и других действиях людей средство влияния на божественные сферы. Не только решение и дела Бога влияют на людей, по этой школе, но и дела и решения людей влияют на Бога. Таким образом, владеющие

тайной могут добиться многого — для себя и для всего Израиля. Каббалисты объясняют беды земные бедами небесными и наоборот. Так, со времени Изгнания Господь лишился единства — его половина, Дух Божий — Шехина, ушла в Изгнание. Лишь приход Мессии-Избавителя приведет к воссоединению Божества и к гармонии в мире. К этому иррациональному течению принадлежали почти все упоминаемые в книге мужи Израиля — и р. Акива, и святой Ари — Лев Цфата, и Иисус, и Саббатай Цеви, и Бешт блаженного имени и блаженной памяти. Р. Акива, как и прочие в этом списке, занимался мистикой, эсхатологией и рассчитывал принести Избавление. Когда вспыхнуло восстание бар Кохвы, р. Акива провозгласил вождя повстанцев Мессией (эту пару впоследствии имитировали Натан из Газы и Саббатай Цеви), хотя другие мудрецы и убеждали его воздержаться. Восстание бар Кохвы было жестоко подавлено, и остатки свресев в Стране Израиля погибли, мясо р. Акивы было продано язычниками на рынке. Хотя мудрецы осудили р. Акиву (а тем более бар Кохву — Звездоносца по-арамейски, даже имя его в Талмуде пишется бар Козива — Обманщик, впрочем, возможно, что это было его подлинное имя), народ его любил больше всех современных ему мудрецов, и в особенности его любили сторонники иррационального иудаизма.

Завет мудрецов — Талмуд — важный источник еврейского религиозного права — записан не как кодекс, но как дискуссия между различными учеными мужами о том, что, собственно, представляет собой еврейский закон (ведь ко времени составления Талмуда прошло уже полторы тысячи лет с момента дарования Горы на Синае). Иногда указывается, кто победил в дискуссии, иногда дается и общее правило решения коллизий: например, в случае между Гиллелем и Шаммаем, хотя «оба суть слова Бога Живого», но поступать надо по словам Гиллеля. Если же один из спорящих р. Акива, то поступают по его словам.

...умер владыка... — владыка — «наси» на иврите — звание предводителя народа, одного из князей Израиля. Раз умер наси, говорят ангелы, так нет учебы,

т. е. раз умер р. Израиль Иссерляйн, подобный нами («нами нами» — «владыка владык» — назвал его р. Моше Минц), то в день его смерти нечего открывать Талмуд (ангелы поняли, что собирается чахлый ангел цитировать из Талмуда). На это чахлый ангел отвечает: учебы нет в день смерти нами, но какого нами? Только такого, который исполнял указания мудрецов, т. е. если нами не исполнял указания мудрецов, то нечего и прекращать учебу и скорбеть даже в день его смерти.

Чахлый ангел позаимствовал этот трюк у апостола Павла, как подсказал мне проф. Флюссер. В гл. 23 Деяний Апостолов говорится, что первосвященник велел бить Павла по губам, и Павел назвал его «стена подбеленная». Предстоящие же сказали: «Первосвященника Божия поносишь?», имея в виду запрет (Исход 22:28): «Не поноси владыки народа твоего» или «в народе твоём». И здесь Павел пользуется тем же приемом и говорит: не знал я, братия, что он Первосвященник, сказано ведь: владыки в народе твоём не злословь. То есть Павел представляет стих из книги Исхода так: не злословь владыки, если он в народе твоём, если он поступает по морали народа, а если он не в народе твоём, если он не поступает по морали, то нельзя и понять, что он — нами, владыка, и нет запрета злословить его. Показав такое детальное знание закона, Павел смог немедленно вслед за этим добиться раскола присутствующих, призвав к фарисеям против садукеев: такое библейское остроумие и умение применять цитаты были по вкусу слушателям.

...*Мера за меру*... — интересно, что закон евреев, тех самых евреев, которых все винили в ростовщичестве, запрещал всякий способ получения прибыли, не только дачу денег взаем под проценты, но и почти любую деловую активность, приравнивая ее к ростовщичеству. Например, запрещалось дать займы меру зерна и требовать обратно ту же меру зерна, если за это время зерно подорожало. В переводе на современные понятия это эквивалентно запрету на заем в ревальвирующейся валюте; и действительно, как знает всякий, кто занимал швейцарские франки — отдавать приходится много.

В более поздние времена, чтобы заниматься банковским делом — и оно равносильно ростовщичеству и запрещено по Талмуду, — евреи изобрели правовую функцию участия в делах, т. е. банк, ссужающий деньги, не просто дает деньги в долг, а «входит в дело» и получает не проценты, а «долю общей прибыли», даже если долг сделан, чтобы купить хлеба. Трактат «Срединные врата», «Бава Мециа» по-арамейски, в основном посвящен таким проблемам, но, как мы сейчас увидим, нет трактата Талмуда без легенд и рассуждений на любую наперед заданную тему.

Стр. 26 *Бей Потифа* (или Петура, Петора) — Иисус из Назарета. Итак, спор идет меж двумя адептами принципа: «Возлюби своего ближнего, как самого себя», двумя трансценденталистами, сторонниками веры и любви, — и решает в споре р. Израиль Иссерляйн.

...о словах р. Акивы... — то есть в конце происходит утверждение, а не ниспровержение авторитета р. Акивы, происходит сочетание и гармонизация принципов Закона и морали, задачи и сверхзадачи — все восторжествовали, как в известном еврейском рассказе, где двое спорщиков пришли к раввину, один рассказал свои требования, и раввин ответил ему: ты прав, сын мой; второй ответил на претензии первого, и раввин сказал ему: ты прав, сын мой; и, наконец, малютка сын высунулся из-за печки и сказал: папа, не может такого быть, чтоб они оба были правы! И ты прав, — сказал ему мудрый отец.

Стр. 27 «Блажен ты, Израиль...» — Блажен ты, Израиль, пред Кем очищаетесь и Кто очищает вас? Отец ваш Небесный, по сказанному (Иезекииль 36:25): «И очищу вас» и по сказанному (Иеремия 17:13): «Очищающий источник — Господь» (слова р. Акивы, Вавилонский Талмуд, трактат Иома, 856).

Вот оно — заключительное остроумие рассказа: р. Израиль напоминает, ссылаясь на слова р. Акивы, что Господь очищает Израиль от грехов, в частности и от греха несоблюдения слов р. Акивы. Как же Господь очищает Израиль? От ритуальной нечистоты можно омыться, погрузившись в живую воду — реку, источник с дождевой или проточной водой. Но вода — лишь ми-

фологическая форма духа; подлинно очищающая сила — Господь, поэтому и сказал Иеремия: «Господь — очищающий источник Израиля».

ПЛЯСКА СМЕРТИ

Пляска смерти — так называется, кроме прочего, *Стр. 27* и лад, на который возносят молитву поминовения усопших.

Собор — с тех пор, как был разрушен Храм, а в некоторых местах и до этого, центром еврейской религиозной жизни стал бет-кнесет, дом молитв, где собирались и молились. В отличие от Храма или, с другой стороны, от святилищ чужих богов, бет-кнесет не считается святым сам по себе, это просто помещение. Бет-кнесет — по-гречески — синагога, а буквально — соборный дом, собор.

Священники Храма — семья Аарона-Первосвященника. Брат Моисея-законоучителя Аарон был назван Первосвященником самим Господом, и все его потомство и по наши дни носит священнический сан и может служить во Храме. На иврите священник — когэн, и потомки Аарона и теперь носят фамилию Коген, Кон и т. п. Если, как мы видели в объяснении к слову «собор», святость приобрести нелегко (синагога может стоять сотни лет, а «святой», в том смысле, в котором мы говорим, что «Храм свят», она не становится), то и потерять святость невозможно. Хотя уже две тысячи лет нет Храма, законы, касающиеся священства — потомков Аарона, — остаются в силе. Каждую субботу можно зайти в синагогу и увидеть, как потомки Аарона-Первосвященника благословляют народ. Им запрещено жениться на разведенных женщинах или на женщинах вольного поведения или на женщинах, родившихся вне народа Израиля, так как все это несообразно со званием священника Храма. Многие из них никогда не пьют вина и по сей день, так как пьяному запрещено служить во Храме. Ведь Мессия может прийти в любую минуту (даже пробудившись ночью, евреи спрашивают: Мессия еще не пришел?), а значит, в лю-

бую минуту Господь может отстроить Храм и священников призовут к храмовой службе. Получается, что, выпивая вино, потомок Аарона, возможно, отдаляет приход Мессии, ибо не придет же Мессия, если все священники Храма пьяны и некому служить во Храме. Поэтому священники не пьют. Им также запрещено приближаться на семь шагов к мертвому, к кладбищу, могиле и т. д., чтобы не оскверниться. Поэтому, например, по Закону, потомку Аарона — любому еврею по фамилии Когэн — следовало бы ехать в наши дни из Иерусалима в Иерихон в объезд, чтобы не приближаться к кладбищу на Масличной горе.

Венчальный шатер — по закону Израиля, брак заключается с помощью «освящения» и «венчального шатра», кидушин и хупы. «Освящение» производится тремя способами, причем в старину любого из них было достаточно, чтобы брак состоялся. Однако в дальнейшем мудрецы постановили, чтобы производились обязательно все три способа и еще чтоб стоял и венчальный шатер. Эти три способа таковы: первое — освящение невесты кольцом или любимым другим предметом. Достаточно дать женщине кольцо и произнести фразу: «Сим ты мне посвящена по закону Моисея, по обычаю Израиля» — и брак заключен. Нет нужды ни в свидетелях, ни в раввинах, но, чтобы одна из сторон не могла оспаривать сам факт заключения брака, обычно берут двух свидетелей, следующих Закону Израиля. Можно обойтись и без всего этого и просто заключить рядную, «ктубу». Наконец, можно обойтись и без этого тоже, достаточно мужчине познать женщину с намерением сделать ее своей женой. Но чтобы не смог он потом утверждать, что намерения у него не было, принято освящать кольцом и писать брачный договор, хотя если нет спора, то любого из трех достаточно. Венчальный шатер — это кусок материи, привязанный к опорам по краям, опоры держат почетные гости. Обычно шатер устанавливают вне синагоги, под открытым небом, как и положено шатру, и тогда под его сенью производят и обряд освящения, хотя в древности эти два обряда производили в разное время и в различных местах.

Филактерии (тфилин) — буквально понимая слова Завета: и будут слова эти (Торы) у тебя знаком на руке и между глазами,— евреи сжедневно (кроме субботы, так как это своего рода работа, чего, видимо, не знал Достоевский) повязывают себе на руку и венцом на голову ленты с коробочками, а в коробочках — пергамент с текстом из Пятикнижия: кн. Исход 13:1—16 (о законах Пасхи, о выходе из Египта, о первенцах Господу), Второзаконие 6:4—9 с главным символом веры евреев: «Слушай, Израиль, Господь Бог наш, Господь един есть» и Второзаконие 11:13—21 — о благах за исполнение и напастях за неисполнение заповедей. Иногда утверждают, что тфилин — позднего происхождения и что само слово образовано не от еврейского «тфила» — молитва, а от греческого «теофил» — боголюб. Но обычай прикреплять амулеты к голове и руке введом и другим народам, в частности красавцам масаям, и, кажется, весьма древним. Моисея изображают с рогами в память обруча филактериев, обруч — хоть и без коробочки с молитвами — носят на голове израильтяне и сегодня. Такой обычай пристал и воинам Иисуса Навина, прошедшим пустыни по пути в Землю Обетованную. Как и положено древней религии, в тфилин реализуется символ не заумным рассуждением, а кожаным ремнем и деревом. Миф прав: так лучше напомнить себе, что слова Божьи у нас в сердце и рука выполняет Его указ. Тфилин связывает все и вся — дела и помыслы, чувства и мысли. Сам Израиль — тфилин на руке Бога. Однажды праведник увидел простого хасида, уронившего случайно тфилин в грязь, немедленно поднявшего и поцеловавшего. Праведник заплакал и сказал: «Господи, даже простой хасид подымает свои филактерии, почему Ты оставляешь свои филактерии лежать в грязи уже тысячи лет?»

Возбудить гнев и местью... — чтобы пошел в башмаках и в окровавленных одеждах прямо к Престолу Господню, пробудить Его гнев и приблизить Его отмщение.
...отпевали... его невесту... — потому ли, что думали — убьет ее, потому ли, что думали — изменит Богу Израила, потому ли, что стала для них — как мертвая.

По крестившейся дочке положено носить траур и исполнять поминальные обряды, ибо она «умерла во Израиле», так же как ее новые пастыри скажут ей, что она «родилась во Христе». Само сожителство с иноверцами не всегда было предметом осуждения — женился же царь Соломон на дочери фараона, египтянку Оснат взял себе Иосиф Прекрасный и т. д.

В средние века — особенно у саббатянцев — было поверие, что мощные цари Израиля, покорявшие иноверцев, должны были происходить от союза мужей Израиля с женами иноверцев, потому что для победы и покорения нужна какая-то связь с иноверцами, понимание их, а его Израиль лишен. В наши дни брак с иноверцем не может быть заключен с религиозной точки зрения, но не воспринимается так тяжело, как отступничество.

Прочтя это, одна читательница, склоняющаяся к вере в бога чужого, обвинила Агнона в национализме, шовинизме, человеконенавистничестве и ксенофобии. Это заставляет меня сделать следующее дополнение, в котором вообще-то нет нужды. Фольклорно-мифологический, легендарный элемент не нуждается в оправданиях от таких «современных» обвинений; если Иван-царевич рубит Кощея, еще не резон звонить в милицию. Отталкивание от иностранцев — очень популярный фольклорный мотив, конечно присущий не только народу Израиля. В. Я. Пропп в книге «Русский героический эпос» пишет: «Для эпоса все, что не русское, — это „поганое“ и „неверное“». В былинке об Иване Годиновиче герой говорит: не хочу я жениться на святой Руси, я хочу жениться в проклятой Литве, так в той ли хочу жениться в Неверии. Конечно, такая жена-иностранка оказывается змеей подколенной, и герой губит ее: отрубает ей руки, ноги, губы и оставляет помирать в степи. Белинский ужасался изысканной жестокости, методичности и холодности этой казни. «Но, — пишет Пропп, — эта жестокость становится понятной, если принять во внимание, что в лице иноземки жены осуждается не столько сама коварная героиня, сколько та «поганая нечисть», к которой она относится, а вместе с тем — и всякая попытка

русского героя жениться на иноземке. Женильба на иноземке решительно, жестоко и навсегда клеймится позором» — эти слова Пропп написал, когда еще был в силе сталинский указ, запрещавший браки с иностранками, так что древняя народная нелюбовь к иноземцам не совсем канула в былое и в этом веке. Но еще раз: смешно и наивно судить легенду и фольклор с позиций либерализма 1960-х годов.

Страх стражей ночи — аллюзия к Песни Песней. Современные комментаторы считают, что речь идет не о ночных сторожах, а о демонах — стражах ночи. Стр. 31

КЛИНОК ДОБУША

Добуш (Довбуш) Олекса — был главой гайдамаков-опрышков в XVIII в. «Украинский Робин Гуд» раздавал добро богатым бедным и был очень популярной личностью. Легенды о нем продолжали ходить много лет спустя после его казни в 1745 году. По словам БСЭ, он «громил арендаторов, шинкарей» и прочих евреев, но у евреев есть о нем легенды более положительного свойства — хотя еще и в нашем веке, до войны, детей в тех местах пугали Добушем. Стр. 32

Коломея (Коломыя) — городок в Галиции, где до 1914 года большинство населения составляли евреи, поселившиеся там еще в 1460 году — в год смерти р. Израила Иссерляйна.

...свет в каждом доме. — В шесть дней сотворил Господь мир, а на седьмой почил от всех трудов своих и так указал сынам Израиля поступать. Поэтому евреи празднуют седьмой день — субботу, начиная с заката, а не с рассвета, по сказанному в кн. Бытия 1:5: «И был вечер, и было утро — день первый и т. д.», а не сказано наоборот. Субботу начинают праздновать с закатом шестого дня, что и понятно в жаркой Стране Израиля, где днем печет солнце, а вечер — самое приятное время. Евреи верят в связь материи и духа, мира горнего и мира дольного, и поэтому субботу встречают светом — зажигают свечи в домах. В субботу запрещено зажигать огонь, говорится в Библии, поэтому, основны-

ваясь на Устном предании — Талмуде, евреи зажигают свечи перед наступлением субботы, то есть перед закатом.

Стр. 33

...суббота у Израиля.— Святой народ Израиля, который сам Господь назначил священством мира, хоть и состоит из отдельных евреев, обладает и единой душой. Как единая соборная личность, Израиль — жених Горы (Священного Писания) и Субботы [суббота — не просто день, но царица и суженая Израиля, и, встречая ее, евреи поют: гряди, желанный (Израиль) во среетние невесты (Субботы)], Израиль — невеста Господа. Как подобает соборным личностям, Израиль — муж Закона и дева Господня. Отношения Израиля и Субботы уникальны: Суббота раз пожаловалась Господу, что все дни ходят попарно — воскресенье с понедельником, вторник со средой, четверг с пятницей, лишь у нее нет пары, и Господь сказал ей: Израиль — твой суженый (Бытие раба 11:8). Эфиопские евреи-фалаши говорят: заступница христиан — Мария, наша заступница — Суббота. У каббалистов говорится о соитии Субботы с Израилем и с мужской ипостасью Господа, олицетворяющемся в соитии ученых мужей Израиля с их женами субботним вечером. Таким образом, действие происходит в вечер, полный священной магии, — Добуш с молодцами врывается, как наместник в предыдущем рассказе, на брачный пир.

Рабби Арье Лейб Пистнер из Коломеи — был одним из хасидских «цадииков» — праведников, из учеников самого Бешта — отца-основателя хасидизма. Откуда взялся хасидизм? В длинном ряду иррационального иудаизма он был последним мощным прорывом, последним бунтом против рациональности нормативного иудаизма в рамках религии — следующий бунт оказался уже за пределами теологических споров. Нормативный иудаизм говорит, что вера ничего не значит: можно верить или не верить во что угодно — в дарование Горы на горе Синай, в святость Храма, главное — исполнять заветы. Вера не нужна, чудес не бывает, есть лишь изучение Торы и следование ее заповедям — такова точка зрения рационалистов. Хасидизм был основан Бештом, р. Израилем Баал Шем Товом, который был так

похож на Иисуса, как только, может быть, Саббатай Цеви был похож на него. Душа Бешта, учит хасидизм,— это искорка души Мессии, нет чудес, что не приписывали бы ему, и книга о нем — «Благовестие о Беште» — напоминает другое «Благовестие».

Сам Бешт, видимо, ощущал связь со своим ужасным предшественником — он пытался молитвами спасти душу Саббатай Цеви, как Саббатай Цеви пытался спасти душу Иисуса и считал себя перевоплощением бар Кохвы. Как и Саббатай Цеви, Бешт был учеником Льва Цфата (святого Ари), р. Исаака Лурии — великого каббалиста XVI века, разработавшего способы приблизить Избавление, объяснившего, почему существует в мире зло, из каких частей состоит Господь, когда происходит воссоединение этих частей и т. д. Бешт, говорит хасидская легенда, искал ключ к дверям, заграждающим путь Мессии, но оказалось, что ключ хранился у Сатаны, и сколько Бешт ни просил последнего, так и не отдал ключ Лукавый. Про его учеников рассказывают, что и они мерились силой с Сатаной и проверяли, докуда можно пойти по пути Сатаны, чтоб еще можно было вернуться. Как и Иисус из Назарета, Бешт не хотел распространять свое учение среди иноверцев, и прозелитический заряд хасидизма оказался целиком обращенным внутрь (они и по сей день особо активно ведут миссионерскую деятельность среди евреев, и с большим успехом — их иррационализм соответствует иррационализму XX века, а знание Закона Торы не так популярно, как прежде. Привлекает современных людей и твердое духовное лидерство преемников Бешта, указывающих, во что верить), иначе могла бы возникнуть новая мировая религия. Хасиды любят веселье, пьют водку, верят в чудеса и пророчества и в сверхъестественные силы своих учителей. Они считают, что сила молитвы и веры не менее важна, чем знание. Если традиционные евреи были бы, в переводе на христианскую терминологию, кальвинистами сурового толка, хасиды соответствуют католикам с Гаити — с небольшой примесью воду. Удивительно, что они все же остались иудеями — видимо, потому, что они все же продолжали соблюдать Закон. В этом

их отличие и от христиан, и от сabbатианцев, и от франкистов, сходство же видно во всем: «Бешт дружил с пастухами, разбойниками, ворами и лиходеями», — пишет хасид, напоминая нам о том, что дружил с «рыбаками, мытарями, падшими женщинами и разбойниками» (в отличие от христиан и хасидов франкисты верили в искупительную силу греха). И поэтому в приводимых здесь рассказах (как и в других рассказах Агнона) так часто появляются разбойники. И р. Арье Пистнер из Коломеи, как и подобает святому, тоже имел встречу с разбойником — Добушем.

...в городе был тогда... — р. Арье ездил всю жизнь и больше одной ночи нигде не ночевал.

...освящает... вино. — Одно из центральных событий праздника субботы: освящение вина и хлеба, то есть благодарение и славословие Господа, Творящего плод лозы и Извлекающего хлеб из земли. Сначала благословляют Творящего плод лозы и пьют вино. Но хлеб все же важнее вина, и, чтоб он тем временем не обиделся, его покрывают салфеткой на время освящения вина и открывают лишь потом. Эти два благословения — вина и хлеба — настолько неделимы, что нельзя прерываться меж ними. Благословляющий дает вина и хлеба застольным гостям — в данном случае Добушу.

...и дал Добушу... — так кончаются и другие варианты этой легенды, а их немало. В книге «Врата хасидов» рассказывается, что поразил Добуш праведника, и хлынула его кровь, и сказал р. Арье: пусть будет моя кровь искуплением и выкупом за кровь прочих горожан, и тогда Добуш внезапно покаялся в своем грехе, и сел за стол, и отведал хлеба и вина, и с тех пор никогда не вредил евреям.

Другой рассказ о нем связан с Бештом: когда Бешт скрывался в лесу у Карпатских гор, он жил простой жизнью — рубил дрова и носил их беднякам и лечил больных одним прикосновением, не отказывал и иноверцам. Все тамошние горцы почитали Бешта за святого. Когда ворвался Добуш со своими молодцами в дом к р. Арье, занес уже клинок над ним, но не прекратил р. Арье благословения, лишь сказал слова молитвы «и завершились небеса» в смысле — «небеса завершили,

вынесли приговор, и ждать уже нечего», сказал, как прощаются с жизнью, и тут один из опрышков узнал его и воскликнул: не бей, это друг нашего Сроэльке. Сел тогда Добуш, поел халы и ушел и евреев больше не обижал.

Есть и другие легенды об этом добром разбойнике, хоть д-р Садан и утверждает, что все эти легенды были выдуманы в 1907 году из электоральных соображений — чтобы евреи голосовали вместе с украинцами против поляков. Агнон тоже не строит рассказ на доброте разбойника, но на двух вещах — на силе Господа, Субботы и молитвы, что остановили клинок, и на силе святости праведника р. Арье, что приблизил к себе разбойника и поделился с ним субботним хлебом. Р. Арье и Добуш даже умерли почти одновременно — один в своей постели, другой — от рук палача.

И Добуш благословил р. Арье... — чтоб исполнилось сказанное Господом Аврааму: «Благословен ты будешь всеми народами» (Второзаконие 7).

ДЕЯНИЯ ПОСЛАНЦА ИЗ СВЯТОЙ ЗЕМЛИ

Святая Земля — есть народы, что уподобляют себя цветку или дереву, связанному с родной почвой — так прочна и нерушима эта связь, что не жить цветку вне ее комьев. Народ Израиля предпочел другой образ: Земля Израиля ему — как невеста, как суженая с шести дней творения, как возлюбленная. Можно быть в разлуке с возлюбленной, стремиться к встрече с ней, и все же жених не умирает от расставания. Но если бы лишь обычные помехи стояли на пути воссоединения любящих, в этом не было бы полета. Проблема в том, что там, где есть двое, есть и третий. Царь Соломон пишет, восхваляя союз двух: «Если лежат двое, то тепло им, а одному как согреться?» — а затем неожиданно добавляет: «И нитка, втрое скрученная, не скоро порвется», что уже напоминает популярное высказывание Оскара Уайльда: «Брачные узы так тяжелы, что и втроем не легко сдюжить». Кто же третий в этом многовековом *menage a trois*?

Стр. 37

В последующих рассказах Агнона описана типичная ситуация «рокового треугольника»: народ Израиль — Страна Израиля — Закон Израиля. Исторически говоря, Бог дал Израилю Землю его: привел сюда праотца нашего Авраама и обещал ее его семени, возвратил сынов его под водительством Моисея из египетского плена и на пути в Землю Обетованную дал народу Израиля Тору — Закон, и тогда обусловил вечное владение Страной Израиля — соблюдением законов Торы. Иными словами, народ Израиля заново пережил судьбу своего родоначальника двоеженца Иакова-Израиля: тот получил возлюбленную Рахиль только после получения старшей сестры ее Лии, да и брак со старшей сестрой был условием для брака с младшей. С тех пор как история поставила оба брака под знак вопроса, Израиль лишился покоя — две чуть ли не противоположные страсти эти измучили его. Что важнее — исполнять Закон Торы или жить в Стране Израиля? Ответа на этот вопрос нет, и спор идет уже многие века.

Восхваления Страны Израиля в Талмуде и позднейшей раввинистской литературе бесчисленны: Страна Израиля создана первой, и сам Господь упоет ее, 10 мер мудрости спустились в мир дольний, и девять даны Стране Израиля, и от воздуха ее мудреют, в Стране Израиля и потопа не было, легче вскормить легион галилейскими маслинами, чем одного ребенка за морем. Все страны измерил Господь, но лучше Страны Израиля не нашел, чтоб дать Израилю. И сказал Господь: «Введу милый мне народ в милую мне страну». А вот еще один красивый рассказ: когда сыновья Иакова решили погубить Иосифа, Рувим (Реувен) уговорил братьев бросить сына Рахили в яму, а не убить. Затем мимо проходил караван измаильтян, и те вытащили Иосифа и продали его в Египет (Бытие 37). Здесь, казалось бы, два спасения: одно — от немедленной смерти, когда Иосифа бросили в яму, вместо того чтобы убить на месте, а другое — от смерти неминуемой, которая ждала бы его в яме, полной змей и скорпионов. Однако в повествовании лишь один раз (ст. 21) употребляется слово «избавление» — по отношению к спа-

сению от меча. Дело в том, говорит толкователь, что предпочтительнее яма со змеями и скорпионами в Земле Израиля, чем пост премьера на чужбине в Египте, поэтому второе спасение Иосифа не было настоящим избавлением — ведь оно привело его к смерти в чужой земле.

А поскольку получена нами Земля Израиля от Бога, она полна и святости не меньше, чем старшая ее сестра — Тора. Даже две святости есть в Земле Израиля: одна — от Божия Присутствия, а другая — от Израиля. И земля эта посвящена Богу, и лишь здесь дается пророческий дар. Даже Храм потому и был построен в уделе колена Вениаминова, что Вениамин — единственный из сыновей Иакова — родился в Стране Израиля. И вообще: бывает — одежда пригожа, а рожа негожа, а другой — пригож, а в одежде и на себя не похож, но Израиль к лицу Стране Израиля, и Страна Израиля к лицу Израилю, говорится в трактате Танхума.

А вот и прямое сравнение со старшей сестрой: Страна Израиля дороже всех Законов, и житие в ней приравнено к исполнению всех заповедей. Но отношение это крайне амбивалентно, и можно найти полно цитат за и против. Ведь евреям приходилось зачастую выбирать между Законом и Страной Израиля: богатые духовные академии, где создавался Талмуд, находились в Месопотамии, в Стране же Израиля заботы о пропитании приводили к забвению Торы. Поэтому, например, английские и французские раввины, возшедшие на Землю Израиля в средние века, наложили запрет на Землю сию, ибо в ней забывается Тора и нет возможности учить Закон. Применили они к ней слова Талмуда: нельзя жить в стране, где невозможно учиться Торе. Но их противники приводили другие цитаты: лучше жить в Стране Израиля в городе среди иноверцев, чем вне ее в городе среди евреев, ибо всякий, живущий в Стране Израиля, — как человек, с которым Бог, а живущий за морем — как безбожник. И даже ханаанской рабыне в Стране Израиля суждено царствие Грядущее, и горстка мужей в Стране Израиля милее Господу, чем целый Синедрион вне ее.

А те отвечали им: с тех пор, как разрушен Храм, нет святости в Стране Израиля, и Божия Присутствия нет, и у Бога ничего, кроме Закона, не осталось. Когда речь идет в молитвах о Стране Израиля и о Иерусалиме, имеются в виду не пустынная страна меж Азией и Африкой и не маленький пыльный город, но идеал, состояние души, предчувствие пришествия Мессии. Ведь знаменитую молитву «В будущем году в Иерусалиме» следует произносить и в Иерусалиме, потому что речь в этой молитве идет о пришествии Мессии. Поэтому ясно, что Страна Израиля — лишь идеал, а не вещьность.

Так ли это на самом деле? В чем заключалась и заключается роль Страны Израиля для народа Израиля, да и была ли такая роль? Еврейский народ распространился так широко, что невольно задумываешься — при чем тут, собственно, Земля Израиля? Авраам — праотец наш — пришел сюда из Месопотамии, походил, ушел в Египет, затем вернулся. Его внук Иаков-Израиль провел юность в Месопотамии, дни свои окончил в Египте. Можно сказать, что рассеяние приуще еврейскому народу с самого начала. Даже в золотые дни Второго Храма большинство еврейского народа жило за пределами Страны Израиля. Почему же далась праотцам нашим Земля Израиля, почему именно она стала родиной слишком большого для нее народа?

Страна Израиля, земля Ханаанская, дала нечто нашим предкам, то, что они не смогли найти в двух великих империях и центрах цивилизации, составляющих центры тогдашней бифокальной западной ойкумены. С самого начала речь шла именно о поиске, об осмысленном движении: Авраам не просто кочевал — он оставил империю, посетил ее антипод — другую империю, и затем осел на периферии обеих, в точке равнодействия сил. Эта осмысленность движения заставляет нас задуматься, что именно искал наш предок. (Не вся история человеческая осмысленна — нельзя сказать: «Для чего мы прошли через гибель шести миллионов» или, как говорил один славянофил, «Для чего мы прошли опричнину, петровские казни и т. д.», как будто еврейский народ добровольно пошел

на испытание Освенцимом или русский народ предпочел опрличину демократии. Но наши легконогие предки явно предпочли Страну Израиля двум суперцивилизациям. И поэтому мы можем искать этому объяснения.)

Месопотамия и Египет были из первых цивилизаций человечества, и, как таковые, они были «речными» цивилизациями — возникшими в долинах великих рек. В таких цивилизациях, по словам Маркса, «климатические условия... сделали систему искусственного орошения при помощи каналов и ирригационных сооружений основой земледелия», а поэтому потребовалась «централизующая власть правительства». В этих странах вода, а значит, и жизнь находились в руках правительства. В Египте для выражения подчинения крестьянин говорил: я нахожусь на воде такого-то, на канале такого-то (по В. Струве). Вся вода была под контролем, а в результате и вся жизнь населения была под контролем. С другой стороны, развитие цивилизации было фантастически высоким — по сложности цивилизации Египет и Вавилон немногим уступали современным нам сверхдержавам. Сложность эта, вместе с особенностями экономической системы (ирригация), вызвала невероятное порабощение — все были рабами, хоть для некоторых рабство было комфортабельным. Несмотря на все различие между луной Вавилона и солнцем Египта, сходство было разительным — это были две высокоцивилизированные тирании и деспотии, где не было места свободному духу.

Вот оно, главное достоинство Страны Израиля в глазах наших праотцев: это была страна свободы, потому что в ней вода не текла в реках и каналах, но падала дождем с неба. Это потрясающее ощущение описано в гл. 11 Второзакония: «Ибо земля эта не такова, как земля Египетская, где ты, посеяв семена, поливал их, как масличный сад. Земля, в которую вы переходите, есть земля с горами и долинами и от дождя небесного напояется водою». Для людей, желавших избежать власти всемогущих фараонов и владык, дождь был свободой — деспоты не могли перекрыть его. Человек мог перейти с места на место неподконтрольно и кормить-

ся, как ему вздумается. Мне эти первые евреи чем-то напоминают первых сибиряков, русских, бежавших на окраину империи, подальше от тяжелой руки белого царя, первых американцев, пуритан, бежавших от центральной власти и религиозной деспотии в Англии. С другой стороны, они не были носителями цивилизации, как сибиряки и американцы, — они не хотели отстроить лучший Вавилон или Египет на свободных холмах Ханаана, в этом смысле они были ближе к тем современным нам калифорнийцам, что основывают натуральное хозяйство в джунглях Гватемалы. Авраам, праотец наш, был ретроградом в лучшем смысле этого слова: он вырос в самой развитой цивилизации мира, отмахнулся от нее и ушел пасти овец в степи. История повторяется многократно — и Моисей, выросший в Египте при дворе фараонов, пошел тем же путем. Евреи действительно были рабами в Египте — но все египтяне были рабами. Закон Моисея — Тора — зачастую обвиняется в отсталости и устарелости — но обвинители забывают, что Тора была консервативным законом уже в дни Моисея. Авраам, а за ним — Моисей смотрели назад, а не вперед. Они не хотели создать развитое общество с сильной центральной властью, тюрьмами и налогами, хоть эти институты и были им хорошо известны. Закон Торы — это закон функционирования без общества, без государства и без принудительного аппарата.

Существует точка зрения, по которой первые евреи «хабиру» Ханаана — были не этнической, а социальной группой — беглецами от цивилизации, искавшими свободу. Они поняли, что государство со временем становится настолько исправно функционирующим, что жизнь в ней делается невозможной. Этот антицивилизационный настрой остался в еврейских генах, и хотя бы поэтому еврей-ученик Хулио Хуренито оказался единственным, предпочитающим слово «нет» слову «да».

Поэтому в глубоком и подлинном смысле слова не может быть Торы вне Страны Израиля; Страна Израиля — поручкой Торе. Ее холмы, ее долины, ее дождь — вся эта вещьность является основой связи евреев с Богом.

На эту вещьность намекает Псалом 102,15: «Возжелали рабы Твои камня ся (Земли Израиля)», и поэтому, как говорится в трактате Брахот, «спустившись на берег у Аккры, целовали землю учителя наши». Агнон намекает в нескольких местах на возможность гармонии между Торой и Землей, хотя у него нет ответа и нет линии, видной во всех произведениях или хотя бы в приводимых здесь рассказах.

Один ответ просто приравнивает работу на земле службе Господу. Пахать не хуже, чем молиться, и убирать не менее важно, чем учить Талмуд. «Хорошо Израилю блюсти закон Торы, да много работы возложил на нас Господь: жать и сеять, и молотить, и провеивать, и давить лозу, но великое дело — житье в Стране Израиля, и оно превыше всех заповедей», — заключает герой прямо и откровенно тенденциозного, «завербованного» рассказа «Под деревом». Этот рассказ — сионистская агитка в лучшем смысле этого слова, как «1900» Бертолуччи — красная агитка. В нем содержится намек на мистический смысл рабочего социалистического сионизма: «Обусловил Господь свою посадку нашими посадками. Если мы посадим саженцы, заведомо привьются и саженцы Божьи».

Можно сказать, что работа на земле представляется Агнону идеальным решением проблемы. Но у него есть и дополнительные линии обороны. Вторая линия обороны — это причастие Святой Земли, изучение Торы и погребение в Святой Земле. Это сравнение становится ясным в романе «Вчера, третьего дня». Светский сионист Ицхак Кумер восходит на Землю Израиля, но вместо того, чтобы обрабатывать землю, присоединяется к «старому поселению» — к религиозным евреям в Меа Шеарим, подрабатывает ремеслом, живет в городе. Он умирает от укуса бешеной собаки. Как только он умирает, хляби разверзаются, кончается страшная засуха и «полились благодатные дожди» — те самые дожди, что потрясали беглецов из Египта. И тогда «наши избранные братья в Кинерете и в Мерхавии... вышли на работу в полях и садах, на ту самую работу, которой не удостоился друг наш Ицхак. Ицхак не удо-

стоился работать на земле, пахать и сеять, но зато он сподобился быть погребенным в Святой Земле». На третьей линии обороны находится герой рассказа «Прах Земли Израиля», удостоившийся погребения с комком Земли Израиля в своей могиле на чужбине, — чисто светский сионист, продававший акции Еврейского фонда в Польше, но так и не взшедший на Святую Землю.

Эти ответы касаются лишь нашего времени. В прошлом, которое Агнон рисует днями гармонии, «когда лишь Тора правила в народе», восхождение религиозных евреев на Святую Землю казалось вполне достаточным, как мы видим в романе «Сретение невесты» и в повести «В сердцевине морей». Но потомкам тех евреев не досталось в наследство духовное богатство предков, и для них работа на земле — единственное спасение. Ведь и Ицхак Кумер — потомок героя «Сретения Невесты» р. Юдья, но «наследство р. Юдья деды и отцы протратили, и сыновьям уже ничего не осталось».

В книгах Агнона так часто видны поиски гармонии именно потому, что эта гармония утрачена. Он видел несколько направлений и групп в еврействе — религиозные антисиионисты Изгнания, религиозные антисиионисты Старого Поселения Страны Израиля, ассимилированные евреи, светские сионисты — жители Польши и Тель-Авива, — и все они ему, в общем-то, не нравились. Сионисты, работавшие на земле, ему нравились, но были невероятно чужды, и о них он не писал — Ицхак Орен остроумно сравнил ненаписанный Агноном роман о халуцах-первопоселенцах — «Участок поля» — со второй частью «Мертвых душ». Но все же за многими неприятными лицами Агнон угадывал великую душу Израиля, народа святых и праведников, и это приносило ему покой.

Все же для человека религиозного на свой манер, для Агнона сама проблематика Торы и Страны Израиля оставалась спорной по крайней мере. Не следует думать, как иногда представляют современные вульгаризаторы, что еврейская религия однозначно требует от еврея переезда в Страну Израиля. Восхождение да-

же не значится меж 613 заповедями ортодоксального еврея, но, может быть, именно поэтому оно приравнено к сумме всех заповедей. Как религиозный акт такой переезд, восхождение, неразрывно связан с приходом Мессии-Избавителя. Только с его приходом народ Израиля соберется в Земле Обетованной — такова основная религиозная догма. Так как Господь покарал Израиль, рассеяв его между народами, негоже бунтовать против Божьей воли. Легенда рассказывает, например, о попытке сынов Эфраима (Ефрема) освободиться из египетского рабства и завоевать Землю Обетованную до прихода Избавителя — Моисея. Все они, по словам легенды, погибли от рук филистимлян вблизи Гата. И лишь когда настало время, Господь послал Моисея и вывел евреев из египетского плена. Эта легенда, конечно, возникла как реакция на лжемессианские течения средневековья.

Сказание подводит под это базу: в Песни Песней Суламифь трижды заклинает дочерей Иерусалима «оленьями и сернами», «не будить и не тревожить любви — любимого, — пока не наступит время». Почему трижды? А этому соответствуют три запрета — заклинания Всевышнего. Господь заклинает народ Израиля не восставать против народов мира, не освобождать Страну Израиля с оружием в руках, пока не наступит время. Третье заклинание обращено к народам мира — Господь заклинает их не истреблять Израиль.

Теперешние религиозные сионисты утверждают, что эти три запрета упразднены, так как Израиль признан Организацией Объединенных Наций («народами мира»), освобождать с оружием в руках ничего не надо, потому что страна уже освобождена, и надо только защищать ее. И в-третьих, народы мира нарушили третий запрет в дни нацизма, уничтожая евреев, и этим аннулировали все три запрета. Да и вообще в последнее время в Стране Израиля возникла целая религиозная националистическая школа последователей раввина Кука, видящая в наших днях время исполнения пророчеств, национально-религиозного возрождения, то есть близкая к мессианству.

С самого начала сионистского движения и потом во

времена Агнона религиозные евреи подозревали, что сионизм — это скрытое мессианство. Евреям, видимо, присуще апокалипсическое видение мира, предчувствие его близкого конца — уже тысячи лет, — и поэтому в народе Израиля появляются мессии. Мессия — это грядущий избавитель народа Израиля, потомок царя Давида, который соберет сынов Израиля со всех концов земли, отстроит Храм, возвратит еврейству его былую славу. Мессия — по-русски «помазанник», по-гречески Христос — должен быть победоносным, и поэтому евреи не признали Иисуса из Назарета Христом. (И после Иисуса были претенденты на трон царя Давида, от бар Кохвы до Саббатая Цви.) Сионизм казался религиозным евреям новым лжемессианством без Мессии, секулярным лжемессианством, особо противным и опасным. Эта точка зрения не исчезла и поныне — крайне ортодоксальные религиозные группы в Стране Израиля и в Рассеянии не признают государства Израиля, считая его символом бунта против Божьей воли и против «народов мира». Но большинство религиозного еврейства, не признававшего сионизм, было физически ликвидировано немцами, что значительно изменило статус Израиля в глазах оставшихся в живых религиозных евреев. С другой стороны, угроза гибели привела в Страну Израиля тысячи и сотни тысяч человек, чуждых идеалу сионизма: отстроить Страну Израиля и перестроиться самим. Этот новый поток не собирался перестраиваться, не задумывался о создании «нового еврея», но совершенно спокойно открыл лавочки, занялся ремеслами, стал играть на бирже. Эта «идеология» была описана еще сто лет назад Салтыковым-Щедриным, у которого один еврей задумывается, в промежутках между сведением счетов в лавке и мечтами о любовнице мадам Анжу, об идее национального возрождения еврейства в Стране Израиля. «Шхем, — думает он, — ну и что? И в Шхеме можно зажить припеваючи, с лавочкой и мадам Анжу».

Мечта героя Щедрина была реализована несионистским потоком, искавшим спасения в Стране Израиля. Агнону глубоко противны такие люди, и все же он не предаст их анафеме — и они удостоятся лечь

в святую Землю Израиля, о которой сказано, что она приносит искупление (Второзаконие 42, 34).

Мидраш — у евреев, кроме синагоги (греческое наименование Соборного дома, Собора Израиля — места, где только молятся), есть еще и мидраш (или бет-мидраш), Дом толкования, учения и молитвы, где жители агноновской страны проводят все свое время в учении Торы. Этот мидраш — слово однокоренное и близкое по смыслу к мусульманскому «медресе» — выполняет роль одновременно и клуба, и молельни, и библиотеки, и университета.

Талит — покрывало с кистями. Собственно говоря, есть два вида покрывал с кистями — большой талит (или просто «талит»), которым покрывают плечи при молитве, и малый талит (или «цицит»), который постоянно носят на теле под верхней одеждой так, что только кисти торчат. Появление покрывал с кистями объясняют так: во время исхода из Египта один еврей нарушил субботу. Господь тогда сказал Моисею: в будние дни филактерии — тфилин — напоминали ему о Законе, но что напомнит ему о Законе по субботам, когда не возлагают тфилин? Пусть отныне евреи носят всегда одеяния с кистями по краям, и пусть «эти кисти всегда будут пред вашими глазами».

Малый талит помог одному праведнику ответить на вопрос въедливого хасида. В Талмуде говорится: «Иноверец, исполняющий субботу, достоин смерти» — потому ли, что суббота дана лишь Израилю и посягающий на нее — как отбивающий невесту, потому ли, что написано это было во времена гонений, когда евреи боялись всех, приближавшихся к ним. Прочтя это, хасид спросил своего рабби: мы знаем, что праотец Авраам, мир праху его, исполнял все заветы Торы еще до того, как заключил с Богом Завет и стал евреем (есть такая легенда), и соблюдал субботу. А раз соблюдал субботу, будучи иноверцем (евреев еще не было), значит, был достоин смерти, а не наград от Бога! Но праведник ответил ему: раз он исполнял все заветы, то носил и талит по субботам. А раз не был евреем, то носил талит, как носят тяжести — и этим уже нарушал суббо-

ту (в субботу нельзя носить тяжести и совершать работу). Раз нарушил субботу, значит, не касается его это решение. Так оправдал рабби праотца Авраама, а с ним всех тех, кто «учится на еврея» — готовится перейти в иудаизм.

Как легко заметить иерусалимским утром, талит похож на накидку бедуинов-арабов, особенно если накидывают ее на голову. У Дамасских ворот бедуины в белых накидках с черным обручем на голове и евреи в талитах с обручем филактериев чередуются, не выделяясь. То, что кажется странным и диким в Европе, становится на свои места в Стране Израиля.

...потрясло меня это зрелище... — «Земля Израиля от всякой суеты очищена, и денег взять там неоткуда, кроме того, что привозят из-за границы» («В сердцеvine морей»). До XX века евреи в Земле Израиля почти не занимались продуктивным трудом, да и никто не занимался тут продуктивным трудом, и феллахи, и бедуины были бедны и с трудом кормились, евреи же сидели и молились и тоже с трудом кормились — от щедрот евреев из-за границы. Щедрот сыпалось мало, у каждого еврея за границей и у каждой общины за границей были более срочные нужды, чем тратиться на бедняков Земли Израиля, приходилось слать то и дело посланцев — выпрашивать денег, а тут — так и сыплются червонцы и серебро! Неудивительно, что рассказчика потрясло это зрелище и волосы стали у него дыбом.

«Удержи голос твой от рыдания» — вся еврейская культура после разрушения Первого Храма и до наших дней была основана на толкованиях и интерпретациях Библии. Хоть это — книга немалых размеров, вывести из нее все нормы поведения и массу предсказаний нелегко, если не воспользоваться хитрым приемом толкования вне контекста. То, что говорилось отдельному лицу по какому-то конкретному поводу, обобщается и принимает космическую значимость. Например, пророк Иеремия, описывая возврат изгнанников Израиля в Святую Землю, говорит: «Рахиль плачет о детях своих... так говорит Господь: удержи голос твой от рыдания и глаза от слез... ибо возвратятся они из земли неприятельской». Из этого извлекается общее правило:

вообще — удержи голос твой от рыдания. Читатель заметит, что такое толкование, заключающееся в произвольном, на взгляд постороннего, выхватывании куска текста, основано на традиции не менее древней, чем сама Тора — на «устной Торе», полученной, по традиции, Моисеем на горе Синай вместе с «писаной Торой». Талмудист расскажет о 13 способах вывода толкований из слов Торы, один из которых применен и здесь. А еще можно предположить, что тут — цитата не вырванная, а согласованная с контекстом; тогда ее надо понимать так: евреи плачут, о чем же им плакать, если не об изгнании и разрушении Храма, а об этом плакать не след, ибо обещал Господь Рахили: «Удержи голос твой от рыдания... ибо возвратятся они из земли неприятельской».

...законами о святости и чистоте... — на самом деле нет такого трактата и раздела, который не напоминал бы нам о Храме. Например, легенда о разрушении Храма помещена в трактате «Разводы» в главе «Ущерб и вред». Почему в трактате «Разводы»? Ибо намекает это на брак между Всевышним и Собранием Израиля, брак, заключенный с помощью кольца, — Страны Израиля и Храма; и тогда разрушение Храма сходно с разводом. Но почему в главе «Ущерб и вред», а не, скажем, в главе «Изгоняющий жену» или «Разводное письмо»? По сказанному в Исх. 22:6: «Плату уплатит разжегший пожар», а кто разжег пожар, в котором сгорел Храм, если не Господь Бог, а значит, Он же и уплатит за это — воздвигнув нам новый Храм, краше прежнего, вскорости, в дни жизни нашей, аминь; и поэтому включили мудрецы наши легенду о разрушении Храма в раздел об исках главы «Ущерб и вред».

Корона царская — «Если умер мудрец, горюют о нем, а умер царь — неважно, ибо любой из Израиля достоин быть царем», — сказано у мудрецов. И евреи часто сравнивают себя с царями, а еще чаще — с любимым царским сыном, царем именуя Царя царей. И любое объяснение, любая притча начинается словами: «К примеру, царь...» Может, поэтому у евреев нет и монархии — если каждый достоин быть царем, кто ж та-

Стр. 38

кую честь уступит другому, по крайней мере до прихода Мессии, сына Давидова.

Стр. 39 ...голос — Иакову, руки — Исаву. — Вот еще один красивый пример толкования Библии вне контекста. Праотец Иаков собрался обманом получить благословение своего отца Исаака, выдав себя за своего брата Исава. Для этого он обмотал себе руки шкурами, чтоб стали как у волосатого Исава. Потрогал слепой Исаак руки сына и удивился: «Вот ведь, руки — руки Исава, а голос — голос Иакова», но благословил все же. Затем уже знакомым нам приемом эти слова извлекаются из контекста и толкуются, как указание Божье: голос — для славословий Богу и молитв — дан Иакову, свреям, а руки — то есть власть и сила — даны иноверцам. Это понимание фразы обыгрывается и здесь: дал бы, мол, Господь Иакову — свреям — не только страх Божий, но еще и силу — тут бы и разорвали рассказчика на радость. По мнению Теодора Гастера, в библейском рассказе о шкурах видны следы древнего обряда, не понятые уже древним составителем книги Бытия. У многих племен Африки и по сей день достижение совершеннолетия или усыновление («передача первородства») производится с помощью обряда «рождения от овцы»: усыновляемый или достигающий совершеннолетия зашивается в овечью шкуру и выходит из нее во время обряда уже новым человеком, как бы родившись заново. Гастер считает, что подобного рода обряд прошел Иаков, чтобы получить первородство. Составитель, не понявший смысл древнего обряда, объяснил его обманом.

По цифровой азбуке — евреи любят подобные игры — у каждой буквы есть числовое значение, и любое слово можно представить, соответственно, числом и сравнить с другим числом (ср. попытки Пьера Безухова в «Войне и мире» вычислить свое место в мире таким путем). Например, «Кончились молитвы Давида, сына Иссея» (Пс. 72 у свреев или 71 по синодальному переводу) выражается по цифири тем же числом, что и «Благословенно имя Его ныне и присно и во веки веков». А с буквой И сврси играют бесконечно. Праматерь Сарру сначала — до завета с Богом — звали СаРаИ, при завете эта буква

И у нее отнялась, и куда же делась? А Бог уважил эту букву и вместо конца женского имени поставил ее в начало мужского — и Моисей изменил имя своего помощника Ешува бин-Нуна (Исуса Навина) на Иешуа бин-Нун (Иисус Навин). Эти шутки не всегда невинны — Саббатай Цеви провозгласил себя мессией, потому что его имя по цифровой азбуке совпало с именем Божиим.

«Продают праведника за серебро» — у Амоса идет речь о грехах и преступлениях Израиля: «Так говорит Господь: за три преступления Израиля и за четыре не пощажу его, потому что продают праведника за серебро и бедного — за пару сандалий», но рассказчик цитирует, как обычно, без связи с текстом. Стр. 40

...как камня... — очень красивая легенда в Талмуде, относящаяся к кн. Бытия, гл. 28, ст. 11—22. Праотец Иаков бежал от гнева брата Исава в Харран, к Лавану. По пути, к северу от Иерусалима, он остановился на ночлег, положил камень под голову и уснул. И во сне явился ему Господь и пообещал дать ему и его потомству Землю Ханаанскую. Легенда гласит, что все камни в окрестности спорили, кому из них выпадет честь лежать под головой Иакова — ведь поутру Иаков возлил елей на этот камень, умастил его. После долгого спора все камни слились воедино и стали одним камнем, наподобие Собрания Израиля, что едино, несмотря на споры.

Мало того, что все камни слились воедино, — вся Земля Израиля сжалась до размера четырех амот, то есть до квадратной сажени, участка, на котором спал Иаков, а это известно нам по сказанному там: «Землю, на которой ты лежишь, тебе дам и твоему семени» (ст. 13). А сжалась она до четырех амот, чтобы напомнить — много ли человеку земли нужно. Место это было — Бет-Эль, Вефиль, к северу от Иерусалима.

...упрятали их доказательства... — почтение к рабби Иоханану — не единственная причина прятать книги. Сам Господь спрягал Книгу Создания, которую написал во время Сотворения мира, а другие говорят, что осталась у мудрецов, и с ее помощью оживляли они Стр. 42

прах и глиняных болванов людьми делали. Царь Хезеккиа спрятал Книгу Исцеления, что получил праведник Ной из рук ангела. Книга Сияния была спрятана многие годы и века, пока не вернулась чудом, когда настало ей время появиться. Чуть было не спрятали люди Великого Собрания и книгу Екклезиаста, и Песнь Песней, и книгу Иезекииля. Спрятали на многие годы комментарий Рамбана на книгу Бытия, ибо писал он, что в семь дней творения ночь вслед за днем приходила, а все знают, что день наступает вслед за ночью, как сказано (Левит 23:32): «От вечера до вечера празднуйте субботу», а не от утра до утра. Р. Исаак, племянник р. Тама, узнал все дополнения к Талмуду и воскликнул: «От суетудрия сего забудется Закон» — и повелел все дополнения спрятать, кроме самых необходимых. И вообще толковали мудрецы наши стих в Екклесиасте 1:18: «Кто умножает познания, умножает скорбь» — так: если б не согрешил Израиль и не поклонился золотому тельцу, то получил бы только Пятикнижие и книгу Иисуса Навина, ибо в них все есть — и Завет с Богом и Земля Израиля, но согрешил — и дались ему и другие книги в наказание, чтобы умножить его скорбь.

...пир во славу завершенного учения... — важный обычай, ибо мир дольный и мир горний связаны друг с другом при помощи Учения. Видит ученый муж, что не все в мире хорошо, изучит трактат в Талмуде, отпразднует его завершение и начнет с новой страницы; так и на небесах — отпразднуют его завершение и начнут жизнь всего мира с новой страницы, может быть лучше прежней.

...не скрадывали мясницкого резака... — а вот почему не скрадывали — всерьез понимали шутку, по которой запрет есть мясо в девять постных дней, предшествующих 9-му аба (дню траура и разрушения Храмов), наложен только на невежд, по сказанному в Талмуде, в трактате «Пасхи»: «А невежде и мяса есть не положено». Гордцами были и считали себя учеными мужами.

Стр. 43 Освящение молодого месяца — этот очень красивый и, видимо, очень старинный обряд проводят во время недели после новолуния, то есть второй фазы месяца, когда он

висит широким серпом в небесах. Выходят во двор Дома молитвы, благословляют Господа, обновляющего месяцы, Который обновит в милости Своей и нас, а затем подпрыгивают, приговаривая: «Как я до Тебя не могу дотянуться, пусть так и враги мои не смогут дотянуться до меня». Когда луна красивее — когда она полна или когда серпом лишь поблескивает? Японцы и китайцы склонялись к полнолунию, и еврейские праздники тоже часто выпадают на полнолуние, как, например, Пасха. «Песнь Песней была сотворена в момент полного совершенства, когда луна была полна и Храм высился», — сказал р. Иоси, а мог бы сказать и японский монах Сайге, понимавший толк в храмах и полнолуниях.

Дух божий — так переводится здесь мистическое понятие Ш'ХИНА, которое обычно переводится как Божье Присутствие и напоминает библейское слово «скиния». С позиций чистого единобожия можно сказать, что под этим подразумевается связь Господа с народом Израиля, в среде которого Он обитает (шохен), как сказано (Исход 25:8): «Я буду обитать между вами». Это, так сказать, еврейская сторона единого Бога. Однако со временем это слово наполнилось иным смыслом. Под Ш'хиной стали понимать иногда нечто вторичное от Господа, что первичнее всего остального. Так как в Библии много антропоморфических замечаний по отношению к Богу, показалось удобным приписывать их Ш'хине, вторичному духовному явлению. Господь вездесущ, как же выразить уверенность в том, что Он — с нами? Тут и появляется надобность в Ш'хине — вторичном проявлении Духа. По легендам, Ш'хина последовала за евреями в Изгнание и томится там, ожидая возврата с приходом Мессии. По некоторым легендам, она никогда не оставляла Храмовой горы и Стены Плача, но в Талмуде (Иома, 9б) говорится, что и во Втором Храме Ш'хина не покоилась, не то что в развалинах Второго Храма. Ш'хину часто представляют в виде птицы — она стонет в Иерусалиме, восклицая: «О дети мои, за грехи ваши Я разрушил дом Свой». А почему именно птицы? На это намекает, по легенде, число псалмов в Псалтири — 150, на иврите:

куф-нун (если выразить числа буквами). А куф-нун вместе читается как «кен», гнездо, иными словами, Псалтирь — это гнездо птицы Ш'хины. Видимо, отсюда взяли христиане свой образ голубя — Святого Духа, что и дало Пушкину возможность пошутить о «сыне Птички и Марии» (Иисусе).

Ш'хина практически равнозначна Святому Духу, что показал Марморштейн в «Еврейской Теологии», 1950 г. Так, когда рабби Аха говорит о Святом Духе (мидраш Левит Раба 6:1): «Святой Дух защищает Израиль, говоря Богу и т. д.», он мог бы использовать и термин Ш'хина. Ш'хина стала восприниматься со временем как нечто отдельное от Бога, и в Мидраше Мишлей она обращается к Богу и спорит с Ним, защищая царя Соломона. Особое развитие идеи Ш'хины произошло в учении каббалистов. Они возродили, вероятно, существовавшие в латентной форме в течение полутора тысяч лет поверия Израиля и сделали из Ш'хины полноправную женскую ипостась Бога. В древности Израиль верил, видимо, в множественность ипостасей Бога и в наличие женских ипостасей. Так, Господь явился Аврааму в образе трех человек (Бытие 18:2). Филон Александрийский писал: «Хотя Господь един, Его главные силы — две: Добро и Власть. Добром Он создал мир, Властью Он правит миром. Он был Отцом творения, а Матерью была Мудрость. Их единственный сын: наш мир... Господь — супруг Мудрости...» («О херувимах»). Все же во времена Талмуда эта концепция оставалась неразвитой — вплоть до каббалистов, у которых «Мудрость — Отец и Понимание — Мать воссоединились и породили Сына и Дочь» (Зоар 3:290а). Дочь этой Тетрады и есть Ш'хина (или Матронит — матрона). Она — младшая из 10 элементов («сфирот») Бога — всегда девственна, хоть и вступает в союз с людьми и другими ипостасями Бога. Когда Соломон строил Храм, она вступила в союз со своим братом Царем, причем их соитие происходило в канун Субботы (Зоар 3:296а). После изгнания Царь взял себе в жены царицу Злых Духов Лилит (Зоар 3: 69а), а Ш'хина была вынуждена вступать в союз с другими (Зоар 1:846). Со временем она упо-

добляется Деве Марии — своей вечной девственностью и покровительством, которое она оказывает верующим в нее. Подобно Иштар, она вступает в союз со смертными, и ее супругом во плоти был Моисей (Зоар 1:21б—22а). Идеи Каббалы легли в основу хасидизма — религиозного фона к данным произведениям Агнона.

Тора мыкается — в устах старцев града — замаскированная цитата из «Эстер раба»: «Храм Божий в развалинах, а злодей этот (царь Артаксеркс, Ахашверош на иврите) пускается себе в бражный разгул».

Три трапезы в субботу — принято у евреев есть три трапезы в субботу: одну вечером по сретению субботы, одну днем субботы после молитвы и одну — перед исходом субботы, и говорит легенда, что три трапезы эти — супротив Авраама, Исаака и Иакова, а трапеза, что вкушают по исходе субботы, — против царя Давида, мир праху его. Но, как можно прочесть на первой странице «Сретения невесты», считалось, что учение Торы освобождает человека от обязанности есть третью трапезу, но не в Земле Израиля, по словам служки.

Стр. 46

ПРАХ ЗЕМЛИ ИЗРАИЛЯ

...спускался в Польшу... взойти на Землю Израиля. — Превыше всего в мире — Святая Земля, Страна Израиля, а в ней превыше всего Иерусалим, что стоит против Престола Всевышнего. И всякий, кто покидает Страну Израиля, спускается в прочий мир, а всякий, приезжающий туда, восходит на нее. А в отношении Иерусалима это верно и в простом смысле, потому что на горе город. Интересно, что и японцы говорят «взойти в столицу», хоть Киото и на равнине.

Стр. 49

«Друзья Сиона» (или «Возлюбившие Сион») — одна из ранних палестинофильских организаций.

В нечистую землю... — так начинается главная тема рассказа — по словам пророка Амоса (7:17): «Израиль будет изгнан из своей земли, и ты умрешь в нечистой земле». Это и происходит — потомки изгнанников ло-

жаты не в Святую Землю, но в землю чужую, нечистую.

Стр. 50 *Не удостоился погребения в Земле Израиля...*— праотец наш Авраам пришел в Землю Ханаанскую, обещанную ему, из Междуречья, пожил в ней, отправился в Египет, вернулся обратно. Его внук Иаков-Израиль провел молодость в Междуречье, а старость — в Египте, тогдашних Советском Союзе и Америке. Но перед смертью приказал Иаков, чтоб отнесли его похоронить в Землю Израиля, и его сыны отнесли прах его и погребли в двойной пещере Махпела в Хевроне, рядом с его отцом Исааком и дедом Авраамом. Итак, с самого начала нашего народа его сыны жили и умирали в разных местах, но мечтали о Земле Обетованной, которая никак не давалась. И раз уж она не давалась при жизни, стремились хотя бы лечь в нее костями. В течение 13 веков — от Иисуса Навина до Бар Кохвы — танаология не была нужна — земля была дана живым, но затем стремление лечь хотя бы в прах, который возжелали праотцы наши, возродилось. Оно рационализировалось множеством путей, в связи с жизнью грядущей, воскресением, пришествием Мессии-Избавителя, особыми свойствами земли нашей и т. д. Прежде чем окунуться в океан толкований на эту тему, подумаем, откуда вообще появилась вся эта мифология избавления погребением, прахом Земли Израиля. Крупный современный фольклорист Гастнер пишет в своей интерпретации библейской мифологии: «Миф, вопреки общепринятому мнению, — это не нечто старое и ветхое, впоследствии вытесненное логикой и философией. Миф, или мифопоэзия, — это независимое свойство ума, действующее в любое время и в любом веке, параллельно рассудку и размышлению. Оно воспринимает и выражает явления, основываясь на их значении, а не внутренней сущности, на впечатлении, а не на анализе, поэтически, а не научно. Отношение человека к мифу — это отношение участника, а не слушателя или зрителя. Адам и Ева — это любые мужчина и женщина, все мы изгнаны из Рая, все мы променяли счастье на знание. Все мы бежим из Египтов, получаем откровение

и стремимся в Землю Обетованную, которую увидят лишь наши дети. Мы все боремся с ангелами всю ночь до рассвета. Поэтому примитивный обычай — носить с собой Бога в сундуке — в ковчеге, в скинии — это не варварство и обман, но выражение необходимости Божьего присутствия в пустыне нашего бытия. Когда невеста покрывает лицо вуалью, укрываясь от злых духов, мы понимаем, что девушка боится всех тягот супружества. И все это — не аллегория, так как это не было осмыслено потом на основе более развитой философии. Смысл мифа находится там с самого начала. Теперь мы можем выразить некоторые идеи на абстрактном языке метафизики, например, мы можем сказать: восприятие Законов Природы требует способности человека переступить за грань своего ежедневного опыта в мир трансцендентального, а также способности трансцендентального выразиться и персонифицироваться в непосредственном объекте. На языке мифа эту же истину можно выразить так: чтобы Человек мог приять Божий Закон, человек должен взойти на гору, а Господь должен снизойти к нему». Так и здесь: вера в воскресение и особые свойства Земли Израиля — не суеверие и не аллегория, но выражение странной и древней любви народа Израиля к Земле Израиля, любви в течение 1300 лет вышедшей за рамки мифологии и принявшей, как в наши дни, политическое обличье, но в течение не менее продолжительного времени отступившей до уровня погребальных обрядов и эсхатологических поверий.

Разверзнет ... и возведет — все же не оставит Господь семя свое, посеянное в нечистую землю: он соберет всех праведников Израиля в час прихода Мессии. Как же соберет мертвецов? Сказал р. Симон: что делает Господь, делает праведникам норы вроде пещер, и в них они перекатываются под землей, пока не доберутся до Земли Израиля, а там Господь дает им дух, по сказанному (Иезекииль, 37:12): «Я открою гробы ваши и выведу вас, народ Мой, из гробов ваших... и вложу в вас дух Мой, и оживете, и помещу вас на земле вашей». И разъяснено это в Иерусалимском Талмуде: «Господь разверзнет пред ними землю пустотами». Но переход

этот под землей до Иерусалима ужасен, по сказанному: «Мука праведникам перекатывание это» (там же), а вслед за муками перекатывания по пещерам и норам — вторая смерть. И еще отличие: сказано у пророка Исайи (42:5): «Он даст душу народу на ней и дух идущим в ней», душу — тем, кто ходил по ней и погребен в ней, то есть жителям Страны Израиля, но тем, кто умер на чужбине и пришел в нее по норам и пещерам, — им — лишь дух.

Казалось бы, выход ясен — пересылать свое тело на погребение в Святую Землю, как поступил Иаков, как поступил и сын его Иосиф Прекрасный, завещавший своим детям взять с собой его кости и отнести в Землю Израиля, когда они освободятся из Египта, — и впрямь они так поступили и похоронили его в Сихеме — Шхеме.

Но понятно, что мудрецам, жившим в Стране Израиля, не нравилось, что превращают Землю Живых в кладбище, куда только умирать приходят. «Рабби Баркирия и рабби Элиазар прогуливались по страту (от латинского страта — улица) у врат Тивериады и увидели: влекут гроб с покойным из-за границы на погребение в Стране Израиля. Сказал р. Баркирия р. Элиазару: что тому, кто отдал душу на чужбине, проку в погребении в Земле Израиля? Не о нем ли сказал пророк Иеремия: «Мои угодия вы сделали мерзостью» (2:7), то есть при жизни мерзостью считали угодия Господа, Страну Израиля, и не селились в ней, а потом (Иеремия, там же) «вы вошли и осквернили землю Мою» — по смерти осквернили своими трупами землю Господа».

И учили мудрецы наши: несхож тот, кто жил и умер в Земле Израиля, с тем, кто лишь на погребение в нее лег.

Все же евреи, как правило, в течение многих веков приезжали в Страну Израиля лишь умирать, как, например, поступил прапрадед переводчика — он приехал, когда ему было за пятьдесят, но в Твери он встретил одну смуглянку (она, видимо, тоже приехала сюда умирать — ей было уже 19 лет) и имел от нее четырех детей. Так оно с планами.

«*Две смерти*» — речь идет о том, что погребенные в чужой земле не воскреснут, «не придут к новой жизни в дни Мессии», как сказал талмудист р. Хелбо. Интересно, что в библейские времена евреи, видимо, не интересовались личным бессмертием, и многие места в Библии можно истолковать как подтверждение тому, что за гробом ничего нет — ни рая, ни ада, ни блаженства, ни страданий. Искупление и спасение были долей народов, а не отдельных людей, так, что каждый еврей спасется в лице своего потомка, который воочию узрит пришествие Мессии. Но затем была развита идея более персональная — когда придет Мессия, наступит день Восстания Мертвых. Но похороненные на чужбине не воскреснут, ибо сказал пророк Иеремия (20:6): «И ты, Пасхор... придешь в Вавилон, и там умрешь, и там будешь похоронен». Сказал рабби Ханина, один из талмудистов: почему добавил пророк: «И будешь там похоронен», не все ли равно мертвому, где его похоронят? А дело в том, что погребение в чужой земле — как вторая смерть, по мысли пророка, ибо не воскреснут они во дни Мессии. (Это не касается жизни грядущей, в отличие от дней Мессии, по сказанному в Талмуде (Благословения 34): «Все пророки пророчествовали лишь о днях Мессии, а о грядущей жизни лишь одному Богу известно».)

...вкусить от их сладости... — сказал р. Хелбо (Бытие Раба 96): лишь умершие и погребенные в Земле Израиля живут вновь в дни Мессии и вкушают от их сладости.

Так что все же лучше быть похороненным в Святой Земле.

Жены их одиноки... — по еврейскому праву нет презумпции смерти, в отличие от, скажем, римского права, и даже очень долгое отсутствие мужа не освобождает женщину от брачных уз. Жене пропавшего без вести солдата трудно, если не невозможно доказать свое вдовство. Развестись в отсутствие мужа она не может, так как развод по еврейскому праву производится односторонним актом мужа. Ни один раввин не дал бы женщине разрешения на второй брак в таких туманных условиях, так как, если бы выяснилось потом, что

первый муж не погиб, женщина оказалась бы прелюбодейкой, а ее дети от второго брака — ублюдками. Эти дети не смогли бы вступить в брак с сынами Израила и до десятого поколения. Самой женщине было бы запрещено жить и с первым, и со вторым мужем, и во всем этом был бы виноват давший разрешение на второй брак раввин. Боясь подобных гибельных последствий, предпочитали оставить женщину соломенной вдовой. Мужчине такая судьба не грозила — он мог и развестись с отсутствующей женой, и в худшем случае оказался женатым на двух сразу, а это тоже не так-то страшно, и праотец Иаков справился с этим. Иудаизм не исключает многоженства, хотя тысячу лет назад мудрец р. Гершом запретил (еще один запрет мудрецов — вопреки Торе!) евреям Европы брать вторую жену. Р. Гершом наложил свой запрет на тысячу лет, т. е. он отпал в 1962 году, но, покоряясь христианской морали, и сейчас раввины Европы и Израила навязывают еврейскому народу единобрачие. В Израиле даже евреям стран Востока запрещают брать вторую жену, хоть у них это было освящено обычаем до наших дней. Для женщины же двоемужество — страшный грех, прелюбодейание, и поэтому у евреев всегда так много соломенных вдов. Освободить их от «соломенного вдовства» считалось богоугодным делом. Агнона очень тянула эта тема, и даже его первый рассказ так и назывался: «Соломенные вдовы», «Агунот» на иврите, отсюда и псевдоним «Аггон».

Месяц покаяния — месяц Элул, предшествующий Новому Году (Рош Ашана). Новый Год и последующие 10 дней вплоть до Судного Дня — Иом Кипура — считаются днями покаяния, когда человек кается в своих грехах и старается проявить свое раскаяние во всем, в частности в подаянии бедным. Весь Элул идет подготовка к этим 10 дням, и поэтому в течение всего месяца Элул также каются, посещают могилы, подают милостыню, постятся, просыпаются по ночам на полночную молитву, скорбят о разрушении Храма и т. д. По традиции 30 дней месяца Элул и последующие 10 дней от Нового Года Рош Ашана до Судного Дня Иом Кипур в месяце Тишрей вместе соответствуют 40 дням,

которые провел наш законоучитель Моисей на горе Синай. У мусульман тоже есть праздник милосердия и подаяния, говоря словами Сулейменова: «Сегодня над миром Аллаха идет Курбан Айт, великий жертвенный праздник, сегодня готов простить Аллах грехи великие за щедрость великую вашу».

Живые — бедные — странное противопоставление, не так ли? Когда наш праотец Иаков обманул своего брата Исава и бежал от его гнева в Междуречье, за ним была послана погоня. Исава в гневе послал всех своих сыновей с приказом застичь и убить Иакова. И один из сыновей Исава, достойный Элипаз, догнал Иакова в пути и уж собрался убить его, но Иаков уговорил его сохранить ему жизнь.

— Но я не могу нарушить приказ отца,— сказал сын Исава, и Иаков ответил ему: возьми все мое добро, и тогда ты не солжешь, если скажешь отцу, что я мертв, ведь бедный — все равно что мертвый, говорит пословица. Так он и поступил. Поэтому Агнон противопоставляет живых бедным.

Толкования Раши — евреи испокон веков любили толковать Библию: и Талмуд, и все прочие труды можно понимать как аппарат толкования Библии. В результате к началу второго тысячелетия н. э. мало кто знал подлинное значение древнего и канонизированного библейского текста и суетумудрие заслонило слова Завета. Мудрец Раши ознакомился со всеми толкованиями и повелел многие из них спрятать подальше, чтоб людей не отвлекать, и написал короткие и прекрасные объяснения к Библии. Его объяснения читают все — от мала до велика. Объясняя их краткость, евреи говорят, что в дни Раши чернила были на вес серебра. Скоро нам представится случай процитировать Раши.

Я сооружаю Храм — здесь можно увидеть выпад Агнона против светского сионизма (противопоставленного традиционной еврейской любви к Стране Израиля). Кладбищенский сторож был из «вожаков» сионистов, читал светские книги и газеты, продавал акции на обновление Страны Израиля («Марфа»), и ему приходится просить горстку праха Святой Земли у человека,

учившего Писание, строившего храм из воска («Мария»).

Благословения об апельсинах — евреи благословляют Господа за все, что с ними случается, начиная от рождения — «Благословен плод чрева» — и до смерти — «Благословен праведный Судия». Евреи благословляют Господа особо за все беды и блага, и за хлеб — «Благословен Извлекающий хлеб из земли», и за вино — «Благословен Создавший лозу». За апельсин полагалось в данном случае благословлять Господа дважды — и за то, что сотворил плод, и за то, что дал им дожить (буквально — дожил их) до этого времени, до первого нового плода в Новом Году. И так весь день и вся жизнь героев Агнона размечена благословениями и молитвами, так, утро и вечер — это время, когда говорят «Слушай, Израиль, и т. д.».

Первенец Сиона — Исаия 41:27.

Стр. 51

Прах Земли Израиля — вот и появляется главный герой нашего рассказа — прах Земли Израиля. До сих пор мы говорили о том, что евреи любят Страну Израиля, что вполне естественно — всякий любит свою страну. Но любовь наша абсолютно вечна и конкретна, мы любим каждую крупицу ее праха. Сказано в трактате Брахот: спустившись на берег у Аккры, целовали землю учителя наши, и об этом же говорил царь Давид: возжелали рабы Твои камня ея (земли Израиля) (Псалмы 102:15). И еще один секрет: сказано (Исход 20:24): «Сделай Мне жертвенник земли», а можно прочесть эту фразу и по-иному — «Сделай Мне землю жертвенником», то есть Господь приказал сынам Израиля сделать всю землю их жертвенником Ему. И поэтому сказали учителя наши: каждый, похороненный в Земле Израиля, как под жертвенником похоронен.

От этой плотской любви к праху Земли Израиля желали евреи быть хоть погребенными в нем. Когда Рассеяние еврейское расширилось невероятно, трудно стало посылать трупы на погребение в Землю Израиля, и появился обычай — класть в гроб щепоть праха земли израильской. И пишет автор Мидраша Тальпиот: «Слыхал я, что коли положить прах Земли Израиля на

глаза, пуп и обрезание, то как в самой земле Израиля погребен будет». Поэтому и просит кладбищенский сторож горстку праха.

В связи с этим был интересный спор переводчика со Львом Наврозовым, утверждавшим, что слепая наша любовь к Земле Израиля позаимствована у толстовцев либо эсеров, и вообще, земля — прах один, помогать же евреям еще лучше в Америке. Помогать евреям из Америки — занятие популярное, и не один из нынешних еврейских гуру утверждает нечто схожее. Еврей, конечно, может жить где угодно, пока не раздадутся шаги Мессии, хоть в Америке, хоть в Париже, хоть в Москве, но чем стараться во благо земли израильской, лучше стоять на ней.

...неведом... — Екклесиаст 9:12.

...как тень... — там же.

Стр. 52

Земля Живых — обычный титул Страны Израиля. Не в насмешку он дан — сюда последние две тысячи лет евреи только умирать присажали, — но по словам псалмопевца: «Буду ходить пред лицом Господним на земле живых». Почему ж так назвал страну нашу царь Давид, бывают ли под солнцем страны мертвых? — спрашивает средневсковый толкователь и добавляет: если речь о стране, где жизнь хороша, то есть страны, где жизнь лучше. Может, и вовсе не о Стране Израиля говорил царь? Так нет, в продолжение этого же псалма, в стихе 19-м (в русском переводе этот псалом разделен на два: 114 и 115, а в еврейской Библии его порядок — 116) он добавляет: «Посреди тебя, Иерусалим!» А дело в том, что погребенные в Стране Израиля встают к жизни новой с приходом Мессии, поэтому и зовется страна эта страной живых.

Земля народа — эта фраза является точным, но закодированным объяснением, зачем еврею нужно погребение в Земле Израиля или хотя бы горстка ее праха в могилу. Этой же фразой отвечает р. Элиазар на гневную филиппику р. Баркирии в примечании выше, имея в виду, что Господь окажет искупление погребенному в Земле Израиля, даже если он и не ходил по ней при жизни. Вот особое свойство Земли Израиля — она несет искупление. Сказал пророк Иеремия (51:5): «Земля

их полна грехами», и объясняют ученые мужи Израиля: земля полна грехами, но не люди, земля израильская берет на себя все грехи людей, живущих в ней, и поэтому люди Страны Израиля — живые и мертвые — грехов не имут.

Эта фраза (Второзаконие 32:43) буквально означает: «(Он) очистит ИЛИ искупит, ИЛИ выкупит земля его народ его». Синодальный русский перевод, согласуясь с арамейским переводом Онкелоса, с греческим переводом Септуагинты и латинским Вульгаты, гласит: «Он... очистит землю Свою и народ Свой». Но в тексте подлинника нет ни «и», ни ясности объекта и субъекта. Поэтому можно эту фразу читать по-разному.

Старцы-пополнители толкуют так: Израиль, народ Его, искупит землю Его, по сказанному: «Нет искупления земле, на которую пролилась кровь, кроме искупления кровью пролившего кровь». То есть речь идет не об «очищении», а об «искуплении» — об акте смытия пролитой крови кровью убийц. Запрет пролития крови — один из фундаментальных запретов Библии, не только в фигуральном смысле, как запрет убийства, но и в реальном — магическом смысле. Закон Моисея требует особого обращения и с кровью убитых животных, а уж людская кровь, пролитая на землю, во всех легендах вопиет к небу, пока ее не покроют прахом, а еще лучше — кровью убийцы. (Масса примеров приведена Фрейзером в его исследовании Библии как фольклора.) И здесь — кровь народа Израиля пролилась на землю и вопиет к небу. Искупление земли, загрязненной кровью, придет, когда кровь убийц — тех, кто проливал кровь евреев, — покроет ее. И если у Онкелоса искупление земли — дело рук Бога, у старцев — это дело рук Израиля.

Рамбан видит в этом стихе знак неизбежности искупления, ибо в нем нет условности. В отличие от возведения Второго Храма, в период строительства Третьего Храма Господь землю искупит и врагам Израиля отомстит.

Некоторые толкователи толкуют второе слово сти-

ха, «адмато», не как «земля его», но как «кровь его» и читают стих так: «Он искупит кровь народа своего» — то же, что и выше, только без земли.

Другие понимают эту фразу так: земля народа Израиля — его искупление, откупная жертва народа Его, подобно тому, как петух считается откупной жертвой у евреев за грехи наши в Судный День Иом Кипур.

Можно прочесть стих и на каббалистский манер, понимая третье слово стиха, АМО, народ его, как ИМО, вместе с ним. Тогда стих будет звучать так: Он искупит землю Свою вместе с ним, т. е. Он, Господь, искупит, избавит, очистит землю Свою — Землю Израилеву, включая и ее комки за рубежом, и, искупая ее, вместе, заодно, захватит и мертвецов Израиля и принесет им избавление. Иначе говоря, для избавления надо лечь в могилу в Землю Израиля или хотя бы положить горстку праха ее — Господь обещал эту Землю избавить и при этом не оставит мертвеца, по сказанному «вместе с ним».

Но герой Агнона предоставил возможность, по моему, дать новое, невероятное и страшное толкование этого стиха — нет, не Господь искупит Землю, не народ Израиля искупит ее, не кровь евреев искуплена будет, — Земля, то есть могила, — вот единственное искупление и очищение Израиля. Для кладбищенского сторожа нет ни возмездия врагам, ни прихода Мессии, ни успокоения пролитой крови. Для него все грядущее избавление — это мать сыра-земля, земля Страны Израиля, ибо она несет с собой искупление, избавление от всего.

Масличная гора — в день Страшного Суда станут стопы Его на Масличной горе к востоку от Иерусалима, и гора расколется, и мертвые восстанут. Значит, именно к Масличной горе, к лежащей у ее подножья долине Иосафата, придут мертвецы Израиля по норам и пещерам. На Масличной горе — древнейшее еврейское кладбище в мире, конец странствий, желанный отдых, где покоится и прапрадед переводчика, и автор рассказа. На Масличной горе, когда стоял Храм, проводили ритуал сожжения рыжей телицы, как описывается в книге Чисел (гл. 19); ее прах использовался затем

для очищения от мертвецкой нечистоты. Ясно, что это место — самое подходящее для восстания мертвых, да и для их покоя.

Проводить четыре пяди — благое дело. Четыре пяди вышел фараон проводить праотца нашего Авраама по выходе его из Египта (о приходе Авраама см. примечание ниже), и за это Господь дал ему сынов Авраама на 210 лет в рабство (вплоть до Исхода). Но ведь и Навуходоносор вышел проводить праотца Авраама по выходе из Междуречья и проводил те же четыре пяди, но получил в рабство Израиль лишь на 70 лет. (От разрушения Первого Храма до победы персов над Вавилоном.) Почему такая несправедливость? А дело в том, что фараон был карлом ростом в одну пядь, супротив трех пядей роста нормального человека, в том числе и Навуходоносора, и пройти четыре пяди ему было втрое тяжелее. Отсюда знай, что Господь платит каждому по труду, а нам, сынам Израиля, за такой красивый жест несколько сот лет рабства отбыть совершенно нипочем.

Стр. 54 *Таможенники и отец Авраам* — речь идет о поездке Авраама в Египет во время засухи в Стране Ханаанской. Авраам очень боялся, что египтяне отберут у него жену, ибо Сарра была очень хороша собой, таких в Египте не было. И еще: обычно женщина от трудной дороги дурнеет, но Сарра лишь похорошела. Но что ж он об этом не подумал до того, как поехал в Египет? А дело в том, что из-за скромности Сарры он ее толком и не разглядел до этого времени, говорит легенда. Чтобы его не убили египтяне, он решил выдать жену за свою сестру, как известно из рассказа в книге Бытия. История же с таможенниками была такая, по словам Раши: «Пришел Авраам в Египет», написано, вместо «они пришли в Египет», это учит нас, что спрятал Сарру в сундук, а когда потребовали мыто, открыли и увидели ее». Иными словами, сначала Авраам надеялся и вовсе спрятать Сарру от глаз египтян, но подзревавшие мытари открыли сундук и обнаружили ее.

Стр. 56 *И уже забыл я, что это лишь прах...* — ключевая фраза рассказа. Все избавление и счастье — счастье могильное, можно сказать, что, судя по этой фразе, Аггон проповедует эсхатологический сионизм. Тут намечает-

ся переключка с его ранним рассказом, носящим следующее название: «*И кривое станет прямым. Деяния одного адама, нареченного Менаше Хаим, из обывателей Святой Общины Бучачской, что лишился достатка, и нищета, не про нас будь сказано, сбила его с толку Господня, и на Израиль грех навел, и горе, маяту и суету испытал, но души чужой не погубил и удостоился имени и следа в потомстве, как подробно описано внутри сей книги, и об этом же говорится в Писании: «и наказание свое отбудут», а толкователи блаженной памяти объясняли: «и расплатятся муками за вину свою».* Судя по заглавию, рассказ должен хорошо кончаться, ведь «удостоился имени и следа в потомстве». Но на самом деле герой этого рассказа смог испортить себе жизнь всеми вобразимыми способами, и даже имя свое продал, и жены лишился, и умер нищим на кладбище, но (!) кладбищенский сторож знал всю его историю и написал на его могиле имя Менаше Хаима, и таким образом «оставил он имя и след в потомстве».

Повезло Иову, что не Агнон его книгу писал, а то в конце, вместо многих лет жизни, жен, детей и скота, получил бы Иов погребение по всем правилам в Святой Земле, чему уже след радоваться. Так и вся пошедшая насмарку жизнь кладбищенского сторожа может получить «счастливую» развязку — погребение с прахом Земли Израильской на глазах.

...ангелов, выходящих по трубному звуку... — евреи трубят в рог в день Нового Года Рош Ашана и на исходе Иом Кипура — Судного Дня — по многим причинам — вселить страх Божий в сердца собравшихся, и как возвещают о прибытии царя и о начале суда, и как собираются на приступ крепости, и чтобы сбить бесов с толку и т. д. А по этому звуку, говорит легенда, выходят ангелы, как придворные выходят по звуку трубы, вещающей о явлении царя. И имена этих ангелов и впрямь длинны, и приводить мы их не будем.

В мешковине сидеть — еврейский траурный обычай — сидеть без башмаков на полу в мешковине, посыпать голову прахом. Вообще-то так поступают при смерти близкого родственника, но можно и по другим причинам — от скорби по разрушенному Храму, например.

...за границу бежал...—чтоб не довелось ему лечь костями в Святую Землю, сослал его Агнон за границу. Но по легенде, выбрасывает недостойных покойников из себя Земля Израиля.

Стр. 58 *Четыре пяди* — еще бы не отмерить 4 пяди Земли Израильской, сказал р. Иоханан: всяк, кто пройдет четыре пяди Земли Израильской, заслужит себе долю в Царствии Грядущем.

Стр. 60 *Поминальный год* — после смерти отца, когда сыновья читают по нем каждый день поминальную молитву «кадиш».

ПОД ДЕРЕВОМ

Стр. 62 *Господа* — Пс. 24:1.

А землю — Пс. 115:16.

Султан, Аллах и т. д. — звучат совершенно по-иностранным для русского уха, но не так обстоит дело с ивритским читателем, для которого «султан» — это «шалит» («салит»), «аллах» — «элоха» и т. д. Точным эквивалентом была бы транслитерация речи поляка в русском тексте: круль, Буг — хоть и не по-русски, но вполне понятно. Вот оно, еще одно достоинство Страны Израиля — в ней народ Израиля и по языку вписывается в среду окружающих народов.

Стр. 69 *Хайбар* — горы в Хиджазе в 150 км от Медины, где жило вольное еврейское племя. Из этого племени пророк Мухаммад взял себе жену Сафию, и с ее родней заключил он союз и завет. Пресмники Мухаммада нарушили завет и изгнали евреев из Хайбара и из Хиджаза вообще.

Стр. 74 *День короток* — р. Тарфон сказал: «День короток, работа велика, работники ленивы, плата обильна, и хозяин подгоняет» (Поучения Отцов 20).

...не все понял... — воевода не понял мистического ответа рассказчика. По словам воеводы, не тем евреям, что сейчас в Стране Израиля, власть ею, но лишь тем, что исполняют все заповеди и др. — евреям Хайбара. Рассказчик отвечает ему: в наших посадках есть не только материя, но и магия, не уступающая магии сынов Хайбара.

СРЕТЕНИЕ НЕВЕСТЫ

Роман «Сретение невесты» зачастую сравнивают с «Дон Кихотом» — этим сравнением воспользовалась и Шведская Академия, присуждая Агнону Нобелевскую премию. Технически сравнение оправдано: оба романа написаны в жанре романа-путешествия, с многочисленными вводными новеллами. Герои обоих романов движимы идеями «не от мира сего». Но на этом сходство кончается.

Если Дон Кихот — утраченный рай достоинства и чести (теперь никто не заступает за слабых — таков лейтмотив Сервантеса), то «Сретение невесты» — рай обретенный. Путь чудаковатого героя, реб Юдль-байбака, верного заветам иудейского рыцарства, приводит его к желанной цели именно тогда, когда, казалось бы, удары судьбы должны были бы окончательно излечить его от благородного безумия: безусловной веры в Бога и Его заветы. В данном издании читателю предлагаются только три из 31 главы книги — первые две, в которых герой, р. Юдль, пускается в путь, и вводная новелла «От лихого теснителя», вышедшая на иврите отдельным изданием. Живущий в Южной Африке Моше Герцль провел огромную работу и нашел множество источников, из которых черпал Агнон. Его книга «Ш. И. Миров» (Ш. И. — инициалы Агнона, а также 310 по цифирной азбуке, ибо сказано (Укусы 3:12): Ш. И. (310) Миров даст Господь праведникам, по сказанному (Притчи 8:21): «Дам любящим Меня имеющееся (И. Ш. на иврите)» — название, достойное агнониста, ибо поклонники Агнона сродни поклонникам Набокова, Льюиса Кэрролла и Толкиена) послужила переводчику бесценным пособием.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

...служба Богу и уча Тору... — по сказанному («Поучения отцов» 1): «На трех вещах стоит мир: на службе Богу, на Торе и на милосердии».

Лишь о Торе Божьей все помыслы его. — Псалмы 1:2.

Стр. 79

...и не было у бедняка... по словам пророка Натана царю Давиду (Вт. кн. Самуила [Царей] 12:2).

Рассказ о манне: «читают его (Исход 16:4—36) после рассветной молитвы» («Образ жизни»).

Стр. 80

Заступ для рытья: Тору следует изучать лишь во имя ее, но не для получения какой-либо пользы — например, не для того, чтобы можно было есть мясо. Изучение во имя такой посторонней цели обошлось бы нашему хасиду в его долю в Царствии Небесном. «Лучше грех во имя греха, чем исполнение заповеди не во имя заповеди», — говорится в Талмуде. Этот последний принцип был усвоен буквально и переосмыслен саббатянами и франкистами, которых тянуло к греху во имя греха, как к пути к спасению.

...груды сильны... — Иезекииль 16:7.

...измываться над своими домохозяевами... — «Кто знает Тору? Сказал Рава: тот, кто жесток к домохозяевам своим, как р. Ада бар Матна, что сидел за Торой, и сказала ему жена: дети твои-то — чем кормить их прикажешь? Сказал ей: неужто крапива вся перевелась? Пусть, мол, крапиву едят» (Ограда 21:2).

Стр. 81

Сретение невесты — важное дело и одно из повелений — помочь выдать замуж бедную невесту. «Выполнивший эту заповедь (ввода жениха в сретение невесты) пожинает плоды ее в мире ссм, а заслуга зачтется ему в мире грядущем» (Суббота 27).

Аптинский раввин — р. Авраам Иошуа из Апты, один из хасидских праведников — цадиков, дошедший до чисто буддийской просветленности: по одному из рассказов, он как-то удивился, что коровы делают у него в доме, а потом понял: это же не коровы, это просто дураки. Любопытный монах Зен оценил бы это. Он также знал все свои прошлые перевоплощения; знал, например, что однажды он был первосвященником, и поэтому, поминая в Иом Кипур службу в Храме, говорил «я» вместо «он» (о первосвященнике).

Стр. 82

Мезуза — обычно продолговатая коробочка, которую крепят к косякам еврейских домов. В ней заключен тот же текст, что и в коробочках филактериев, а в ней — имя Всемогущего, Шаддай, ибо это имя можно расшифровать как сокращение: «Страж Дверей Из-

раиля». Ее евреи целуют при входе и выходе, в доме без мезузы и жить нельзя. Среди законов Торы есть закон о поддлежащем уничтожению «городе порока», взбунтовавшемся против Господа, — нечто аналогичное закону о непокорном и бунтующем сыне, которого следует побить камнями. Но практика у евреев пошла по пути смягчения библейских наказаний, для чего мудрецы нашли немало уловок, практически исключая применение этих мер. Например: город не считается «городом порока», пока на его косяках есть хоть одна мезуза, а поэтому, как сказал мудрец, не было «города порока» и быть не может.

Субботняя прогулка — в субботу можно проходить не более 2000 вершков от дома в любом направлении («Образ жизни» 397).

...трех любимцев... — трое составляют суд (Синедрион 2:1), а поэтому сказанное перед тремя имеет особую силу.

ВТОРАЯ ГЛАВА

...все души... — по сказанному (Второзаконие 29:14): *Стр. 86*
«...и с теми, которых нет здесь с нами сегодня, я поставлю сей завет» (сказал Моисей).

Юдль-байбак — байбак (батлан) в стране Агнона — человек, который не работает, а учит Тору; без суетных дел, но мыслями о Господе. По словам Раши: «бездельников отвлекают от суетных дел, чтобы присутствовали на каждой рассветной и закатной молитвах».

...в юго-западном углу... — чем ближе к востоку — тем больше славы, денег и почта человек добился. Западный угол указывает на очень низкое общественное положение р. Юдя. Но евреи, как и китайцы и японцы, верят в благоприятные стороны. Так, у китайцев и японцев север — сторона власти [властитель сидит на севере (или северо-востоке) и смотрит на юг (юго-запад)], у евреев север — сторона богатства, а юг — сторона мудрости. Сказал р. Ицхак: кто ищет ума, пусть стоит за молитвой на юге, кто ищет богатства — пусть стоит на севере. Сказал р. Йошуа бен Леви:

стоит стоять на юге, потому что ум приносит богатство. И вся книга «Сретение невесты» подтверждает эту точку зрения.

Стр. 90 *Двести золотых*— «есть у него 200 золотых — пусть не просит пожертвований» («Иоре Деа»).

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

Стр. 96 *...от лихого теснителя...*— Исаия 51:13 (от ярости притеснителя — по синодальному переводу).

Стр. 97 *Кущи* — в память сорока лет странствий по Синайской пустыне после исхода из Египта Господь заповедал евреям праздновать праздник Кущей (Суккот). Во время этого праздника, выпадающего на раннюю осень, сидят под навесами из зелени — под кущами — и держат в руках четыре вида растений, как говорится в гл. 23 книги Левит, ст. 40, — веточки вербы, мирт, пальмовую ветвь и разновидность лимона. Этот вид лимона, этрог, снабжен пипкой — черенком, который очень легко отлетает, а без нее этрог считается непригодным для благословения. Праздник Кущей продолжается 8 дней, но благословение необходимо произнести лишь в первый день, поэтому Агнон подчеркивает: «в первый день Кущей».

...Создателя всех благ...— а не Сотворившего Лозу, так как наливка была не из винограда.

Стр. 98 *...как черт от трубного звука* — когда тот пытается влезть в турий рог — оборвать мучительный для него звук и помешать евреям исполнить повеление: «Трубите в рог».

Омовение рук — перед едой следует не только вымыть руки мылом, но и омыть их — для ритуального очищения. Обычное мытье рук не даст очищения по Закону.

Указал жестом — т. к. меж омовением и едой запрещается говорить.

Стр. 99 *...не покрываясь талитом...*— у европейских евреев только женатые покрываются молитвенным покрывалом — талитом.

Малая Пасха — опоздавшие справить Пасху по какой-либо причине могли отпраздновать ее месяцем позже. Это и есть Малая Пасха. Стр. 102

Матери всех девушек — казалось бы, кому нужен бедняк, которого кормит староста, в зятя? Но в те дни, в агноновском царстве, знание Торы ценилось выше изумрудов. В гл. 3 трактата «Пасхи» говорится: «Продаст человек все свое добро... и выдаст дочь свою замуж за ученого человека. Выдающий дочь свою за невежду подобен человеку, связавшему дочь свою и бросившему ее льву. Лев нападает на свою добычу и пожирает ее и не ведает стыда. Невежда бьет ее и совокупляется с ней и не ведает стыда». Стр. 107

СВЕТ ТОРЫ

Свет Торы — рассказ напоминает христианские легенды о святых — покровителях воров и т. д. По средневековой христианской логике, у каждого ремесла был свой покровитель, а значит, был такой покровитель и у воров. По еврейской логике, свет Торы сияет всему миру, весь мир стоит на Торе, и даже рейды контрабандистов удаются благодаря ее свету. Все же подобных легенд у правоверных евреев практически не было — до саббатизма. Саббатизм — в особенности после отступничества Саббатая Цви — стало на путь оправдания и освящения греха, «спасения через грех», и вот по какой причине. Мессии, по еврейской традиции, следует избавить (спасти) народ Израиля, а через него — и все человечество. Мессия, конечно, должен быть победителем, а не побежденным. Когда прямые мессианские чаяния последователей мессий не оправдывались, появлялись теории, превращавшие их поражение в победу, в апогей их пути. Так, в христианстве (мессианстве Иисуса) распятие превратилось в спасение и искупление всего человечества. В саббатизме (мессианстве Саббатая) таким центральным событием стало отступничество Мессии. Чтобы оправдать этот тяжелый грех своего Мессии, саббатизанцы утверждали, что грех свят сам по себе. Сабба-

Стр. 129

тианство, во многом сходное с гностическими сектами первых веков христианства, так и не вышло за пределы еврейского народа и осталось малой сектой, видимо существующей в остаточной форме и поныне в Турции. Но саббатрианство породило хасидизм; как было доказано проф. Шолемом, именно из сочинений скрытых саббатрианцев хасиды черпали свои идеи. Поэтому данный рассказ можно понимать и на саббатрианский лад: Тора и Учение оказываются мистически связанными с преступлением. В отличие от «Клинка Добуша» в этом рассказе святой не противостоит, но способствует (хоть и не ведая) разбойникам. Эта антиномичность ситуации заставляет выделить данный рассказ с его саббатрианским оттенком и поставить его вместе с рассказом «Правые стези», в котором прямо появляется другой еврейский мессия — Иисус.

ПРАВЫЕ СТЕЗИ

Стр. 133 *Правые стези* — Пс. 23:3. Появление этого рассказа сопровождалось ожидаемым скандалом, который лучше всего сравнить с анафемой Толстому. Обскуранты напали на Агнона с упреками чуть ли не в отступничестве. Главный раввин Израиля р. Герцог написал Агнону письмо с просьбой уничтожить или спрятать этот рассказ. Особенно усердствовал приближенный р. Герцога, «раввин доктор» Гаркави, всдший длительную кампанию против Агнона. Каждое прижизненное переиздание этого рассказа вызывало бурную реакцию Гаркави, о котором Агнон сказал: «не доктор и не раввин, а мерзость и мерзавец». Но Гаркави сделал все же одно доброе дело — после смерти Агнона он не дал ортодоксальным апологетам скрыть основной мотив рассказа. Сама тема Иисуса так пугает и по сей день евреев, что многие литературоведы попытались убедить себя и других, что ничего христианского тут нет. По одной версии, рассказ — аллегория о декларации Бальфура и отторжении Зайорданья, по другой — герой рассказа Илия-пророк, по третьей, герой — Иисус, но рассказ антихристианский и т. д. Конечно,

это не так. Данный рассказ — лишь самый явный свидетель странного романа Агнона с Иисусом, романа, следы которого видны и в первом рассказе, и в последней повести настоящего сборника.

Укус — Укус, сын Вина — обычное в еврейской словесности прозвище убогого сына достойных родителей, еще чаще — как символ духовно обнищавшего поколения. «Отцы все протратили» — говорится и в начале романа Агнона «Вчера, третьего дня». Затем выясняется, что они протратили веру, надежду, любовь и софию.

...могила в прахе ее... — казалось бы, этот старик — брат-близнец старика в «Прахе Земли Израиля», но читателю быстро станет ясно, что этот старик мечтал не о подлинной земле Израиля, но о ее небесной сестре.

Пять дней недели — если работал пять дней и шестым выходила суббота, то, значит, он отдыхал в воскресенье и работал в субботу.

Тот Человек — даже имени не названо. Когда была наложена анафема на мессию Саббатая Цви, в проклятии говорилось: пусть не упоминают его ни злым словом, ни добрым. Здесь речь идет о более раннем мессии — об Иисусе из Назарета. Он назван Тем Человеком и в Талмуде: «Есть ли у Того Человека доля в Царствии Грядущем?» Травма раскола, отказа от универсальности, обвинения в богоубийстве и по сей день ощутима у евреев, и неудивительно, что и в этом рассказе Иисус не называется по имени. Эта неназываемость позволяет идентифицировать его с безымянным героем повести «В сердцеvine морей».

Паутина — никто, кроме него, не бросал, — отмечает один исследователь. Другое объяснение предлагает нам притча Кафки «Закон» — это были врата (кружка у Агнона), специально предназначенные для героя. Понятно, что кружка и монеты — это символ исполнения христианских заповедей: старик не праздновал субботу, но воскресенье и все, что было у него (силы душевные), отдавал Иисусу (представленному в самой неприемлемой для еврея-иконоборца форме).

Стр. 135

Стр. 138 *Холодный камень*: одни видят в этом иконоборчество Агнона, другие — выпад против церкви, а можно увидеть и обычный сказочный мотив: чудеса свершаются, пока герой не усомнится в чудотворце.

...исчезла улыбка... — русскому читателю вспомнится преобразование kota Бегемота.

...ангелы несут... — финал рассказа аналогичен (с виду) финалу 1-й части «Фауста». Старик грешил против Закона Моисея, он жил как христианин, все отдавал Иисусу. «Погибла!» — «Спасена!». В отличие от Гёте, старика спасает его «погубитель» (с точки зрения ортодоксального иудаизма) — Иисус.

Образ человека — не совсем ясно, кого несли ангелы и кто погребен в Иерусалиме. По смыслу — старика, но слова «образ человека» были применены несколькими строками выше к Иисусу. Уж нет ли в этом намек на возврат Иисуса, описанный в последней повести?

...похоронили... — для читавшего «Прах Земли Израиля» уже ясно, что больших спасений от Агнона ожидать не приходится. Но здесь Земля Израиля выступает почти как аллегория Царствия Небесного. Старик спасся. Что это значит? Иисус спасает? Простота спасает? Постоянство спасает? Или спасение так невелико: погребение без талита в сухой земле, — что любая вера спасает?

В СЕРДЦЕВИНЕ МОРЕЙ

В сердцевине морей — первая из многих цитат из книги пророка Ионы (2:4). Книга Ионы считается сама притчей — легендарным пояснением к книге Царей, и здесь она является подводным основным мотивом и рефреном.

Стр. 141 ...закатился... — герои Агнона, как уже говорилось выше, населяют мир без времени и пространства. Мы так и не узнаем, откуда взялся Хананья. Этому можно дать два объяснения: место его происхождения — неважная подробность. В классическом китайском рассказе великий мастер по отбору лошадей назвал буланого жеребца гнедой кобылой. Его соперник, узнав

об этом, заплакал, восхищенный тем, что тот уже не замечает таких подробностей, а смотрит прямо в суть. Так и здесь, суть проста: вообще сын Израиля возвращается в Страну Израиля, а откуда — неважно. Другое объяснение свяжет Хананью с книгой Ионы — пророк возвращается, исполнив свой долг во всех Ниневиях Эдома.

Хананья — в другом месте у Агнона уже появляется герой с почти идентичным именем Иоханан — олицетворение Израиля. Неведомо откуда взявшийся Хананья также мог бы олицетворять Израиль (по одной из интерпретаций книги Ионы).

...любезные наши... — так кличут друг друга хасиды одного Праведника-цадика. Агнон как бы причисляет нас к своей хасидской школе.

Число для молитвы — десять мужчин — миньян. Евреи приписывают особую силу молитве в собрании десяти мужчин, по сказанному (Руфь 4:2): «Он взял десять человек из старейшин города», и по сказанному (Псалмы 67:27): «В собраниях благословите Господа». Число 10 связывают с согласием Бога (Бытие 18:32) не истреблять Содом, если в нем найдется хотя бы десять праведников. Господь всегда — с миньяном, по сказанному (Псалмы 81:1): «Стал Господь посреди Божия собрания» (интересно, что синодальный перевод дает: «Бог стал в сонме богов»). Хасиды придают особую силу миньяну и рассказывают, что если больного привлечь десятком, то он выздоровеет, даже если праведнику это не по силам. Хананья восполнил число пилигримов до полного миньяна: значит, раньше их должно было быть десять человек. Но судя по списку, данному ниже, их было 10 и без Хананьи: кто же из них не в счет?

Пятидесятница — отмечается через неделю недель после Пасхи и связана с получением Торы у горы Синай.

Черный хлеб — в этих дальних краях нет ни вина, ни пшеничного хлеба, ни мяса — было бы мясо, не могли бы они благословлять Дающего молоко, а затем — есть мясо.

...отчаяться... — один из видов потери права на

вещь, по еврейскому гражданскому праву. Так, человек теряет право на потерянную вещь не тогда, когда он ее физически теряет — ибо он еще может найти ее, — но тогда, когда он отчаивается и говорит: я никогда не получу ее назад. После этого любой вправе взять потерянную вещь. Поэтому Хананья боится отчаяться — чтобы не потерять права на Землю Израиля.

...разбойники... — вновь перед нами связь с разбойниками, отличительное свойство Иисуса и Бешта.

...молись за нас... — раз Бешт шел в раздумье по граму, ничего не видя перед собой. Подошел он к краю пропасти и упал бы; но сдвинулись горы и образовали мост. А когда перешел он, горы вновь раздвинулись. Увидели это чудо разбойники и попросили Бешта: молись за нас, святой человек. И Бешт помолился за них, потребовав, чтобы Израилю не вредили. («Благовестие Бешта».) «И сказал разбойник: Иисус, помяни меня... и он ответил: сегодня будешь со мной в раю» (от Луки 23:42).

Стр. 143 *Глубокая пещера* — распространенный мотив в еврейском фольклоре. В другом рассказе Агнона козочка уходила каждый день через глубокую пещеру пастись в Страну Израиля. Сквозь пещеры и норы покойники Израиля должны добраться в Страну Израиля в час воскресения мертвых. Детская песенка говорит о глубокой пещере, по которой пройдет весь народ Израиля в Страну Израиля. Этот мотив показывает, что Страна Израиля в народных поверьях отождествлялась с Тем светом — с Царствием Небесным, Царствием Грядущим, со Страной Мертвых, и ее название — «Страна Живых» — нужно понимать как эвфемизм Страны Мертвых, как «Дом Жизни» — эвфемизм кладбища у евреев.

Бешту разбойники также предложили пройти глубокой пещерой в Страну Израиля. Бешт согласился (в отличие от Хананьи), но на пути увидел пред собой меч-перевертыш и не смог пройти. Отказ Хананьи можно понимать как отказ от магии и потусторонности Страны Израиля — лишь под солнцем и луной, а не во мраке подземелья он готов вернуться туда.

Две тысячи пядей — максимум субботней прогулки.

Шаддай — одно из древнейших имен Бога. С этим Именем идентифицировал себя Саббатай Цви, лжемессия и предтеча Бешта, это Имя, по средневековым легендам, особо почиталось у Десяти Колон Израиля, у сынов Моисея и у колена Хайбара.

Иом Кипур — день покаяния, когда евреи соблюдают не только все запреты субботы (а Хананья приехал в карете), но и еще пять запретов: есть, пить, умыться, предаваться плотским радостям и носить кожаную обувь. Этот последний запрет также нарушил Хананья, поэтому он и сорвал башмаки с ног. Но Иом Кипур — еще и день, когда в синагогах читают книгу Ионы.

Бучач — городок в Галиции, где родился Агнон, ныне — райцентр в Тернопольской области. Он же иногда фигурирует в рассказах Агнона под названием Шебуш.

Семь заветов завещал р. Акива сыну своему Иегошуа — сыне, не учи на высотах (а то засмотришься и от учебы Святого писания отвлечешься), не селись в городе, где правят мудрецы Торы (ибо от мудрости своей не позаботятся о народе), не приходи неожиданно к себе домой, тем паче к ближнему, ног без обуви не оставяя (ибо позор мудрецу и ученому мужу ходить босиком), просыпайся и вставай летом от солнца, а зимой — от холода, делай субботу буднями (т. е. не празднуй особенно, обходись чем есть, но не проси у людей), удружи тому, кому везет, в час его везения, и это — кроме многих других практических заветов вроде: не женись на разводе при жизни ее мужа, не женись на той, что была обручена в малолетстве, а затем отказалась выйти за суженого, и т. д. Почему такое внимание обратил р. Акива на обувь? Можно было бы объяснить это его общей тягой к гигиене — он также советовал не целоваться, а только в руку целовать, если нужно, затем, что от слюны зараза, и мылся так тщательно, что когда он сидел в римской тюрьме и давали ему только чашку воды в день, то половина ее шла на умывание.

Но в книге «Екклезиаст Раба» содержится легенда, которая предлагает другое объяснение: раз шел р. Акива босиком по дороге. Повстречался ему царский

евнух и спросил: ты — раввин иудеев? Тот ответил: да. Сказал ему евнух, научу тебя трем вещам: царь едет на коне, мужик — на осле, простак идет пешком в башмаках, а кто идет без башмаков — тому лучше бы в могиле лежать. Ответил ему р. Акива, и я научу тебя трем вещам: возвесели сердце женщины, восставь сынов на службу Господу, укрась лицо бородой, кто не может этого сделать, тому лучше бы и не родиться. То есть что такое обувь по сравнению с яйцами. Но видимо, не смотря на такой хороший ответ, внял р. Акива словам евнуха и посоветовал сыну обуваться.

Стр. 144 *Царство Исава* — страны европейские, т. к. европейцы — потомки Исава, он же Эдом, брат Иакова.

Страна Прелестная (Цеви) — поэтическое название Страны Израиля. Слово «прелесть» омонимично со словом «серна», «олень». В значении «прелесть» оно появляется в поминальной песне Давида по Ионафану: «Прелесть Израиля пала на твоих вершинах». По-арабски это слово носит оттенок «желанный», так же как и в средневековом иврите, где оно применяется по отношению к жениху. Но жениха сравнивает с оленем и Суламифь в Песни Песней. Израиль сравнивает Господа с оленем, ибо олень, удаляясь, глядит вспять, так и Господь, хоть и отдаляется от Израиля, все же глядит на него. Так перепутались два омонимичных слова, и можно лишь сказать, что речь идет о Стране Желанной и Прелестной, как серна.

Стр. 146 *...солнца и луны...* — Торы и молитвы.

Резник — важная должность в еврейской общине, так как он должен быть хорошо сведущ в законах о кошерной пище. Резником начинал свой путь и святой Бешт: о нем говорят, что он слезами смачивал оселок, на котором вострил нож.

Страна Израиля — как кольцо. Вновь идет речь о брачном союзе Израиля — невесты и Господа — жениха, союзе, описанном, как считают мудрецы, в Песни Песней.

Стр. 147 *Альфасиевы толкования* — р. Исаака Аль Фаси из Феца в Марокко (XI в.).

...другой суженой... — Стране Израиля, суженой Израиля. Продолжается тот же брачный мотив.

...введи меня, царь...— Песнь Песней 1:3, попросили — и ввел.

...имени не упомянем...— вот и второй кандидат на главную роль в символической системе книги. Кто он? Тот, чье имя не упоминают, чтобы не привлечь его, — Сатана? Или тот, чье имя рано еще упоминать, — Царь Мессия? (Оба предположения высказывались исследователями.) Или не названный по имени герой рассказа «Правые стези» — тот, кто уподобил себя Ионе, завершил свою долгую миссию среди иноверцев и пустился обратно в Святую Землю? (Впрочем, этот последний мог бы воспользоваться и псевдонимом «Хананья», если бы его не заняло уже Собрание Израиля. Интересно заметить параллелизм между ними, вполне понятный, если вспомнить, что речь идет о нехушем из сынов Израиля.)

Одна баранина — в наши дни не узнал бы Лейбушмятник Страну Израиля, и, возможно, она бы ему больше полюбилась в нынешнем состоянии. Баранины не сыщешь днем с огнем, вместо нее — лишь аргентинская мороженная говядина, и вообще — почти все традиционные продукты питания, которыми славилась Страна Израиля, почти исчезли. Недавно министр сельского хозяйства Шарон указал выкорчевать рощу масличных деревьев, чтобы посадить там авокадо на экспорт, и действительно, оливковое масло в Стране Израиля стоит в два раза больше, чем во всем мире, и делают его только арабы. Об исчезновении и порче вина уже говорил Агнон в «Прахе Земли Израиля». Вместо Земли Израиля строится новый пригород Нью-Йорка, в котором нет места тихому идеалу Библии: «Каждый под своей лозой и под своим фиговым деревом»; и вместо шатров у Израиля — тесные жилмассивы. Это, конечно, в старину назвали бы расплатой за то, что поспешили с Избавлением.

Р. Шмуэль Иосеф — а это сам Агнон плывет в Святую Землю вместе с сердечными нашими, пририсовал себя, как средневековый художник. Теперь возникает вопрос: кто из двух не в счет миньяна — сам Агнон или Безымянный пилигрим?

Стр. 148 *Тетраграмматон* — четырехбуквие, таинственное и скрытое Имя Божие. Его четыре буквы указывают одновременно на прошлое, настоящее и будущее, они же символизируют четыре ипостаси тетрады каббалистов.

Стр. 149 *Заслуги ваши* — дав отпор хулителям Страны Израйля, любезные «приобретают заслугу», как сказали бы буддисты. В мире Агнона за Господом «не заржавест».

Кто даст с Сиона — Псалмы 52:7.

...влеки меня... — П. П. 1:4 — еще одна символическая цитата из Песни Песней. Ни одна книга Библии не переосмысливалась так часто, настолько тесно связаны эротика и чувство божественного. Спор о ее смысле ведется с глубокой древности. Еще во времена Талмуда некоторые видели в ней любовную поэму или свадебную песню, но р. Акива сказал: все книги Библии святы, а эта — Святая Святых, весь мир не стоил дня дарования Песни Песней. С другой стороны, приверженцы различных восточных культов плодородия распевали стихи Песни Песней, и против этого также выступал р. Акива, запрещавший петь Песнь Песней в Домах вина. Дома вина не были кабаками, но храмами языческих культов, местом вакханалий и сатурналий, где предавались пьянству и культовому разврату, то есть даже во времена Талмуда была возможна тенденция восприятия Песни Песней как языческой литургии «священного брака» — брака священника и жрицы, олицетворявших богов. Эту же традицию поддерживают многие современные культурологи, считающие почему-то, что у язычников был взят патент на религиозную эотику. Эротика, конечно, первична и в системе монотеизма; Поуп так пересказывает начало книги Бытия: «В начале Бог скрывал от людей тайну плотского соития — оно было слишком хорошо для людей, оно было божественной прерогативой — как огонь у греков до Прометей, — пока наша прамактерь Ева не похитила этот секрет». Каббалисты воспринимают Песнь Песней как литургию эротической связи ипостасей Бога, а дальним отголоском «священного брака» жреца и жрицы служит совокупление ученого мужа и его законной супруги субботним вечером. Антирели-

гиозные комментаторы видят в Песни Песней лишь обычные свадебные песни или любовную поэму без культовых оттенков, а большинство религиозных комментаторов предпочитает символическую интерпретацию, столь свойственную человечеству. По такой интерпретации Омар Хайям был суфи и под бедрами и вином подразумевал бороду пророка и тайны мироздания, а Мурасаки Шикибу написала 52 книги романа о принце Гэндзи, чтобы показать неизбежность кармы.

Обрезание — Господь велел праотцу Аврааму (одному из самых популярных героев Востока, наравне с царем Соломоном и Александром Македонским) совершить обряд обрезания крайней плоти в знак завета (союза) меж Авраамом и Господом. В знак этого же союза Господь дал Аврааму и его потомству страну Израиля, поэтому обрезание и страна Израиля считаются заветами Авраама.

Стр. 151

Копилка р. Меира Чудотворца — копилки для сбора пожертвований на нужды евреев Страны Израиля. Речь идет о великом мудреце Талмуда р. Меире, похороненном в Твери. Однако утверждают, что могила чудотворца в Твери более древнего, ханаанского происхождения и что еврейская традиция переняла и приспособила на свой манер древний объект культа Ваала, наподобие того, как ханаанская святыня Иерусалима стала святыней трех религий, или наподобие того, как христианство переняло древний языческий обычай ставить елку.

Деньги из копилки — взяли они не только затем, чтобы отвезти их, но и чтоб стать «посланцами добрых дел», каковым, по сказанному, не приключится вреда.

Старый раввин — придерживался точки зрения большинства религиозных евреев своего времени, по которой нечего спешить в Страну Израиля до прихода Мессии. Можно сказать, что евреи ждали прихода Мессии, как жених ждет завершения свадебного обряда со своей возлюбленной Страной Израиля (ждать этого можно и в географической Стране Израиля, даже если подлинной она станет только по пришествии Мессии). Он был неправ — герои рассказа похожи не

Стр. 152

на мальчишек, что скачут поперек жениха-невесты, но на жениха, что приходит к налою за день до венчания.

Стр. 153 ...и умчались с ним в Бучач...— р. Авраам Давид Варман стал язловицким раввином в 1792 году, а в 1814 году, когда скончался его тесть, бучачский раввин, бучачане пришли ночью и умыкнули молодого зятя. Это самое позднее поддающееся датировке событие в книге, и поэтому проф. Версес считает, что путешествие «происходило» в 1825—1835 гг.

Стр. 154 Амалек — древний заклятый враг Израиля, заградил путь вышедшим из Египта и не дал им пройти без битвы. С тех пор Господь велел сынам Израиля истребить амалекитян. Первым воевал против Амалека (успешно) Иисус Навин, и легенда объясняет это так: Амалек — это сын Элифаза, сына Исава, брата Иакова. Только Иисус Навин, потомок Иосифа Прекрасного, сына Иакова, мог совладать с Амалеком, так как Иосиф не грешил против своих братьев, хоть те грешили против него, а Амалек грешил против своих братьев — сынов Израиля, хоть те и не грешили против него. Война с Амалеком стала символом долгой памяти евреев: и сегодня евреи говорят: «Македонский был очень добрым царем» или «убей Амалека», как другие вспоминают последние парламентские выборы или недавнюю войну.

...сокрушил силу их Иисус Навин...— среди тридцати царей со единым, что убил Иисус Навин при завоевании Страны Израиля, был и отец армянского царя Шобаха. Армянский царь собрал великую силу воевать Навина, но ничто не помогло ему, и «сокрушил силу армян Иисус Навин».

Беит — Исраэль Баал Шем Тов (1700—1760), основатель хасидизма, «был похож на Иисуса из Назарета, как только, может быть, Саббатай Цви». Удивительно, что его не провозгласили Мессией — видимо, потому, что трагедия саббатянства была слишком свежей в памяти. Говорят лишь, что его душа была «искоркой души Мессии». Как Иисус, он не оставил ни одного писаного труда и явился народу уже в зрелом возрасте.

Стр. 155 Ягельница — городок, ныне Тернопольской области.

Лешкович (Лашковиц, Улашковице) — городок, ныне Тернопольской области.

Лукавый — ведомо, что Рамбам блаженной памяти отрицал существование бесов, но в Талмуде бесы помянуты. Сказал р. Менахем Мендель из Коцка: раньше водились бесы, но как постановил Рамбам, что нет бесов, Небеса согласились с ним, и бесы сгинули.

Агаряне — измаильтяне, потомки Измаила, сына Агари и Авраама — мусульмане, арабы и турки.

...взяла Ревекка покрывало... — черт, конечно, толкует на свой лад Священное Писание (Быт. 24:65): раб Авраама возвращался с Ревеккой, суженой Исаака, и Исаак тем временем вышел в поле поразмыслить, глядь — идут верблюды. Ревекка тоже увидела Исаака издали и спросила раба: кто это? Это господин мой, ответил раб, и Ревекка по скромности прикрылась покрывалом, как покрывают лица на Востоке и в наши дни.

Стр. 156

...к примеру царь... — похожую притчу можно найти в Евангелии от Луки (14:15—27): «Один человек позвал гостей на пир... но они не шли, но начали, как бы сговорившись, извиняться. Первый сказал: я купил землю и должен пойти посмотреть ее, другой сказал: я купил пять пар волов и иду испытать их, третий сказал: я женился и потому не могу прийти. И тогда, разгневавшись, хозяин назвал нищих, увечных, хромых и слепых, сказав, что никто из тех званных не вкусит сего ужина». Иисус говорил о Царствии Небесном, но можно применить бы притчу эту к Стране Израиля — по многим причинам не ехали сюда наши предки, да и мы нашли себе немало отговорок — заработка больше в другом месте, там я буду полезнее Израилю, — а в результате отдал Господь Землю нашу другим.

Возвращаясь же к притче Агнона, она очень похожа на притчу Иоханана бен Заккая из трактата «Шабат»: «К примеру, царь позвал рабов своих на пир. Умные поспешили украсить себя и стать у царских ворот, говоря: не чаша ли полная царев дворец? А дураки пошли и занялись своим ремеслом. Кликнул царь своих рабов, умные сразу вошли разнаряженные, а глупые в затрапезе. Сказал царь: наряженные сядут за стол, а в затрапезе

зе — постоят в сторонке и посмотрят». И здесь речь шла, собственно, о Царствии Небесном. Эта переводимость притч о Стране Израиля и притч о Царствии Небесном снова заставляет нас задуматься — не одно ли это и то же? И недаром говорят иерусалимцы: Господи, хочешь — забирай отсюда Твой Святой Дух, с нас хватит и того, что есть.

Стр. 157 ...не возьмут ли и его с собой... — одно из мест, заставивших некоторых комментаторов задуматься — не взяли ли (вспомним Безымянного пилигрима).

Стр. 159 ...ему подавай стакан горилки... — здесь доброе дело (гостеприимство) поставлено праведником выше заповеди нормативного иудаизма (молитвы в собрании). Такая, казалось бы, христианская, а не «еврейская» (рационалистическая) идея была свойственна хасидам. Но и здесь автор добивается гармонии, как и в первом рассказе сборника: корчмарь позаботился о гостях, а Господь послал ему сердечных наших для молитвы в собрании.

Отцы мифоздания — так величают 4 талмудистов: Гиллеля, Шаммая (руководителей двух школ «по строгости» и «с поблажкой»), р. Акиву и р. Измаила, но иногда так именуют и патриархов и Моисея и других.

Псаломцевцы — Псалтирь составлен царем Давидом, но в нем — псалмы десяти человек, по традиции: Адама, Малхицедеска, Авраама, Моисея, Емана, Едугуна, Асафа и трех сыновей Корея (Кораха) [Баба Батра]. Асаф — по одной легенде и сам из сынов Корея, Едугун — в синодальном переводе Идифум — написал псалом 38, Еман Эзрахит — псалом 88. А почему стих Моисея оказался в Псалтири, а не в Пятикнижии Моисеевом? Потому, что в нем дух пророчества, осенивший Моисея, выражен, а Пятикнижие — Тора — написано Господом и существовало не только до Моисея, но и до сотворения Мира. Поэтому пророческие стихи Моисея оказались в Псалтири. Сыны Корея, как известно, были пожраны землей за грехи свои, но за заслуги не вовсе сгнули, и, говорит легенда, стоят они и по сей день под землей, под Храмовой горой в Иерусалиме, у Красугольного камня мира, на котором Авраам приносил в жертву Исаака, на котором построен весь мир

и Храм, под горой Мория, и славят Господа. И видел их там воочию пророк Иона, когда странствовал он в чреве своей рыбины, по сказанному (Иона 2:7): «До основания гор я нисшел». К слову, в 2:6 сказано: морскою травою (на иврите — суф) обвита была голова моя, из чего заключает легенда, что посетил Иона и место, где евреи пересекали Чермное (на иврите — Суф) море. А почему эта рыбина столько напоказывала Ионе? Потому, что спас ее Иона от челюстей Левиафана. Левиафан будет подан на трапезу праведникам после пришествия Мессии, и Ионе его разделявать, что, конечно, известно Левиафану. Увидел Левиафан Иону и бежал, не тронув рыбины.

...плюньте нам в очи... — по мнению некоторых комментаторов, речь идет о суеверии — слюна, мол, паломника чудотворна и от глаза годится. Но может быть и другое толкование: плюньте нам в очи, люди добрые, ибо вы совершали великое дело — паломничество в Святую Землю, что и нам следовало бы, а мы не трогаемся в путь, пусть хоть малое наказание от вас — плевков этот — и усовестит нас, и послужит расплатой за грехи наши. Такое толкование делает понятными слова Лейбуша-мясника: «Чего им полюбилась так Земля Израиля?»

...спросил тот, чье имя позабылось — Безымянный пилигрим спрашивает о заслугах Эдома.

Хушим сын Дана — в легенде говорится, что все сыны Иакова провожали тело своего покойного отца для погребения в Святой Земле. Однако, когда они уже собрались похоронить его в пещере Махпела, Двойной пещере близ Хеврона, наследственном месте захоронения потомков Авраама, возникла проблема. Пещеру купил у местных владык еще праотец Авраам — упокоить прах своей жены Сарры. Затем и он был похоронен в ней. Там же был похоронен и его сын Исаак и его жена Ревекка. Однако Исаак и Ревекка родили не только Иакова, но и его брата-близнеца Исава. Правда, Исав продал право первородства Иакову за миску чечевичной похлебки, и правда, что Исаак благословил Иакова как первородного сына (обманом, но все же это благословение имело силу, так как, не будь

на то Божья воля, не удалось бы обмануть Исаака), однако это не убавило права Исава на место в Двойной пещере Махпела. По словам Исава, продолжает легенда, Иаков уже использовал свое место в пещере, когда похоронил там свою жену Лию (из двух жен и двух наложниц Иакова только Лия была погребена в пещере Махпела, так как Рахиль была погребена у дороги неподалеку от Вифлеема. Почему же Рахиль, самая любимая жена Иакова, что родила ему Иосифа Прекрасного и Вениамина и за которую он работал 14 лет как раб у Лавана, была погребена у дороги, а не в пещере Махпела? Чтобы она заступилась за своих сынов пред Святым Духом по разрушении Храма — так как могила Рахили недалеко от Иерусалима, а Хеврон довольно далеко). Поэтому Исав со своими сынами стоял и преграждал путь похоронной процессии, несшей тело Иакова. Однако на самом деле, продолжает легенда, Исав продал свою долю пещеры Иакову, и даже договор продажи был составлен и записан на пергаменте, но сам договор сыны Иакова забыли в Египте, где они жили в то время, в земле Гошен. Чтобы доказать свое право, сыны Иакова послали самого быстрого, Нафтали, в Египет, чтобы он сбегал и принес договор. Пока суд да дело, Хушим, сын Дана, сына Иакова, сидел и ничего не понимал, так как был глух. Когда ему объяснили, в чем дело, он возмутился и воскликнул: «Мой отец лежит непогребенный из-за этого типа!», схватил дубину и так ударил Исава, что у того голова отскочила и упала то ли в ноги Иакова, то ли в ноги Исаака. Исав же считается праотцем многих иноверцев, и в частности европейцев. Наши хасиды, таким образом, и приязнь иноверцев объясняют Писанием.

Стр. 165 ...не унаследует...— Бытие 21:10.

Р. Меир из Перемышлян—второй хасидский цадик этого имени (1780—1850) был суров: как-то потребовал он у богача 300 золотых для бедных, а тот отказал. Через несколько дней дом богача сгорел, и р. Меир объяснил богачу: перед моим рождением, когда я еще был в раю, попросил я у Господа 25 000 золотых и дал их на хранение пяти богачам, чтобы смог я брать у них по надобности. Ты сейчас отказался от своего

долга — и я велел перевести весь свой капитал на хранение другому богачу.

Существование династий праведников — отличительная черта хасидизма — привела в конце концов к упадку этого движения: приверженцы делились меж сыновьями праведника, как земли в империи Карла Великого, да и не все потомки были достойны звания.

...верой и правдой торг вел... — 20 лет учил р. Хаим из Цанза трактат об Ущербе со своими учениками, чтобы знали сказанное в нем: «Когда решают судьбу человека, спрашивают его в первую очередь — верой и правдой ли торг вел?» С другой стороны, разрешили мудрецы увиливать от выплаты налогов и пошлин, если незаконно наложили власти налоги и пошлины на евреев, а на прочих не наложили или если сами налоги и пошлины эти не в обычае царства были.

Малая толика — «размером с оливку» — малая мера пици, что не портит поста (например, при болезни и т. д.) и благословлять над ней не надо, и не менее этой меры мацы — опресноков — надо отведать в Пасху. Народ простой таких тонкостей не понимал, оливку не видел, и поэтому каждый на свой лад толковал, что такое «малая толика».

...бочками запасаются... — в Талмуде, в трактате «Праздники», говорится: случай с р. Элиэзером, что проповедовал собравшимся, а дело было в праздник, и проповедь затянулась. Некоторые поспешили уйти, не дослушав. Сказал о них р. Элиэзер: «Блаженны запасшиеся бочками» — т. е. они запаслись бочками питья да снеди на праздник и спешат домой, чтоб успеть все съесть, и проповеди слушать им недосуг. О тех, кто пошел следом за ними, сказал: «Блаженны запасшиеся жбанамии» и т. д., а о тех, кто остался до конца, он сказал: «Блаженны запасшиеся духом». Так и жители яские поспешили с молитвами, чтобы скорее разбежаться по домам к накрытым столам.

...маца и пряники... — есть мацу — пресные лепешки — в Пасху обязательно, но есть пряники в Пурим — только обычай. Маца символизирует «хлеб рабства» и поспешность исхода, пряники называются

«ушами Аммана» — злодея, побежденного Эстер (Эсфирью). По мнению Поупа, пряники Пурима — те же, что в П. П. 2:5 («подкрепите меня пряниками», а не «вином» синодального перевода), а их треугольная форма связана не с ушами Амана, но с лоном Эстер (-Итар-Астарты, богини небес).

Восхождение к Торе — чтение отрывка из Торы является центральным событием субботней службы: отрывок разделен на несколько частей, перед чтением каждой части вызывают человека взойти к Торе. Это самая большая честь, которую можно оказать в синагоге, и в большие праздники за нее немало платят. Вызванный к Торе обычно не читает из нее, но лишь присутствует на амвоне, в то время как одно и то же лицо читает весь недельный отрывок из Торы. Первым к Торе вызывают потомка Аарона-первосвященника, вторым — любого еврея из колена Леви, третьим — еврея, не когена и не левита.

Стр. 167 ...ангел спросил имя... — у праотца Иакова (Бытие 32:27): «Как имя твое?» И тот ответил: Иаков. Тогда ангел и переименовал ему имя на «Израиль». Евреи и по сей день меняют имя в случае болезни или для перемены счастья — чтобы запутать Лукавого.

Стр. 168 *Необрезанные эти, чем они заслужили...* — это же чувство неслучайности, казалось бы, случайных вещей двигало и буддийским монахом из Тога-но-О, который, как рассказывается в японских заметках четырнадцатого века «Цуре-Цуре Гуса», увидел однажды человека, моющего коня в реке и приговаривающего: «Аши, аши» («Ногу, ногу [подыми]»). «Как это прекрасно, — воскликнул монах, — несомненно, Вы заслужили такую благодать своим примерным поведением [исполнением мицвот?] в прежней жизни, так как самая важная молитва начинается словами: «Аджи, аджи». Чья это лошадь? Несомненно, она принадлежит достойному человеку». «Этот конь — хозяина Фушо». «Ах, какая радость, — воскликнул монах, — ведь это же прямо по словам молитвы: Аджи Хон Фушо и т. д.». И он утер рукавом слезы волнения. Нашим хасидам это, конечно, показалось бы самым естественным поведением.

...объяснил Бешт... — заметил заслугу иноверцев.

Пока не утихнет гнев моря.— Еще одна цитата из книги Ионы. Стр. 171

Сыны Моисея— вообще с потомством Моисея дело неясно, так же как и с его женой (женами?). Писание говорит одно, легенды говорят другое. Моисей был женат на дочери Иофора (Етро), священника Мадиамского— т. е. нееврея и идолопоклонника. Его сын не был обрезан вовремя: в Писании есть рассказ о том, что его обрезала его мать, жена Моисея Сепфора (Ципора), когда ангел собирался убить Моисея— видимо, за это прегрешение. После исхода Моисея упрекали за его «черную жену»— была ли это та же Ципора или другая женщина, неизвестно. Легенды все отрицают— и не черная, и не за это упрекали, и за упреки все равно были наказаны очень сурово,— но, как бы то ни было, физические сыновья Моисея в Пятикнижии особо не упоминаются, хоть и говорится о рождении сыновей (Исход 4:20). Им не досталось славы отца, хоть сыновья Аарона, брата Моисея, получили в наследство священство— стали священниками в храме, и их потомки и по сей день благословляют евреев в синагогах. Военачальником после смерти Моисея стал Иисус Навин, а не один из сыновей великого отца.

Однако народ восполнил этот пробел, создав легенду о сыновьях Моисея. По легенде, сыны Моисея (левиты из колена Леви, младшего священства, сыновья и потомки Леви, сына Иакова) попали в Вавилонское пленение вместе со всем народом Иудеи— т. е. с коленами Иуды и Всниамина и прочими левитами. Именно у сынов Моисея вавилоняне потребовали: сыграйте нам на арфах, «пропойте нам из песен Сионских». Но они ответили, как поется в Псалме 136: «Как нам петь песнь Господню на земле чужой? Если я забуду тебя, Иерусалим, пусть меня забудет десница моя, пусть язык присохнет к гортани»— и, продолжает легенда, отрубили себе пальцы на руках, чтобы их не заставили играть на арфах. Это спасло их, когда вавилоняне убили других левитов, также отказавшихся играть для них. А к вечеру явилось облако и унесло сынов Моисея в дальнюю землю, где с трех сторон море, а с четвертой стороны река Самбатсион, что отделяет и землю Десяти

колен, так что живут они по соседству — сыны Моше и Десять колен — и даже шлют друг другу письма с голубями, так как ни человеку, ни зверю через бурлящую реку Самбатсион не переправиться, разве что по субботам, когда она не бурлит, а лежит спокойно, а тогда землю сынов Моисея охраняет облако, а может, и огненный столп.

Прочие легенды о сынах Моисея очень схожи с легендами о Десяти коленах и, видимо, перепутались со временем. Но говорят, что р. Элизер, великий талмудист, первым упомянут в Мишне в честь предка своего Моисея — учителя нашего.

Стр. 173 Р. Гад — в дни, предшествовавшие Явлению Саббатая Цви, стало ходить множество легенд о Десяти коленах, о сынах Моисея, колене Хайбара и т. д. В «сообщениях» говорилось, что из пустынь идут евреивоители, что они уже завоевали Мекку и что они держат путь в Святую Землю. Эти «сообщения» доходили до Европы и производили там большое впечатление. В этом предмессианском ожидании появилось и письмо о деянциях иерусалимского жителя рабби Баруха Гада. Р. Гад отправился по торговым делам в 1641 году из Иерусалима в Персию. Путь его лежал по пустыне, и там на его караван напали разбойники. Они ограбили его и бросили одного умирать в пустыне. Тут ему явился огромный всадник. Всадник заговорил с ним на иврите и рассказал, что его зовут Малкиэль Богатырь из колена Нафтали, а родом из страны четырех колен Израиля и сынов Моисея. Малкиэль отказался проводить р. Гада в свою страну, но взялся доставить сынам Моисея письмо от него. Р. Гад тут же написал подробное письмо и в нем перечислил все беды и обиды народа Израиля и спросил, почему не приходят сыны Моисея на выручку своим братьям. Малкиэль взял письмо и скрылся. Через три дня он вернулся с ответом — за это время он успел покрыть расстояние в три месяца ходу. В ответном письме сынов Моисея (от имени их царя Ахитува бен Азарии) говорилось, что они не могут пока прийти на помощь по той же причине, по которой нельзя добраться и до них — из-за реки Самбатсион, которую нельзя ни переплыть, ни пересечь, но

вскорости, как придет Мессия, они явятся со всем своим воинством и помогут народу Израиля. Их ответ соответствовал известным данным: ведь еще в IX веке Эльдад Дани сообщал о том, что река Самбатсион даже железные горы может смолотить в порошок. Главная задача Саббатая Цви заключалась именно в высвобождении Десяти колен и сынов Моисея из-за реки Самбатсион. Исполнение этой задачи было назначено на 1667 год, но уже в 1666 году Саббатай Цви отступил от веры Израиля и перешел в ислам.

...восемь стихов, что сложил Иона...— еще одно прямое напоминание книги Ионы. Стр. 175

...земля сия...— числа 14, 7—8.

...Оставил Я дом Мой...—Иеремия 12:7

...когда вернутся...—Осия 3:5.

Сапфировое подножие — в книге Исход (24:10) говорится, что в подножии Бога Израилева находится (по синодальному переводу) «нечто подобное работе из чистого сапфира и как само небо ясное», в подлиннике говорится, что в подножии находится ЛВНТ СПР, что буквально означает «кирпич из сапфира» или «работа из сапфира». Мидраш объясняет, что этот кирпич из сапфира лежит в подножии Престола в напоминание о кирпичках, которые делали евреи в Египте, в плену у фараона, при строительстве городов Питом и Рамзес. Стр. 177

Более жуткая легенда говорит о еврейской женщине, родившей во время работ по замесу глины для кирпичей, ребенок упал в глину, и египтяне не дали его поднять, а заставили сделать из него кирпич. Этот-то кирпич и был поднят ангелами на небо, обращен в сапфир и положен в подножие Престола, чтобы Господь не забывал о страданиях Израиля.

Другая легенда говорит, что из этих камней сделал Моисей вторые скрижали собственноручно, после того, как разбил первые, сделанные Богом, возмущившись, что Евреи поклонились золотому Тельцу. Почему Господь велел ему сделать самому новые скрижали? Сказал Господь: «Если бы ты их сделал сам, то не спешил бы разбивать».

Тит Злодей — так вошел в еврейскую историю — Стр. 178

навсегда с титулом «Злодей» — сын Веспасиана, разрушивший Второй Храм.

Стр. 179 *Даниил* — любимый герой легенд и Библейской книги Даниила. Среди прочих подвигов он вышел невредимым из рва львиного, куда его бросили, потому что не хотел поклониться идолу. Евреям запрещено поклоняться идолам — т. е. писаным или ваяным изображениям Божества и духов. Поэтому христианство — в особенности католицизм и православие — неприемлемы для евреев, так как христиане этих толков молятся иконам и статуям Христа и святых церкви, что, по мнению евреев, является идолопоклонством. В Библии дано много запретов, но только три из них важнее самой жизни, то есть лучше умереть, чем преступить их. Первый — кровосмешение, второй — кровопролитие, третий запрет — идолопоклонство. Лучше умереть, чем служить идолам. Поэтому тысячи евреев горели на кострах инквизиции, предпочитая смерть — переходу в христианство. Однако переход в ислам не так страшен, так как мусульмане идолам не поклоняются.

Ионафан, сын Узиила — переводчик книг Пророков на арамейский язык. Его учили пророки Хаггаи (Аггей), Захария и Малахия. Когда появился перевод Ионафана, сына Узиила, на арамейский, дрогнула Страна Израиля на 400 верст вдоль и на 400 верст поперек и раздался Глас Небесный: кто мои тайны сокровенные открыл людям? Встал Ионафан, сын Узиила, и сказал: я открыл, и ведомо Тебе, что не ради своей славы я старался и не дом своего отца почитать хотел, но лишь во славу Твою, чтоб не множились споры во Израиле. Почему же он не перевел прочие книги? Собрался уж было, но раздался Глас Небесный: довольно тебе, а дело в том, что в тех книгах тайна прихода Мессии была спрятана.

Язык перевода — арамейский язык, на котором написан и Вавилонский Талмуд, и Перевод Библии Онкелоса, что читается во многих синагогах наравне с Торой. Арамейский был разговорным языком в Стране Израиля во дни Даниила, Ионафана и Иисуса.

...Создал Я... — Исая 43:12.

...из Башана...— Псалмы 67:23.

...риза первосвященника...— по ее подолу золотые позвонки кругом (Исход 28:33).

...голос...— старая история Улисса-Одиссея (брата-семи́та, по Джойсу), также встретившегося с сиренами. Это — не единственная реминисценция: см. ссылку на «на воду» далее. Еще более забавное сравнение Агнона с Гомером было сделано Ицхаком Оренем: он сравнивает бой Аякса и Ахилла со следующим словесным поединком у Агнона: «Прищурил два своих сияющих глаза и сказал: с виду труднейшим вопросом из Гмары затруднил ты меня, и с виду к твоим словам и слова не добавишь, но если бы ты проверил получше, то нашел бы, что список испорчен, и это уже заметили два Столпа мироздания: Махаршал и Бах, и исправили его по свитку Рифа, и все слова мои опирались на исправленный свиток и по нему и определяют закон и полагают Положения. И тут стал р. Шломо нанизывать стих к стиху и положение к положению, в единое ожерелье. В этот миг омрачилось лицо р. Моше Пинхаса, как дно сковороды, и не ответил он ни слова, что, мол, отвечать, если правда — с р. Шломо. Стоял р. Пинхас, как ошеломленный, а р. Шломо продолжил свою проповедь. Топнул ногой р. Моше Пинхас, да так, что камни взвизгнули. И сам он взвизгнул и заревел: пане Горовец, блажен ты, что хватило тебе золота и серебра на книги, и все же все твои новинки — тщета, и проповедь твоя — суесловие. И тут же р. Моше Пинхас стал опровергать слова р. Шломо одно за другим, и все мужи вокруг уже не чаяли уследить за ним».

Семьдесят языков — как на корабле, на котором бежал Иона. Стр. 180

...сказал р. Шмуэль Иосеф: это Дух Божий...— автору виднее, Шхина возвращается вместе с Израилем, потому что Собрание Израиля — в лице Сидящего на платочке — возвращается в Страну Израиля.

Тайны Божии — Псалмы 22:14.

Синахериб — владыка Ассирии, войска которого разрушили Северное Израильское царство. Стр. 181

Навуходносор — владыка Вавилона, войска которого разрушили Южное Царство Иудеи и Первый Храм.

Птица-летица — птица, которая никогда не опускается на землю и пропитание получает прямо от Господа Бога — так описывает ее Менделе Мойхер Сфорим в своих «Легендах», и, замечает он, пристало ей говорить стих «Помощь мне от Господа».

Глас Господа — Псалмы 28:3.

Помощь — Псалмы 120:2.

На малое — Исайя 54:7.

Стр. 182 ...и выкупленные... — Исайя 35:10.

...*кровь*... — кровь битой птицы или животного нужно посыпать прахом (или пеплом по их омонимичности на иврите), чтобы не возопила к небу. Этот магический обряд замирения духа убитого животного или птицы упомянут и в Торе: «Он должен дать вытечь крови ее и покрыть ее прахом, ибо душа всякого тела есть кровь его» (Левит 17:13).

Отделение теста — «От начатков теста вашего лепешку возносите в жертву» (Числа 15:20). В память об этом жертвоприношении в наши дни берут кусочек теста и сжигают.

Стр. 183 ...не встретили в юдоли... — характерная вера в то, что Собрание Израиля не менее важно, чем все Небесные воинства. Израиль окончательно решает и толкования Торы, что бы ни говорил Небесный Глас и прочие силы. Во время бури герои рассказывают о праведнике, воспротивившемся решению Небесного Суда, приговорившего его к гибели. Господь не входит в Небесный Иерусалим, пока Израиль не войдет в Иерусалим Земной и т. д. Израиль зачастую сомневался в благости небесных воинств, а р. Ицхак Леви Бердичевер «судился» и с самим Господом Богом, что плохо обращается с Израилем. К примеру, царь — есть у него любимый сын, но его придворные и министры науськивают царя против принца-царевича, не пойдет ли принц прямо к царю, минуя придворных, и не упрекнет ли его за то, что слушает его ненавистников? Так и Израиль всегда считал себя любимым сыном Царя Царей и женой Царевны — Шхины.

Стр. 184 *Восемнадцать* — «жизнь», если азбуку переложить на цифирь.

Стр. 185 *Земля народа* — Вт. 32:43.

...пойди, лентяй...— Притчи 6:6.

Запасаться впрок — долей в Царствии Небесном.

Святая вода: в дни Храма к концу Кущей проводилось большое празднество «Радость водочерпания», или «Веселье водокачки», похожее на празднество Ивана Купалы; это был один из самых веселых праздников в те дни, по сказанному у Исаяи (12:3): «И в радости будете почерпать воду».

...сказал р. Шмуэль Йосеф...— ему, как автору, это было доподлинно известно. Стр. 188

Илия-пророк или праотец Авраам — казалось бы, естественно, что роль с а н д а к а, т. е. «крестного отца» при обрезании, должен был бы играть тот, кто заключил обрезанием завет с Богом,— праотец Авраам. Но Илия-пророк чаще приходит на помощь евреям в подобных обстоятельствах, так, он был сандаком при обрезании отца Каббалы Исаака Лурии, святого Ари.

Стамбул — описание пародирует «Путешествие Вениамина из Туделы», средневековую книгу путевых заметок. Стр. 189

Прелесть жизни — книга по Каббале, предположительно составленная саббатянами. Стр. 190

Дом Иосифа — книга р. Каро («Накрытый стол»), по этой книге поступают сфарадийские евреи, в то время как европейские (ашкеназийские) евреи исполняют ее требования с оговорками. Порядок возложения филактериев основан на каббалистических принципах.

Лаг баОмер — день Успения рабби Шимона бар Иохая, которого считают, по традиции, автором основной книги Каббалы «Сияние». В этот же тридцать третий день после Пасхи прекратился потоп, выпала манна и прекратилась эпидемия среди сторонников рабби Акивы, воевавших за Мессию Бар Кохву. (В некотором смысле Лаг баОмер — праздник, обратный 9-му Ава, когда были разрушены Первый и Второй Храмы, и Бейтар, и даже произошла Хрустальная ночь 1938 года. Это — хороший пример экономии праздников и траурных дней у евреев.) Стр. 191

Караимы — секта, не признающая Талмуд, но лишь Библию. Библию они толковали буквально, поэтому и сидели впотьмах в субботу, так как Тора запретила

зажигать огонь в субботу, а талмудическое толкование, по которому можно зажечь огонь перед наступлением субботы, они в течение долгого времени отвергали, считая его нарушением закона Горы. Этого же мнения придерживались за много веков до караимов и самаритяне — потомки десяти северных колен Израиля, хоть теперь самаритяне ставят свечу гореть в укромное место (а не посреди стола, как евреи).

И узрите... — Числа 15:39.

Прикосновение к мертвым — порождает скверну, очиститься от которой можно было с помощью пепла рыжей телицы, закланной и сожженной на Масличной горе. После разрушения Храма евреи не могут более очиститься от скверны прикосновения к мертвым.

Рамбам — Моисей Маймонид, средневековый философ и законоучитель, оплот рационального иудаизма (XII в.).

Светоч жизни — рабби Хаим бен Атар, каббалистический мудрец, современник Бешта, живший в Стране Израиля. Бешт хотел отправиться в Страну Израиля, только чтобы встретиться с Хаимом бен Атаром, потому что вдвоем они могли бы призвать Мессию; но для прихода Мессии время еще не созрело, а поэтому Бешт так и не взошел на Землю Израиля. Интересно, что, по приводимой легенде, каббалист бен Атар защищает рационалиста Рамбама — обратное вряд ли произошло бы. Рационалисты в иудаизме всегда сомневались в кошерности иррационалистов, а иррационалисты подчеркивали свою причастность Израилю. Поэтому на вопрос хасида, кем будет Мессия: хасидом или рационалистом — «противником» (хасидизма), праведникцадик ответил ему: конечно, «противником», ведь если он будет хасидом, «противники» его не примут, а хасиды примут Мессию в любом обличи.

Стр. 192 «Посвящение в мудрецы» — написана р. Нафтали б. Исааком Коэном, умершим в 1719 году.

Стр. 193 ...*восставил семья покойного...* — речь идет о прекрасном старом обычае, по которому, если муж умирал бездетным, на его жене был обязан жениться брат покойного и дети от этого брака носили имя покойного. Таким образом, будущее женщины гарантировалось —

она не оставалась никому не нужной вдовой, умерший не исчезал бесследно, и брат заботился лучшим образом о семье покойного, делая ее своей семьей. Если брат не хотел выполнить этого, он мог отказаться, пройдя определенную процедуру. Под давлением христианской морали евреи Европы и Израиля, к сожалению, совершенно отказались от этого обычая (теперь брат обязан отказаться от такого брака и освободить женщину). Если же брат покойного пропал без вести, вдова оказывалась в положении, подобном «соломенной вдове»,— она не имела права выйти замуж. Поэтому-то и беспокоятся герои, не оставил ли Хананья где женщины в таком положении. Мухаммад придавал особое значение этому обычаю и несколько раз настаивал на исполнении его в Коране и сам следовал ему— применительно не только к братьям, но и к павшим соратникам, чтобы не оставались вдовы павших воинов без пропитания.

Святой Ари— Лев Цфата, рабби Исаак Лурия Ашкенази (1534—1572), крупнейший средневековый каббалист, развивший теорию «исправлений», и др. Его теории легли в основу саббатианства. Ссылаясь на учение р. Лурии, Саббатай Цви, придя в Иерусалим, устроил трапезу, на которой собравшиеся ели запрещенный Торой бараний тук, благословляя «Разрешившего вкушать Запрещенное». Одним из первых действий Саббатай Цви была и отмена поста 17 таммуза. Почему Саббатай Цви не исполнял заповеди и даже отменил их, в то время как предыдущие мессии (Иисус и Бар Кохва) соблюдали их? Конечно, в этом видно христианское влияние: ведь после окончательного раскола иудаизма и христианства отцы церкви выступили против соблюдения Моисеева закона, хоть Иисус соблюдал его во всех деталях. Отцы церкви развили теорию, по которой Иисус как Мессия освобождает от исполнения заповедей, и, видимо, Саббатай Цви был знаком с этой доктриной. Но другой причиной является именно учение св. Ари, теория «исправлений», которой не было во времена Иисуса и Бар Кохвы (по словам одного антисаббатианца, видали Саббатай Цви с филиakterиями на голове в содомском соитии, приго-

варивавшего: «Вот великое мистическое исправление» — это может быть и ложь, но теория была далеко идущей). Сам Ари был Предтечей Саббатая Цви, и о его чудесах и чудесном зачатии и рождении есть немало рассказов.

Стр. 194 *Атаниэль бен Каназ* — (Гофониил сын Кеназа) отвоёвал Хеврон у хананейских племен (Иисуса Навина 15:17), а затем стал одним из Судей Израиля и победил царя Хусарсафема (Судьи 3:13).

Стр. 195 *...дай мне встречать субботу в Тиверии...* — Тиверия находится на низком месте, в долине Иордана и Тивериадского моря, а суббота наступает с закатом солнца — поэтому в Тиверии суббота начинается раньше, чем в любом другом месте в Галилее. Зато она и кончается раньше всего — с закатом следующего дня. Недалеко на горе стоял городок Ципори, куда поздно приходила суббота, но позже наступал и закат следующего дня и исход субботы. Поэтому один из талмудистов, живших в Галилее, воскликнул: «Дай мне, Боже, встречать субботу в Тиверии, а провожать — в Ципори».

Источник Мириам — речь идет о Мириам-пророчице, сестре Моисея. Затем этот источник явился сынам Израиля, когда они находились в пустыне, после исхода из Египта. У Меривы, где они роптали на Господа из-за нехватки воды, за заслуги Мириам явился сей источник, бьющий из пористой скалы. Он был сотворен еще во второй день творения мира и одно время находился у праотца Авраама, и из него Ревекка и Рахиль поили овец. После явления у Меривы источник повсюду следовал за сынами Израиля в течение всех 40 лет их странствия по пустыне, и исчез он при их входе в Землю Обетованную. Он сокрылся в Генисаретском море, и сейчас если глянуть с горы, то можно, говорит легенда, увидеть пористый камень — это и есть источник Мириам, и его вода исцеляет даже прокажу.

Стр. 197 *...на святом языке, как ангел Господень...* — ангелы не понимают по-арамейски, и на этом языке Бог сплетничает с людьми.

Стр. 199 *...ладья... готова разломиться...* — еще одна цитата из книги Ионы.

Р. Нахман из Городенки (ум. в 1780 г.) — один из учеников Бешта.

Р. Менделе из Перемышлян (род. в 1728 г.) — друг Нахмана из Городенки, вместе с ним поселился в Твери. Названия этих мелких местечек с трудом можно найти на карте Галиции, но в свое время они были подлинными столицами невидимой империи мистического еврейства.

Р. Шмельке из Никльсбурха (1726—1778) — один из отцов хасидизма, о чудесах которого рассказывают немало историй. Стр. 200

Моше Лейб из Сасова (1745—1807) — один из вождей хасидизма. Про него рассказывали, что по ночам он летает на небо. И хотя это и не было диковинкой в том поколении — Бешт тоже бывал на небе и спорил с сатаной, — все же его хасиды решили подсмотреть и запрятались однажды ночью и увидели: в полночь рабби встает, берет топор и идет к большой дороге. По пути рабби нарубил хвороста, сделал охапку дров и принес к дому одинокой вдовы. — Кто это, — спросила вдова. — Мужик Василий, — ответил рабби, — принес дров. Зашел он, натопил печку и вернулся домой. Ну, сказали подглядывавшие хасиды, это еще похлеще, чем слезать на небо. Интересно, что, по легенде, рабби выдавал себя за мужика-иноверца. Хасидизм постоянно клонился к иноверцам — последователям предыдущего еврейского мессии, и, видимо, отказ от прозелитизма нелегко давался хасидам. Так, Бешт до своего Явления проводил все время среди мужиков и пастухов в Карпатах и им явился раньше, чем евреям, и т. д.

Лялька — ну как тут не вспомнить корыто св. Маэля в «Острове Пингвинов»!

Прах, брошенный в море — традиционный мотив еврейских легенд. Когда царь Соломон согрешил и установил капище для своих жен, бросила птица комок земли в море, и там вырос остров, и на нем возник Рим, разрушитель Царства и Храма. Стр. 203

Огнь-река (река Динур) — огненная река, текущая с неба. Она создана жарким дыханием Зверей, на которых зиждется престол Господень. Хотя она и огненная, но холоднее солнца, и солнце купается в этой реке, Стр. 204

чтобы приостыть, а иначе сожгло бы весь мир. А еще солнце проходит на своем пути рай — поутру и ад — вечером, и утренняя заря — это видение райских роз, а закат — отблеск огней ада.

Стр. 205 *Чада Храма* — стих из книги «Сияние». «Малый свет» — уменьшенное, чтобы люди не ослепли, видение горного света.

Стр. 208 *...налетела огромная птица...* — намек на сказочное путешествие, описанное в «Дланиях Моисея» р. Моисеем Иерусалимским в XVIII в. Там тоже праведник упустил корабль, остался на берегу, повстречал пахаря (Микулу Селяниновича?), и тот посадил его на плечи и долетел с ним до Святой Земли.

Стр. 209 *...бросил он свой платок на воду...* — здесь Хананья напоминает двух своих предтеч — Иисуса и Бешта. Как первый, он пересекает море, «как посуху», со вторым связь более детальная; в книге о путешествии Бешта в Константинополь говорится: когда Бешт не нашел корабля, идущего в Святую Землю, хотел он постелить плат по волнам и сесть на плат, но р. Цви отговорил его.

...на воду... — вот еще одна гомеровская аллюзия, по словам проф. Версеса: Одиссей тоже доплыл до берегов желанных на покрывале Левкотеи (она же Ино), дочери Кадма: «Грудь он немедля свою покрывалом одел чудотворным и ... кинулся в волны» (Песнь Пятая 340—460).

Стр. 211 *Освящение рук* — омовение рук без особой ритуальной или религиозной причины. Никто не обязан омыwać руки при виде Иерусалима, такое омовение вызвано лишь желанием очиститься, но так как нет соответствующего долга и соответствующего благословения, такое омовение будет именоваться «освящением» — т. е. необязательным омовением по причинам духовного порядка.

Фарисеи — «противники» (хасидизма), последователи Виленского Мудреца.

Стр. 212 *Паломники Порты* — потому что приплыли они из Стамбула.

...как тучи... Исая 60:8 — описание возврата Израиля: «как тучи... и как голуби». Мудрецы толкуют

это так: одни сами рвутся в Страну Израиля, как голуби, а других несет сюда ветер — как тучи.

...перед обрезанием... — раньше существовал обычай собираться и бдеть всю ночь перед обрезанием младенца. Подобный обычай — сторожить младенца от злых духов в ночь перед посвящением — есть и у других окрестных народов, в частности у бедуинов. Затем, во времена гонений, когда сам обряд обрезания был запрещен, «ночь бодрствования» была перенесена на субботу перед обрезанием.

Стр. 215

Левит — младшее священство Храма, колено Леви (га-Леви — левит, человек из колена Леви). Они прислуживали священникам — коэнам (когенам) в Храме, и в память этого р. Шмуэль Иосеф Левит поливает воду на руки священникам — коэнам.

Благодарственный аминь — по сказанному в Талмуде: «Да продолжат священники благословлять, пока не завершит собрание благодарственным амином».

Стр. 216

...того, чье имя не упомянем, почтили свертыванием свитка... — Хананья тоже последним сел за стол (далее), и это пристало сказавшему: последние здесь будут первыми в Царствии Небесном.

...и в тот день станут... — Захарья 14:4.

Стр. 220

Платочек — появляется и в других рассказах Агнона: в «Соломенных вдовах» видят старого раввина, плывущего по морю на красном платке и с младенцем в руках, этот же мотив есть и в рассказе «Платочек»: «платочек из одноименного рассказа — символ любви между Израилем и его Богом — выскальзывает из рук ребенка и оказывается в руках Хананьи». («Платочек» был переведен на русский и напечатан в журнале «Менора».)

В сердцевине морей — почему Агнон назвал свою книгу «В сердцевине морей»? Это название намекает на тесную связь с книгой пророка Ионы, связь, редко встречающуюся в современной словесности и выраженную языком мистических аллюзий. О чем говорится в книге Ионы? Бог послал Иону проповедовать Слово Божие иноверцам (1:1—2), пророк не захотел этого и пустился в бегство (1:3—16). Господь велел рыбе прогло-

Стр. 221

тить пророка (2:12—2). В чреве рыбы пророк покаялся (2:3—10) и был выброшен на сушу (2:11). Он исполнил Божью волю и предупредил иноверцев о близящейся каре Божьей, те покаяться и обратились к добру (3:1—10). Иона поворотил домой, и по пути Господь объяснил ему, почему он заботился об иноверцах (4:1—11). Книга Ионы, говорят мудрецы Израиля, лишь притча, и она написана не самим пророком Ионой, жившим в VIII веке до хр. э., но, добавляют современные комментаторы, неизвестным мастером в 400—200 годах до хр. э. Предполагают, что эта притча рассказана была в те дни, когда шла (не окончившаяся и поныне) борьба между универсальным и национально-племенным характером иудаизма. С одной стороны, иудаизм провозглашает, что Бог — один, т. е. один для всех, с другой стороны — это Бог Израиля, и делиться им не хочется. Два раза этот конфликт становился особо острым: во времена написания книги Ионы и несколько позднее в районе Средиземноморья и семь веков спустя с другой стороны Израиля, в Хиджазе. Первый раз этот конфликт породил христианство, второй раз — ислам. Обе религии возникли в религиозном вакууме: сложились колонии монотеистов — неевреев, тянувшихся к иудаизму, но не находивших себе места в системе иудаизма. Они хотели полной религии, с храмами, священниками, обрядностью, и все это было у евреев, но не для передачи. Евреи говорили другим народам: если вы верите в Единого Бога, вы уже достаточно праведны, вам больше ничего не нужно. Нееврей-монотеист не обязан исполнять заповедей Торы, довольно с него и семи основных (не убий и т. д.), и тогда он не хуже самого праведного еврея и его доля в Царствии Небесном та же, что и у еврея. То есть евреи — народ священников — не хотели распространять Слово Божье и вести прочие народы, но вместо этого занимались своими делами — сеяли хлеб или писали Мишну. Во второй раз эта же ситуация повторилась во времена Мухаммада. На этот раз страдали монотеисты Аравии и Востока, также не могшие найти себе места в иудаизме и не желавшие принять христианство. Вторая и тре-

тья суры Корана удивительно напоминают своим содержанием жалобы монотеистов Средиземноморья — они полны неудовлетворенных стремлений, раздражения и ощущения неполноценности по отношению к евреям за то, что те не поделились истинной верой. «Разве Авраам был евреем или христианином? Он был ханеф — монотеист», — восклицает Мухаммад во второй суре. Действительно, перед евреями стоял тяжелый выбор, как перед выбирающим сосуд с водой. Если путник берет с собой в пустыню плохо закупоренный сосуд, то вода выльется или испарится, если же он возьмет слишком хорошо закупоренный сосуд, то его не удастся открыть, и придется путнику пить вместо чистой воды влагу мутных колодцев. Евреи где-то оказались похожими на хорошо закупоренный сосуд: они сохранили монотеизм, но не смогли поделиться им, и мир оказался вынужден, злясь на запечатанный сосуд, пить воду пополам с языческими примесями. Затем, как сказал средневековый философ, «евреи не захотели распространить учение Божие, поэтому Бог распространил их», — произошло Рассеяние. Одновременно с этим распространилась по свету и первая мессианская вера, отделившаяся от еврейства, — христианство. (Не все современные христиане знают, что Христос — греческий перевод слова Мошиях, Мессия — Помазанник, Царь Израиля. Иисус был не последним в ряду мессий и полумессий Израиля — за ним следовали бар Кохва и другие.) Христианство стало верой неевреев, иудаизм — верой только евреев. С этим конфликтом и связана книга Ионы. Недаром она была особо популярна среди христиан, обвинявших Израиль в отказе от своей вселенской миссии. По символической интерпретации книги Ионы, Иона — это Израиль, он был послан дать Божий Закон миру, но он отказался идти к иноверцам. Тогда Господь послал большую рыбу — Вавилон или Рим, — и Израиль был проглочен. Далее притча читается по-разному. Еврейские экзегеты поздних времен не задерживаются на идее распространения Торы между народами. Для них речь идет о грехе, раскаянии и Божьем прощении.

По христианской экзегезе, покаяние Израиля и его готовность распространить Слово Божие выразил Иисус. Иисус сам сравнил себя с Ионой (Матфей 12:40) по ряду причин. Сначала он, как и Иона, отказался иметь дело с неевреями, говоря (Марк 7:26—29): «Не берут хлеб (Торы) у детей (Израиля), чтобы бросать его (языческим) псам», но затем согласился. Более того, он был послан нести Слово Божие иноверцам. И наконец, он провёл три дня (как Иона) в чреве земли перед воскрешением.

Если учитывать только традиционную еврейскую экзегезу, то в повести «В сердцевине морей» нет полной аналогии с книгой Ионы, кроме самой простой: Хананья нарушил святость Судного Дня и был брошен на берегу, он покаялся и исполнил мицву (заповедь) и спасся. Но с привлечением христианской экзегезы как возможного подтекста аналогия становится полной: Иисус — Иона принёс Слово Божие иноверцам, обратил их, а затем пустился в обратный путь из Ниневии Рассеяния в родную Землю Израиля. Иными словами, по этой теории в повести говорится о репатриации Иисуса.

В какой степени эта теория безумна? В меньшей, чем можно было бы ожидать с первого взгляда. Мог ли Агнон подумать о таком? Во-первых, мог, и его винили и за христианские мотивы его произведений (см. комментарий к «Правым Стезям»). Во-вторых, «сам Ибн Эзра разъясняет трудные места, что пророки пророчествовали, а что говорили — сами не знали» («В сердцевине морей»), то есть автор не обязательно ощущает и сознательно реализует все ассоциации и аллюзии в своем произведении. Идеи могут появляться из общего религиозно-идеологического континуума и без сознательного усилия автора. Но есть ли такая идея в еврействе вообще? «Еврейская идея — это идея, которой придерживаются евреи, и больше ничего», — пишет знаток Каббалы Гершом Шолем.

Такая идея появлялась у евреев на двух уровнях. Во-первых, на чисто мистическом: один из последующих мессий — Саббатай Цви — старался спасти душу Иисуса (как Бешт старался спасти его душу), т. е. воз-

вратить Иисуса Израилю. На уровне рационалистическом наш современник и хороший знакомый Агнона профессор Еврейского Университета Давид Флюссер (верующий и исполняющий все заповеди еврей) пишет в своей последней книге «Иудейство и истоки христианства»: «Христианство и иудаизм можно воспринимать теоретически, как единую веру. Напряженность в отношениях с евреями была нужна христианской церкви, чтобы стать всемирной религией вчерашних язычников, но сейчас этой надобности нет. Христианство может возродиться с помощью иудаизма. Иисус стал разделяющим фактором между евреями и христианами явно вопреки своим намерениям. Надежда христианства — это перенос центра тяжести с божественного на нравственное, на содержание проповедей Иисуса. Тогда еврей Иисус не будет больше разделять евреев и христиан, но объединит их».

По мнению Флюссера, Иисус соблюдал все заветы и заповеди иудаизма, праздновал Пасху, верил в Избранность Израиля. Исторический парадокс — что христианская традиция сделала его ниспровергателем Закона Моисея. На самом деле он жил по еврейской вере и умер во имя ее (осужденный садуккеями — зная за свои пророчества о падении Храма, которые были восприняты как подрыв власти храмового священства). После его смерти произошел разрыв между Иисусом — еврейским учителем и Иисусом — объектом поклонения, будущим богом язычников. Иудео-христиане стремились записать и исполнять его изречения, последователи Павла поражались его распятием, воскресением, непорочным зачатием и т. д. Павел и его последователи победили, и поэтому учение Иисуса играло куда меньшую роль в христианстве, нежели его восшествие на престол Небесный. Но именно эти, важные для христиан-неевреев атрибуты Иисуса стали между Иисусом и евреями, вместе с практиковавшимся христианами отходом от исполнения мицвот (заповедей).

На более глубоком уровне репатриация Иисуса — это репатриация его идей, репатриация мессиянства, гармонизация разрыва между предельной формой ир-

рационального иудаизма и основным рациональным потоком. Эта репатриация производится, по такому толкованию книги, Бештом. Бешт — чудодей, целитель, духовный вождь, являющийся карпатским горцам и молящийся за разбойников, но остающийся евреем, строго соблюдающий все заповеди и тому же учащий своих последователей — сынов Израиля, и отказывающийся от мессианского венца, хоть он ему и впору, — уже является еврейским Иисусом XVIII века. Но Бешт и его последователи — хасиды, — отказавшись от мессианства, отказались и от возврата в Землю Израиля. Подлинная гармония достигается лишь с возвратом в Землю Израиля: полная репатриация Иисуса завершается с приходом хасидов и Хананьи в Иерусалим. «Пришло время Возврата Пленников», — восклицают отроки, и среди пленников Израиля возвращается и Иисус, на столь многие века задержавшийся в Ниневии и ставший богом ее жителей.

Итак, «В сердцеvine морей» — книга полной гармонии, книга о возврате и слиянии рационального и трансцендентального, мессианства и исполнения мицвот, распространения Торы и сохранения национально-религиозной самостоятельности, Торы и Страны Израиля, Народа Израиля и Святого Духа. При таком вселенском возврате становится понятно, для кого Агнон поберег место среди пилигримов — для того, кого хотел спасти еще Саббатай Цви. Но в этой книге (в отличие от современной ей поэмы «Двенадцать») Иисус не ведет, он — ведомый. Не Иисус возвращает и ведет народ Израиля, но народ Израиля — Хананья, — приобщившийся к тайнам мистического хасидизма, ведет и возвращает Иисуса в Страну Израиля. Если принять эту теорию, на место становится вся символика книги Ионы и многочисленные намеки в тексте, например: Безымянный пилигрим спрашивает о заслугах иных народов или оказывается последним («Здесь последние — там будут первыми»). И ясен становится ответ Бешта, почему необрезанные пастухи заслужили право сказать стих, который святой народ Израиля говорит в Святой день Иом Кипур (день чтения книги Ионы).

Интересно, что все исследователи этой книги были — явно или неявно — близки к данной интерпретации. По одной версии, с пилигримами: Грядущий Мессия, по другой — Саббатай Цви, по третьей — Сатана. Саббатай Цви подходил бы по всем данным, если б не символика книги Ионы, не касающаяся его: его имя запрещено называть, он связан со Святой Землей, он — прямой предтеча хасидизма, его — отступника — и в миньян засчитывать нельзя. Его сходство с Иисусом заметно: очередной еврейский мессия, он — по словам книги «Благовестие Бешта» — даже находится на Том свете на том же уровне, что и Иисус. И Саббатай, и Иисус для ортодоксального еврея — лжемессии и сродни Сатане, не говоря уж о более глубокой связи (дуалистической связи гностиков: мессия Христос и Сатана Антихрист): по словам Бешта, даже ключ к душе Мессии находится у Сатаны.

В повести есть еще один сатанинско-мессианский герой — разбойник с филистериями (прямо по Саббатаю Цви, см. сноску к «св. Ари»). Он не только одновременно грабит и налагает тфилин, он еще и знает путь в Страну Израиля (= к спасению = на Тот свет) и делает благое дело — избавляет вместе с Хананьей женщину от соломенного вдовства. Соломенная вдова — это символ Израиля (и Шхины) с тех пор, как Господь изгнал его (и она ушла в изгнание). Все мольбы Израиля — как мольбы покинутой женщины, и Господь отвечает Израилю, как муж — провинившейся жене. Избавление от соломенного вдовства в книге производится не возвратившимся мужем, но фактом установления его смерти. Этот мрак искупления напоминает нам «Прах Земли Израиля» (см. сноску к «земля народа его»). Только разрешив оковы связи с мертвым, Хананья — Израиль — смог отплыть к Земле Израиля, и для разрешения ему понадобился тот же разбойник с филистериями. Если автор выбирает себе псевдоним «Агнон», можно предположить, что эта коннотация — «агуна» — соломенная вдова — Израиль, оставленный Господом, — особо близка ему. Причастность разбойника с тфилин к освобождению

соломенной вдовы лишь увеличивает его сатанинско-мессианский размах. Поэтому понятно, что, по теории другого исследователя, Безымянный пилигрим связан с разбойником (то ли сам архистратиг, то ли кто иной). Мессианство и сатанизм сближаются и во многих других современных учениях; так, И. Бэлза в сборнике «Контекст» (Москва, 1978) подчеркивает связь между красной звездой красноармейцев и звездой Люцифера, с другой стороны, коммунизм, конечно, воспринимался многими как движение мессианское. Крайне религиозные круги в Израиле любят подчеркивать лжемессианский, сатанинско-мессианский (по их мнению) характер сионизма. Итак, все исследователи сходятся на том, что пилигримы везут с собой обратно в Страну Израиля нечто, связанное с (лже)мессианством. Но Иисус был единственным из мессий Израиля, ушедшим к иным народам, единственным, ставшим Ионой, поэтому он является центром этого религиозного континуума, на который указывают все исследователи.

Поскольку речь идет не об аллегории, невозможно подставить «подлинные имена» вместо имен героев. Иисус — не только безымянный пилигрим, и Хананья — не только Израиль. Ведь Иисус Нового Завета — воплощение добродетелей Израиля, и это делает его двойником Хананьи — праведника. Иисус, таким образом, эквивалентен Израилю и Ионе в этой книге. Интересно, что эта столь очевидная для автора «Правых стезей» идея осталась не замеченной агнонистами. Один из них предпочел даже увидеть в Хананье Вечного жида Агасфера из-за того, что он идет из города в город и т. д. Появление такой версии можно объяснить только тем, что исследователь ощутил присутствие Иисуса в повести, ужаснулся и предположил, что речь идет о его врагах.

В отличие от детектива у комментария нет возможности указать на единственно верный ответ. Можно лишь понять, о чем идет речь — о пути Бешга (но не его последователей, не даром Агнон не стал хасидом того или иного праведника), о пути Иисуса (но не его

последователей, ведь Агнон подчеркивает важность исполнения заповедей), о гармонии в мире, об избавлении божественных искр «нецоцот» (на языке Каббалы) из мрака, о грядущем полном слиянии Святого Духа и Собрании Израиля — обо всех этих тайнах мироздания написал Шмуэль Иосеф Агнон последнюю книгу Библии — свиток «В сердцевине морей».

ШМУЭЛЬ ИОСЕФ АГНОН
В сердцеvine морей

Редактор И. Бадалбейли
Художник Э. С. Зарянский
Художественный редактор С. Е. Барабаш
Технический редактор А. П. Агафошина
Корректор Е. В. Рудницкая

ИБ № 6301

Сдано в набор 28.03.90. Подписано в печать 25.12.90. Формат 84 × 108¹/₂. Бумага офсетная. Гарнитура баскервиль. Печать офсет. Условн. печ. л. 17,64. Усл. кр.-отг. 18,06. Уч.-изд. л. 15,05. Тираж 50 000 экз. Заказ № 383. Цена 2 р. 20 к. Изд. № 7385.

Издательство «Радуга» Государственного комитета СССР по печати.
119859, Москва, ГСП-3, Zubовский бульвар, 17

Можайский полиграфкомбинат В/О «Совэкспорткнига» Государственно-го комитета СССР по печати.
143200, Можайск, ул. Мира, 93

Витраж
Марка Шагала
в синагоге
Медицинского
центра
Иерусалима